

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валерий Бродовский По следу зверя...	
<i>Повесть</i>	15
Александр Мосиенко Крыша	
<i>Рассказ</i>	105
Игорь Берг Сеньорита	
<i>Отрывок из романа</i>	147

ПОЭЗИЯ

Валерия Махенько <i>Стихотворения</i>	3
Марина Новиковская <i>Стихотворения</i>	97
Сергей Гамаюнов-Черкесский <i>Стихотворения</i>	101
Александр Мосиенко <i>Этюды</i>	119

*Литературное
Ставрополье
№ 2 (2022)*

ЛЕГЕНДЫ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Олег Игнатьев Якорей не бросать	119
---	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей Карташов Огненный рубеж: Смыков–Григорополисская	211
Владимир Лычагин Ставропольская сцена в лучах истории <i>Главы из книги</i>	249

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна Пестрякова «Я – кровинка большого народа»	245
---	-----

ББК 84(2Рос=4Ст)

УДК 821.161.1

Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова,
А. Куприн, Е. Полумискова, С. Скрипаль,
Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 2.
– Кемерово: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2022. – 260 с.

ISBN 978-5-85905-651-4

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел. (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мариупольская весна

Ещё чуть-чуть и кончится весна.
Но вот опять дома уютжат «Грады»,
И в глубине подвалов не до сна
От гула непрерывной канонады.

Под старой вишней – холмики, кресты:
Там хоронили жён, друзей, соседей.
На месте разыгравшихся трагедий
Среди осколков – майские цветы.

Вчера весенний дождь с утра хлестал,
Воронки на дорогах наполняя;
И кто-то белой краской написал
«Живые люди» на стене сарая.

Живые люди. И земля живёт:
Цветёт каштан, собаки лают рядом,
И под неразорвавшимся снарядом
Трава упорно новая растёт.

А здесь опять на улице толпа –
Гуманитарный груз везут КАМАЗы.
И древний дед, бородку теребя,
Спешит к бойцам российского спецназа.

Смахнёт слезу. Смущенно скажет им:
– Давно, ребята, хлеба мы не ели...
А на площадке – детские качели
На фоне мариупольских руин.

**ВАЛЕРИЯ
МАХЕНЬКО**

Поэзия

Дом выстыл. Я к холодной батарее
Прижмусь привычно, не отдернув рук,
И в пустоте немой окаменею,
Пытаясь успокоить сердца стук.

Не хлопнет дверь, не скрипнет половица,
И паутина окна заплела;
И пролегла безвременья граница,
Где пыль ковром укрыла зеркала.

Никто в печи огонь не разжигает.
Ничьи в тиши не слышны голоса.
Лишь тени в этом доме обитают,
Да с фотографий молча наблюдают
Родные лица, добрые глаза.

И вечер напоздёт неумолимо,
Навязчивый, как старый добрый кот...
Печален дом, – холодный, но любимый, –
Когда никто в нем больше не живёт.

– Ах, как глаза слипаются!
Сколько уже не спали мы?
– Ну, потерпи, мы справимся.
Видишь, на небе зарево:
там отморозки с запада,
там вертолеты кружатся,
там на страну распятую
мерзость ползет и тужится.

Это не игры в танчики:
хочется иль не хочется –
не засыпайте, мальчики,
ночью кошмар не кончится.

И не воскреснуть заново –
жизни лимит на минимум.
– Ты попрощался с мамою?
Дочку назвал по имени?

Лишь безрассудно-смелые
(бронезилет да «Молотов»)
как на Голгофу – с верою –
снова в окопы... Холодно...

Вместо святой обители –
дворик, напалмом выжженный.
Но люди свой путь увидели.
Господи, помоги же им...

Я верю, что-то в нас ещё осталось
От тех, что родились сто лет назад
И заплатили юностью за старость,
И помнят славный город Ленинград...

Вы думали, мы все сейчас такие:
Чуть где-то грохнет – спрячемся в тени?!
Плохие? Нет. Скорее – никакие.
Без принципов, морали, без любви...

И всё же нас Европа плохо знает:
С ребятами России повезло!
В них крепкая порода прорастает
Всей ненависти западной назло.

Для них не важно, на какой вам мове
У колыбели пела песни мать,
И чья земля, разбухшая от крови,
В защитники их выбрала опять.

За правду в бой идут, не за медали...
И я судьбу свою благодарю,
Что родилась не в лондонском квартале,
Не в яблочном манхэттенском раю,

А в той стране, не знающей испуга,
Где русский и чеченец, и башкир
В одном строю всегда и друг за друга, –
За Украину, Сирию, за мир,

За бабушку, что к танкам с флагом вышла
И знамя не позволила топтать...
Наверное, даровано нам свыше
Предназначенье правду защищать.

Пусть против нас весь мир – какая жалость! –
Но Русь ни отменить, ни обнулить...
Я знаю, что-то в нас ещё осталось!
Иначе как мы сможем дальше жить!

После бабьего лета
В золотых паутинках
Осень так незаметно
Стала вдруг невидимкой.

И в закате лучистом,
То и дело взлетая,

Перелётные листья
Собираются в стаи.

Им, прощаясь, кричали
Беспокойные птицы,
Что в бескрайние дали
Нужно всем торопиться.

День отлёта назначен, –
Попрощаться осталось,
Только в кронах прозрачных
Птичья тень затерялась.

А над старой осиной
Листьев облако вьётся,
Набивая периной
Опустевшие гнёзда.

Смотрят в яркие окна
Словно бабочки листья;
Налипают на стёкла
Жёлто-красные кисти.

Им бы в небо подняться
Вслед за клином пернатым,
Только как же расстаться
С засыпающим садом!

Как оставить с рассветом
Те берёзы и ели,
Что качали всё лето
Их в родной колыбели!

И как хищники в клетке
Листья мечутся роем,
Беззащитные ветки
Укрывая собою.

В схватке с ветром сойдутся
И, стволы обнимая,
Навсегда остаются,
У корней засыпая.

Век недолгий пролистан...
Красота увядает...
Перелётные листья
На земле умирают...

Случайная встреча –
и я пропадаю.
Похоже,
Что время не лечит.
Теперь-то я знаю.
Так что же?
Мне с истиной этой
сживаться, срастаться. –
Навечно.
И нет в том секрета:
с тобою сражаться
мне нечем.

Но помню обиду
и взгляд подниму
равнодушный.

Стой, сердце, не выдай! –
счастливой мне выглядеть
нужно.

Внутри всё сожмется:
ах, как же тебя я
любила!

Кивну равнодушно.
И мимо с подружкой...
Красиво!

Матрёшка

За окном кричит петух горластый.
За ночь горы снега намело.
Хочется надеть платок цветастый,
Посмотреть в узорное окно.

Взять бы расписное коромысло
И – вперёд, походка от бедра,
По тропинке, что морозец выстлал
Слитками ночного серебра.

Спину выгну, чтоб не колыхались
Вёдра со студёною водой...
Вот такими парни любовались
На Руси далёкою порой!

Это ж не Снегурочки – Матрёшки!
От ходьбы румянец на щеках,
Под разливы старенькой гармошки
Расцветали в северных снегах!..

– Остановка! – прокричал кондуктор.
Я смахнула лёгкий сон рукой,
И из переполненной маршрутки
Вышла, как из сказки золотой.

Зимний город, что медведь в берлоге;
Мелкий снег кружится всё быстрее,
Караван сугробов вдоль дороги
Ловит мягкий свет от фонарей.

Я в стекло витрины магазинной
На себя смотрю со стороны:
Стеганая курточка, лосины,
Сумки руки тянут до земли...

Что ж, пора в реальность окунуться –
Королевой быть мне только в снах
И до сказки той не дотянуться
Даже на высоких каблуках.

Но вдохну всей грудью, с наслаждением
Воздуха колючего глоток
И – туда, где замер на мгновенье
Торопливый транспортный поток.

Щёки на морозе расцветают.
От дыханья пар идет густой.
Я спешу, мне фарами моргают,
Ну а я в ответ машу рукой.

Капюшон сниму, расправлю плечи,
Улыбнусь тому, кто за рулем.

И теплее стал холодный вечер,
Будто что-то знаем мы вдвоём.

...Снегом припорошена дорожка.
Скоро, очень скоро Новый Год...
Русская красавица, Матрёшка,
С сумками по улице плывет.

Я открываю заново тебя...
О, сколько граней у твоей Вселенной!
И жизнь моя теперь поделена
На мир простой и необыкновенный.

Один понятен и предельно прост:
В нём свет и тень соседствуют в согласье.
Другой – над чёрной бездной хрупкий мост,
А там, за переправой, – наше счастье.

Как звёзды из небесной глубины
Одною стороною для всех сияем,
А я другую сторону Луны –
Твоей Луны – увидеть так желаю!

И будет ли другая сторона
Моей душевной музыке созвучна?
Я открываю заново тебя...
И мне с тобою никогда не скучно!

На карте жизни – разных сто путей,
Мир неизведан и невероятен...

Пусть в наших чувствах до последних дней
Как можно больше будет белых пятен.

Как трудно знать, но всё равно молчать.
Ещё труднее ждать и не дожидаться.
А если верить, значит – доверять,
И, значит, нужно быть, а не казаться.

Как трудно оставаться на земле,
Когда уйдет желанный и любимый,
И чувствовать вину за то, что мне
Дана возможность снова быть счастливой.

Как сложен мир, как истина проста.
Её давно знал мир тысячелетний:
Ты каждый день, как с чистого листа,
Живи, как будто этот день последний.

Не позволяй обидам захлестнуть,
Люби, чтоб ревность чувств не омрачала...
И если б можно было все вернуть,
Я только так все б начала сначала.

Стол целлофаном выстелен,
вазы с цветами, листьями...
Я, изучая флористику,
противоречу истине.

Кто же, скажите, выдумал
цветосоединение?!
Вот бы придумать зимнее
летнее настроение!

Мне говорят: – Не нравится.
Мне говорят: – Всё плохо.
Знаешь, не сочетается
лилия с чертополохом.

Я им в ответ: – Не в теме вы,
радуга – праздник цвета.
Жёлтыми хризантемами
в зелень добавлю лета.

Белой холодной розе –
синее одеяние,
Будто в окне морозном
северное сияние.

Кисти рябины спелые
снежными сбрызну блёстками
Будут в букете смелые
Краски: живые, хлёсткие.

Вот уж смотри, поистине –
магия, цветомания...
Я создаю флористику.
Я разрушаю правила.

Живая вода

До ниток стёрся переплет,
Но мне так дорог томик этот.
Он на столе моём живет
Среди бумаг и документов.

Закончит день свою игру
И зажигает лампы вечер.
Я книгу старую беру
И наслаждаюсь русской речью.

Здесь Тютчев гимн весне поет,
И, клен обняв, грустит Есенин,
По всей земле метель метёт,
Свеча горит, и пляшут тени.

С любой страницы наизусть
Я расскажу вам книгу эту, –
Мне к чтению прививали вкус
России лучшие поэты.

Над каждой думая строкой,
Я слова красоту постигла,
Как будто в толще ледяной
Купель чудесная возникла.

Смотрю с восторгом в полынью –
Там слог живой водой струится,
А я, как путник, жадно пью
И не могу никак напиться.

По следу зверя...

Повесть¹

13

В отряде Чепракова было два радиста. Один находился в группе капитана Вовка. Второго Фёдор Иванович держал на старой охотничьей заимке, расположенной в труднодоступной болотистой местности, в нескольких километрах от их основной базы.

О небольшом срубе или «болотном домике», как называл его командир, в отряде знало всего несколько человек. Старшина Андрусенко был одним из тех, кому была известна дорога к нему. Вместе с Колей Цвирко и двумя закадычными друзьями, ефрейторами Павлом Черенковым и Сергеем Кнутовым, они, не мешкая, выступили и часа через два вышли к болоту.

Подсвечивая путь немецким армейским фонариком, Циркач вел свою небольшую груп-

¹ Окончание. Начало в № 1 за 2022 г.

**ВАЛЕРИЙ
БРОДОВСКИЙ**

Проза

пу тайными тропами, по заметкам, оставленным ранее. Их он определял даже в темноте. ещё через час, пройдя по кабаньей тропе через заросли болотного аира, они вышли к крохотному, площади не больше гектара, островку взбугрившейся земли, где, укрытый от посторонних глаз густым подростом ивняка, стоял, ссутулившись от времени, небольшой обомшелый сруб.

Разведчиков заметили чуть раньше, чем они слышали приглушённые голоса людей. В приоткрытой двери бесшумно показалась тень человека и исчезла в ближайших кустах. Подумав, что это кто-то из своих, старшина Андрусенко уже собирался выкрикнуть слова пароля, но незнакомый хриплый голос опередил его:

– Кто там? Ходьте стороной отсюда! Хворые мы, заразные!

В предутренней тишине раздался характерный металлический щелчок винтовочного затвора. Присев на корточки, Циркач дал знак товарищам рассредоточиться.

– Никак холерные? – выкрикнул он громко.

– Тиф у нас! – пришло в ответ.

– Во-о-на как! – с наигранным сожалением протянул старшина, одновременно показывая знаками ефрейтору Кнутову, чтобы обошел справа небольшой сосновый выворотень. – Худо!

Оглядевшись, Сверчок заметил в стороне облысевший куст ракиты и быстро пополз к нему. С этого места вся правая сторона сруба хорошо просматривалась.

– Похоже, кончили нашего радиста? – взяв на прицел входную дверь, прошептал Черенков в затылок Циркачу.

В этот момент из приоткрытого окна донёсся знакомый голос Григория Никишаева:

– Рублёный, оставь, то наши пришли! – И уже обращаясь к своим товарищам, радист группы громко прокричал: – Идите-идите! Гости у нас!

Последние слова прозвучали как предупреждение: будьте бдительны, на заимке чужие!

Продолжая держать оружие наготове, бойцы стали медленно приближаться к срубам. Из-за кустов на тропу выскочил небольшого росточка мужичок. Луч старшинского фонарика выхватил на его тощем, заросшем редкой бородкой лице испуганно бегающие глаза. Едва не наступив на полу длинной, до пят, полицейской шинели, явно заимствованной у кого-то более рослого, человек просипел простуженным голосом:

– Сколько вас?

– А вас? – хмыкнул шедший впереди Кнутов. Не отличавшийся покладистым характером ефрейтор решительно оттолкнул коротышку в сторону. – Слышь, «Гулливвер», ты кто такой, чтобы перед тобой отчитываться? – намекая на его небольшой рост, процедил он сквозь зубы.

– Славная рожица! – шмыгнув носом и идущий следом Черенков, близко рассмотрев лицо человека, одетого в полицейскую форму. Чертами лица и тёмной бородой тот был немного схож с одним цыганом-конокрадом, которого Лопата знал в юности. – Небось, все болотные кикиморы разбежались? И поговорить не с кем будет?

Нервно передернув худыми плечами, полицейай собрался было ответить дерзким на язык незнакомцам, но выскочивший в этот момент из домика Никишаев одернул его:

– Сказано же, свои!

Войдя внутрь, разведчики окунулись в полумрак тускло освещённой несколькими лучинами комнатенки. В нос ударил резкий запах чеснока. Тронов Циркача за рукав, Григорий глазами указал на дальний угол, где под образом Николая Угодника сидел, поместив винтовку между ног, ещё один человек в форме полицейского.

– Как добрались? – спросил Никишаев, предвосхищая всякие ненужные вопросы. – Надеюсь, красноперых на хвосте не привели?

– Да вроде никого не заметили, – сообщил Циркач, продолжая коситься на полицая. – А вы чего такие нервные тут? Про тиф раскудахтались! Напугать нас решили, что ли?

Неожиданно для всех незнакомец громко рассмеялся:

– Это всё Зосим! От каждого пня шарахается. Давеча встретили в лесу полицейских из соседнего района. Те подумали, что мы в Литву идём. Хотели с нами. Так он давай орать издалека, мол, тиф у нас.

Брови Кнутова приподнялись:

– И что, поверили?

– Убёгли! Не захотели с тифозниками связываться.

– Дурачьё!

С заросшего лица незнакомца слетела улыбка. Вытянув шею, он злобно посмотрел на Сергея:

– Кто?

– Все! – Кнут прошел к столику, присел на лавку. – Все, кто в Литву мылится.

– Думают, что красноперые их там не достанут, – присоседился рядом Лопата.

Зорко следя за полицаем, Сверчок оставался у входа. Циркач подошел к крошечному – не больше ладони – окошку, выглянул наружу. Рассвет едва забрезжил, но уже просматривались очертания верхушек растущих вдалеке деревьев.

– А вы, как я понял, в Литву не намерены идти, так?

– Посмотрим, – уклонился от ответа полицаи.

– До весны пересидим где-нибудь, а там видно будет.

Со двора слышались шаги, и через мгновение, скрипнув ржавыми петлями, дверь приоткрылась. Повернув голову, Сверчок оторопел. Прямо за ним стоял... Захар Петрович Степаненко. Словно ограждая себя от ненужных вопросов, старый казак насупился, после чего лицо его неожиданно расплылось в улыбке:

– Здорово, унучок! Вернулся? Опосля погута-рим, – хлопнул он юношу по плечу.

Юноша не видел старика несколько месяцев, и сейчас ему стоило немалых усилий не броситься в объятия. Отвечая на приветствие, он через рукопожатие ощутил, как тот волнуется. Очевидно, боялся, чтобы Сверчок чего лишнего не сболтнул.

Кивнув остальным, точно только недавно виделись, дед Захар поспешил в дальний угол помещения, где была сложена из камней и глины печь.

Оторвавшись от окошка, старшина Андрусенко подошел к полицаю, протянул для приветствия руку:

– Ну, давай знакомиться, что ли? Меня все Циркачом кличут, зови и ты так.

– Онисим! – представился полицаи. – Загорулько!

– А дружка твоего как величают?

– Брательник мой, двоюродный, на Зосима Рублёного откликается, – ответил Онисим.

– Это что, фамилия у него такая? Или в детстве чего важного лишился? – пошутил Кнутов.

Старшина бросил на него осуждающий взгляд и снова повернулся к Загорулько:

– Вы как здесь?

– Как и вы! – развел руками Онисим. – Ховаемся от НКВД. Народ сказывает, коммунаки охоту объявили на нашего брата. Вешают прямо на площадях.

– Мы не прячемся, мы боремся, – насупился Циркач.

– Хлопцы, кончай разговоры баить! – решительно прервал их дед Захар. – Зараз я вас угощать буду. Хтось знае, может, в последний раз горячего откушаемо. Сыны Дзержинского – тот ишо народец. От них сбежать дано не каждому. Помню, году в двадцать третьем то было...

И пока Захар Петрович продолжил начатый ещё вчера при появлении полицаев рассказ о своих жизненных скитаниях, Циркач позвал Григория Никишаева выйти за ним во двор.

Оставив позади покосившийся домишко из замшелых брёвен, Андрусенко обошел такой же ветхий нужник и остановился у старого, струхлевшего от времени и вечной сырости высокого пня, покрытого толстым слоем мха. Ещё раз, тщательно осмотревшись и не обнаружив поблизости Зосима Рублёного, он быстро всунул в руку радиста сложенный вдвое листок с текстом.

– Гриша, приказано срочно передать в Центр! Где рация?

– Здесь, неподалёку, – прошептал Никишаев. – В зарослях прячу.

– Отправь это немедленно, а я прослежу за полицаями. Кто такие? – поинтересовался старшина.

Григорий пожал плечами:

– Точно не могу знать. Утверждают, что из местных. Свалились на нас вчера под самый вечер. Кажется, подбирают место для зимовки. Рублёный, ну, тот, что первым вас встретил, вроде как охотился раньше в этих местах. Говорит, барсучий жир заготовливал.

– Их только двое?

Никишаев отрицательно покачал головой:

– Если не врут – целое отделение.

Несколько минут спустя в Москву полетело донесение: «Лесоруб доставлен бригаду тчк Заготовитель тчк».

Дождавшись возвращения Андрусенко, Захар Петрович стал приглашать всех к столу:

– Сидайте, хлопцы! Зараз завтракать будем! А куда Григорий подевался?

Занимая место за столом напротив входа – так было удобнее контролировать всех входящих и выходящих, – Циркач громко хмыкнул:

– Думу думает в отхожем месте! На живот жалется. Чем-то ты его накормил, старый, уж не мухоморами ли?

По напряженному лицу старшины догадавшись, каким делом сейчас может быть занят их молодой радист, дед Захар подыграл:

– От бисова душа! Верно, барсучьего жира переев. Жир тот, доложу я вам, хлопцы, первейшее средство от многих хворей! Тильки меру треба зна-

ти. Гришка, видно, с жадности своей много скушал, вот и мучается. Ну, нехай прочистится. Худа от того не будет. Слышь, Онисим! – повернулся он к полицаяу, всё так же обнимавшему винтовку, – кликай свово брательника, хай тоже поист. Я вас супчиком из барсука кормлевать буду.

Звать Рублёного не пришлось. Дверь почти тотчас распахнулась, словно он всё это время находился за ней. Повесив в прихожей на гвоздь винтовку, полицай, ни на кого не глядя, прошел к столику, плюхнулся на табурет и зарылся грязной пятерней в нечёсаную бороду. Обведя внимательным взглядом одетых в полицейскую форму разведчиков, Зосим всем своим тщедушным телом повернулся к старику.

– Слышь-ка, Захар Петрович, про себя с Григорием ты нам вчера все рассказал, кто вы да что. А как насчет этих твоих друзей? – Взгляд его больших и черных, как у цыгана, глаз упал на Циркача. – Вы откуда будете, господа-товарищи?

Сидевший наискосок от него Сергей Кнутов огрызнулся:

– Выхухоль тебе товарищ!

Зашаркав за дверью сапогами, в комнатку вошёл Григорий и стал рядом со Сверчком.

Сузив глаза, Циркач повёл могучим плечом в сторону Зосима:

– А ты с какой целью интересуешься? Уж не засланный ли этими самыми энкаведешниками?

Рублёный ощерился:

– Неа, у нас с ними разные дороги.

– Мы из взвода вице-фельдфебеля Кондрата Матюшина. Знаешь такого? – смягчился Андрусенко.

Зосим отрицательно покачал головой.

– Что про себя расскажете? – продолжая недобро глядеть на полицаю, поинтересовался в свою очередь Сергей Кнутов. – Что за птицы такие? Где при немцах гнездовались?

Зосим не торопился с ответом. Неспешно достав из внутреннего кармана шинели стальную ложку, он тщательно обтер её о рукав, затем облил со всех сторон и окунул в поставленную перед ним старым казаком миску. Только после этого с усмешкой проронил:

– Ты, случаем, не из сидельцев будешь? Язык у тебя характерный. Видал я таких.

Кнут на мгновение задумался, соображая, хорошо это, что его приняли за бывшего зека, или плохо. В воздухе повисло гнетущее напряжение, разрядить которое решил Онисим Загорулько. Громко кашлянув, полицай отложил винтовку в сторону и достал из кармана вырезанную из липы ложку:

– Та чего рассказывать-то?! Взвод наш в этом районе квартировался. Теперь, стало быть, драпаем, – честно признался он. – Осталось нас всего ничего. Кто сбежал, а кого и схоронили. Многих поубивало. – Бывший ефрейтор полиции опустил долу глаза, полные тоски. – Чую, скоро и мы в землю ляжем.

– Не ляжем, если к морю пойдем! К Балтике пробираться надо, – буркнул Зосим, выхватывая из коричневой жижи кусочки мяса. – Слышал я, что тамошние рыбаки схоронить могут.

– А я слышал, что не всех, кто немцам служил, Советы расстреливают, – проронил молчавший до этого Черенков. – Тех, кто кровью не запачкан, вроде даже домой отпускают.

– Брехня, – со смертельной тоской в голосе заявил Загорулько! – Да и нет среди нас чистых. Знали фрицы, что делали, когда в полицаи загоняли. Много мы народу положили, кто за советскую власть ратовал.

– Только не говори, что немцы тебя силой в полицейские загоняли! – Кнутов поправил на поясе штык-нож, чувствуя, с каким бы удовольствием использовал его сейчас по назначению. – Я, к примеру, сам к ним пришёл!

– Платили они за службу хорошо, вот ты, Онисим, и подался, – хмыкнул Зосим, обжигая губы горячим варевом. – Опять же, ружьё дали, власть какую-никакую! С ружьишком ты фигурой стал. Почти что Бог. Чего хотел, то и брал. Скажешь, не так?

– Так, так, – согласно закивал головой Загорулько. – И ты замазан по уши. Оттого теперь и прячемся вместе по лесам да болотам...

Ефрейтор Черенков до смерти ненавидел предателей. Слушая полицаев, он крепко сжал челюсти, гоняя по худым щекам желваки. Будь его воля, придушил бы обоих своими большими, сильными руками. И только тяжёлый, предупреждающий взгляд старшины Андрусенко останавливал его. Чтобы не сорваться, Лопата усиленно заработал ложкой. Горячий суп немного отвлек от тяжелых мыслей.

Закончив есть, Рублёный облизал ложку, спрятав её обратно в карман и направился к выходу. Выглянув наружу, обернулся:

– Пора, Онисим, рассветает уже!

– Далёко собрались? – вышел следом за ним во двор дед Захар.

Полицай вскинул винтовку, проверил затвор.

– Скоро вернёмся, только своих у болот встретим. Сами они без меня сюда не пройдут. – Надеюсь, с харчами идут, – проворчал Зосим. – Мы, вероятно, тут зазимуем. Как думаешь, уживёмся? – испытующе взглянул полицай на старика.

– Живите, Христа ради! Нам все одно уходить, – отмахнулся Степаненко.

– Куда? – насторожился Рублёный.

Ответа не последовало.

Освещая голубоватым светом верхушки деревьев, покрытых легкой дымчатой изморозью, солнце медленно поднималось над землёй.

– Холодает! Чую, зима нынче тяжёлая будет, – заметил дед Захар, глубоко вдохнув морозного воздуха.

Проследив взглядом скрывшихся вдали полицаяв, он вернулся в дом.

– Надо было кончать их! – заскрипел зубами Кнутов, слышавший в открытую дверь весь разговор. – Ишь, зимовать они тут надумали!

– Хай зимуют, не жалко, – проворчал Степаненко. – Мы им «гостинцев» моих оставим. Вволю наедятся.

– Не стоит, – насупился Циркач. – Твои «подарки» весь островок на дно пустят.

Захар Степаненко остался доволен, приняв слова старшины за похвалу.

Место было засвечено, и старшина Андрусенко велел всем собираться.

Решив помочь деду Захару собрать нехитрые пожитки, Сверчок подошел к нему:

– Выходит, обманывал меня Вовк, уверяя, что ты домой вернешься!

– Умолчал! – поправил его Циркач, проходя мимо. – Так надо было.

– И как давно ты здесь, деда?

– А я, Коленька, везде, где ветер гуляет! Что толку дома сидеть? Портки просиживать, чи што? Я Витюше Вовку так и сказал: с вами или без, но покудова последнего фашистского зверя в клетку не загоним, я до хаты вертаться не согласен.

После расформирования отряда Чепракова о дальнейшей судьбе Захара Степаненко знало лишь несколько человек. По заданию капитана Вовка он отслеживал маршруты беглых полицаев, одновременно изучая лесные тропы и подбирая места будущих баз для их нового отряда. Одним из тех, кто время от времени навещался к нему, был Андрусенко.

Покинув заимку, бойцы прошли болото, вышли на широкий прогал со старой, заросшей мелким кустарником дорогой и стали углубляться в лес.

Опытный старшина раньше других заметил скрывавшихся за деревьями людей. Первыми показались их новые знакомые, Рублёный и Загорулько. Держа винтовку под мышкой, словно дрын, Зосим зашевелил усами:

– Быстро вы слиняли с болота! Куда всё же направляетесь, господа-товарищи?

Пока Андрусенко размышлял над тем, заподозрил ли он их, упорно называя «товарищами», как это было принято в советском обществе, или это его привычное выражение, вперёд выдвинулся Сергей Кнутов. Сунув под нос полицая кулак, он выдохнул, словно злым ветром дунул:

– Тебе с какой руки доложиться, любезный, с правой или левой? Выбирай!

– С дороги отошёл! – стал поддавливать Рублёного грудью Лопата.

Решительно встав перед последним, Онисим Загорулько выдавил из себя: «Вы особо-го не грузитесь, служивые!» – и тут же отлетел назад, получив ощутимый толчок в грудь.

Эта картинка вызвала смех у остальных полицейских, дружно высыпавших на полянку.

– Ты чего это?.. – бросился подбирать выроненный карабин Загорулько.

– Чего? – рывкнул угрожающе над его головой Черенков. – Сейчас узнаешь чего!

Пряча глаза, оба полицейских поспешили отойти за спины товарищей.

– Всё нормально, мужики, всё нормально! – предупреждаясь подняв руку, вышел последним к ним седовласый человек с длинными, свисающими по углам рта усами. – Пошутковали немного и будет.

По-прежнему готовый открыть в любую секунду огонь, Сверчок вцепился в автомат, продолжая внимательно следить за полицейскими. Лицо одного из них, единственного, кто был одет в гражданскую одежду, показалось ему знакомым. Высокий, лет за тридцать, с заросшими впалыми щеками, мужчина так же пристально глядел на него.

Согнувшись в пояснице и слегка припадая на одну ногу, Седой подошел к Александру Андрусенко. Несмотря на отсутствие на одежде каких либо знаков, он безошибочно угадал в нем старшего.

– Зоська Рублёный мает, что вы из взвода Матюшина будете, так, нет?

Циркач утвердительно кивнул.

– Кондрата Матюшина? – переспросил мужчина.

Плечи Александра напряглись, в висках застучало. В голове мелькнула мысль: «Беда, если этот человек был знаком с настоящим вице-фельдфебелем! Это может навредить командиру и всему отряду».

– Знаете его?

– Кондрата-то? Не раз встречались.

– А вы кто?

– Я-то? – Громко прокашлявшись, старик представился: – Спиридон я! Лукашевич! Староста тутошний. Скажи, а Васёк Власенко тоже с вами?

– С Матюшиным, как всегда, – не растерялся Андрусенко.

– Так и ходят вдвоём? – Лукашевич засмеялся.

– Ну да, ну да. Кондрат без него никуда. Ну, добре, братки! Мы с вами пойдём! – решительно заявил он. – Хочу повидаться с вашим командиром...

14

Старшина Андрусенко с возвращением в отряд не торопился, намеренно петляя по лесу. Хорошо знавший обратный путь, Захар Петрович Степаненко обратил внимание на это.

– Заплутал, Сашко? – тихо, чтобы никто из чужих не слышал, поинтересовался старик.

Цокнув языком, Циркач промолвил:

– Размышляю!

Он действительно размышлял, как поступить правильно. Выводить полицаев на базу, означало бы рассекретить место дислокации их отряда. Не мог старшина допустить и встречи Спиридона Лукашевича с командиром, выдававшим себя за Кондрата Матюшина. Необходимо было прежде встретиться с Фёдором Ивановичем.

Шагая по широкому лесному распадку рядом с молчавшим Циркачом, Сверчок по-прежнему силился вспомнить, где мог видеть человека в гражданском. Боковым зрением юноша несколько раз ловил на себе его недобрый взгляд. Скверное предчувствие ухватисто овладевало сознанием.

Приступ радикулита окончательно измучил с трудом передвигавшегося Спиридона Лукашевича. Проковыляв несколько верст, староста остановился и предложил сделать короткий привал.

Стоя у широкой – в два обхвата – осины, старшина Андрусенко вдохнул запах сырой земли. К этому времени он принял твёрдое решение избавиться от полицейских. Место для этого было подходящее. От небольшого леса, в котором они сейчас оказались, все окружающее пространство просматривалось на несколько вёрст вокруг, так что внезапного нападения врага ожидать не приходилось. Тот факт, что полицаев было вдвое больше, старшину особой группы «СМЕРШ» несколько не смущал.

Подав своим условный сигнал готовиться к атаке, Циркач направился к Лукашевичу. Он решил взять старосту живым.

Держась чуть в стороне от остальных, Спиридон, привалившись спиной к сосне, о чём-то тихо

беседовал с «гражданским». Старшина обратил внимание, что время от времени они оба бросали взоры на стоявшего в отдалении Сверчка, однако особого значения придавать этому не стал.

Заметив краем глаза направлявшегося в их сторону Циркача, Лукашевич тревожно повернул голову. От Андрусенко не ускользнуло, что рука его при этом легла на висевшую спереди на поясе кобуру. Старшина усмехнулся про себя. Чтобы пристрелить обоих двумя меткими выстрелами, ему не пришлось бы даже вынимать пистолет из кармана.

Когда до Лукашевича оставалось несколько шагов, случилось неожиданное. Стоявший с ним человек вдруг резко пошатнулся и упал, забившись в приступе падучей. Оторопев от произошедшего, Спиридон растерянно взирал на распростертое перед ним тело.

Забыв о своем намерении атаковать врага, Андрусенко бросился к несчастному, однако неведомо как оказавшийся рядом дед Захар опередил его. Повернув «гражданского» на бок, старик попытался открыть ему рот, наполнявшийся пеной. Сделать это удалось лишь с помощью ножа. Просунув лезвие между судорожно сжатыми зубами, Степаненко с силой раздвинул челюсти и вынул запавший язык, перекрывавший дыхательное горло. Мужчина задышал и открыл глаза.

Удостоверившись, что с ним всё будет в порядке, Циркач взял Лукашевича за локоть и отвёл в сторону. В сложившейся ситуации старшина Красной армии посчитал неприемлемым для себя напасть на врага.

– Спиридон, здесь мы расстанемся на время, – предупредил он. – Дальше я пойду один. Надо будет переговорить с Матюшиным.

Лукашевич понимающе кивнул.

– Вы пока остаетесь с моими парнями.

Тем временем страдавший эпилепсией человек медленно приходил в себя. Присев, он стал бессмысленно водить стеклянными глазами по сторонам. В этот момент Сверчок вспомнил, где его видел...

Вечерело, когда старшина Андрусенко предстал перед командиром. Кроме майора, в командирской землянке находились замполит отряда Вершинин и только что прибывший для корректировки дальнейших совместных действий капитан Вовк.

Фёдор Иванович встретил старшину недовольно.

– Почему задержались? Мы вас к полудню ожидали. Где остальные? – закидал он подчинённого вопросами.

Циркач доложил о непредвиденной встрече с полицаями.

– Н-да, заставил ты нас поволноваться, – сокрушённо покачал головой Чепраков. – Я уж подумал, что вас всех...

– Ещё поживём, товарищ командир. – Виноватая улыбка коснулась губ Циркача. – Как с полицаями быть? На всякий случай я их в лесу оставил, чтобы старосту с вами не сводить. Они тут неподалёку.

Лицо майора посуровело. Появление некоего Лукашевича, знавшего настоящего Матюшина, насторожило его.

– Правильно сделал. Пока будем решать, как с ними поступить, держи их на расстоянии. Пусть и дальше принимают нас за полицейских.

– А что литовцы, дали о себе знать? – поинтересовался Андрусенко.

Слабая улыбка коснулась губ командира:

– С ними связь вроде как налажена. Курт постарался. Молодец! Самого Урбонаса подбил прийти на встречу.

– Так быстро? – удивился старшина. – Оперативно. Выходит, литовцы где-то совсем рядом от нас?

– Выходит так, – подал голос Вовк.

– Этот Вилкас весьма наблюдательным малым оказался, – усмехнулся Чепраков. – Едва не раскрыл нас. – Он повернулся к капитану. – Представляешь, стал спрашивать Краузе, почему на нас шинели, если мы ещё летом сбежали от красных партизан? И про автоматы вместо положенных по уставу карабинов интересовался, откуда, дескать. Хорошо, что Курт успел мне об этом шепнуть сегодня при встрече. Это чтобы в показаниях с ним не разошлись, если что.

– И как он выкрутился?

– Я же говорю – молодец! Сказал, что мы напоролись на отряд переодетых в полицейских красноармейцев. Само собой, всех постреляли, а оружие и теплую одежду забрали.

– Ради этого обмана пришлось шинели дырять, – усмехнулся старший лейтенант Вершинин.

– А если литовцы решат узнать, где тела убитых?

– Не решат. Курт им сказал, что произошло это в одном из дальних районов, а там сейчас появляться небезопасно. Да и не ходят литовцы обычно далеко от своих нор.

– А что, история вполне правдоподобная! – воскликнул замполит. – Для бандитов давно не секрет, что НКВД и НКГБ часто используют подставные отряды. И если у Урбонаса и оставалось какое-то недоверие к нам, то после моего вопроса оно исчезло.

– Что за вопрос? – почти одновременно спросили Вовк с Андрусенко.

– Я спросил, почему некоторые из его бойцов, – кстати, они себя тоже называют партизанами, – так вот, почему они до сих пор носят воинские звания? Оказалось, что им неизвестно, что с этого года немцы отменили для полицейских из шумы все документы и звания. Сделали они это с определённой целью, чтобы при попадании в плен наши спецслужбы не смогли доказать их причастность к карательным операциям.

– Литовцы наверняка захотят проверить нас в деле, – предположил Андрусенко.

– Захотят, это точно. – Чепраков задумчиво тронул рубец над глазом. – Как я понял из нашего с Урбонасом разговора, у них совсем плохо с оружием. Об этом речь напрямую не велась. Литовец лишь мимоходом проболтался.

– Думаю, Андреас предложит нам напасть на комендатуру в райцентре, – подал идею Вершинин.

– А смысл? Людей там мало. Два-три десятка стволов погоду ему не сделают.

– Верно, – согласился с командиром капитан Вовк. – Отряд у него большой. Оружия нужно много.

– Остается одно – склады. – Чепраков ткнул карандашом в точку на карте, которую офицеры рассматривали перед тем, как в землянку вошел старшина. – Один из них, я точно знаю, находится вот здесь, вблизи станции Гудогай.

– А вот это мысль! – воскликнул замполит. – Как я сам не додумался?! На всякий случай необходимо узнать, где ещё имеются склады возле литовской границы. Вряд ли они пойдут далеко за оружием.

– Вот ты этим и займись, Юрий Игнатьевич, – приказал командир.

– Есть! – кивнул Вершинин. – И всё же я не пойму, почему гитлеровцы не снабдят отряд Урбонаса оружием? – заметил он. – Зачем заставляют рисковать, терять людей? Они бы вполне успешно могли доставлять ночами по воздуху.

Фёдор Иванович ответ на этот вопрос знал давно, но делиться со своими офицерами пока не спешил, выполняя требование полковника Федулова. Ещё в Москве тот рассказывал, что гитлеровцы не до конца доверяют Урбонасу. Они помнили, что в самом начале войны он, как идейный борец за свободную Литовскую республику, выступал не только против Советов, но и нападал на их комендатуры. И лишь с лета этого года стал просить у них поддержки своему сопротивлению русским. Немцы изредка помогали его отряду

продовольствием и медикаментами, но оружием снабжать не торопились. Зато охотно вооружали подразделение другого националиста, Арвидаса Станкявичуса, в чей отряд сотрудники «СМЕРШ» недавно успешно внедрили Ульриха Мюллера.

Уже собираясь покинуть командирскую землянку, старшина Андрусенко вдруг вспомнил:

– Товарищ майор, среди людей старосты Лукашевича один, кажется, гражданский! Сверчок уверяет, что видел его как-то в городе. Тот якобы с Лидой Комаровой общался, подпольщицей.

Чепраков с Вовком переглянулись.

– Он уверен?

Старшина развел руками:

– Лучше его самого спросить. Мне Сверчок ничего толком не рассказал. Знаю только, что человек этот падучей болезнью страдает.

– Падучей?

– Ну да! У него приступ случился прямо на наших глазах.

Майор повернулся к капитану Вовку:

– Виктор, ты помнишь, кто-то из подпольщиков, из тех ребят, кому удалось тогда избежать ареста, рассказывал, что среди погибших у мельницы вместе с Вадимом Скобцевым, один страдал таким же недугом?

– Что-то такое припоминаю, – кивнул капитан.

– Кажется, об этом партизаны Кручени говорили. Только какое теперь это имеет значение, если все ребята погибли?

– Все ли? Мы ведь так и не успели узнать, где погребены их тела.

– Фёдор Иванович, уж не думаете ли вы, что этот человек и есть тот самый подпольщик... э-э-э, тот, кто мог сдать своих товарищей? Мало ли людей на свете страдают эпилепсией!

– Согласен, немало. – Чепраков шире развернул карту Белоруссии и граничащих с ней республик, отыскал глазами название городка, в котором проживала Комарова. – Жаль, Лида сейчас далеко, – промолвил он. – Было бы неплохо привести её сюда для очного опознания человека Лукашевича.

– Надо Колю Цвирко отправить за ней, – предложил Вовк.

Покинув землянку вместе со старшиной, Чепраков отвел его в сторону.

– Саша, полицаи на тебе, – приказал он. – Обеспечь их кормёжкой и ночлегом. Придумай что угодно, но чтобы в ближайшие дни у них и мысли не возникло уйти от нас, иначе придется их убрать.

– Так, может... – Андрусенко провел большим пальцем по шее. – Чего с ними возиться?

– Это никогда не поздно. Возможно, они ещё понадобятся, а пока пришли мне Гришу-радиста и Сверчка.

Отпустив старшину, командир вернулся к землянке и повелел стоявшему у входа часовому срочно отыскать старшего сержанта Грушина.

Некоторое время спустя в Центр полетела очередная радиограмма: «Ближайшие дни ожидаем вырубку леса тчк Координаты делянки неизвестны тчк Заготовитель тчк».

Доложив в Центр о переходе Лесоруба-Краузе в «бригаду» Урбонаса, Фёдор Иванович, он же

Заготовитель, сообщил, что литовцы готовят им проверку, время и место проведения которой неизвестно.

15

Было раннее утро, когда трое молодых людей, одетых в гражданскую одежду, спрыгнули с попутки на пустынную улицу уставшего от войны города. Оставляя за собой заросшие бурьяном скверы и заброшенный парк, они напрямик направились к центру. Остановив первый же встреченный ими патруль, высокий крепкий мужчина протянул молоденькому лейтенанту небольшой лист бумаги, заверенный печатью, на которой четко проступали слова: НКО Главное Управление контрразведки «СМЕРШ». Документ за подписью майора Чепракова содержал требование безукоснительно выполнять все требования подателя этого временного удостоверения. Представившись старшим сержантом Грушиным, молодой человек попросил срочно сопроводить их в комендатуру или к главе местной администрации, если таковая имеется.

Через четверть часа всех троих ввели в кабинет подполковника Нечитайло – полного, добродушного на вид человека, с большими, как у Буденного усами. Только недавно назначенный военным комендантом города, боевой офицер внимательно изучил бумагу. Удивившись, что ни у одного из доставленных не оказалось настоящей «корочки», офицер тем не менее выслушал их.

Появление представителей Управления НКГБ «СМЕРШ» в прифронтовой полосе явно насто-

жило подполковника. Олег Грушин это понял по тому, как тот внезапно вспотел. И это несмотря на холод, вызванный первыми заморозками, и неотопливаемое помещение.

Вызвав из соседней комнаты пожилого ефрейтора-ординарца, комендант приказал напоить гостей чаем, а сам ненадолго отлучился.

Оставшись наедине с товарищами, Грушин прошептал:

– Сейчас будет устанавливаться наши личности!

Они к этому были готовы. Опасались только, чтобы проверка не затянулась надолго. Времени майор Чепраков им выделил немного.

– Не поверите, за всем надо самому следить, всех контролировать! – вернувшись назад, с порога стал возмущаться Нечитайло, протирая большим носовым платком лицо и взъерошенный задрюканый. Шеи у подполковника практически не было, отчего казалось, что большая круглая голова сидит прямо на плечах. Увидев в раскрытую створку окна одного из своих подчиненных, офицер высунулся по пояс и начал кричать, едва сдерживая ругательства: – Мохначенко, ёмаа, ты куда дрова скинул, исчадь ада? Вертай все обратно на бричку, ёмаа, и вези в детдом! Там детки мёрзнут, ёмаа, а он клячу старую мучает, гоняет туда-сюда. – И тут же, повернувшись к представителям контрразведки, продолжил жаловаться: – Всё самому, всё самому! На днях одного местного кадра тут назначили временно исполнять обязанности главы города. Думал, скину на него часть своих обязанностей, разгрузусь немного, так он, боров очкастый, прошлой ночью, во время налёта, сбежал.

– Бандиты? – поднял бровь Грушин.

– Ну, а кто?! Тут такое творится, сам чёрт не поймёт. То «лесные братья» набегут, будь они неладны, ёмаа, то заезжие грабители. Этим вообще будто мёдом тут намазали. Мы уже две банды постреляли, а они все лезут и лезут.

– Может, главу администрации в плен захватили или убили? – осторожно предположил Сверчок.

– Может, – тут же согласился с ним Нечитайло, высматривая в окно очередную жертву своего накопившегося гнева. – Хотя нет, сбежал. Трусоват очень!

– Вижу, товарищ подполковник, забот у вас и без нас хватает, и всё же прошу максимально быстро решить наш вопрос, – напомнил старший тройки, Олег Грушин. – Дело безотлагательное и весьма важное. Весьма. Речь идет о предательстве.

– Да вы что?! – Нечитайло озабоченно покачал головой. – Что творится, что творится!

В этот момент в коридоре раздались чьи-то тяжёлые шаги, и в кабинет без стука ураганом ворвался огромного роста мужчина лет шестидесяти в распахнутом драповом пальто поверх старого твидового костюма. Эспаньолкой и круглыми очками он напомнил Сверчку дореволюционного школьного учителя, снимок которого однажды видел в каком-то журнале.

Словно не замечая присутствующих, мужчина с ходу рухнул на свободный стул, едва не свалившись вместе с ним на пол, и сорвал с головы фетровую шляпу.

– Ты чего это, Иван Михайлович, обо мне по всему городу грязные слухи распускаешь, а? –

на удивление спокойным, поставленным, как у оперного певца, голосом пробасил он, заглядывая в глаза начальнику комендатуры. – Дескать я... – тут он наконец заметил сквозь толстые линзы сидевших за столом людей, одарил каждого в отдельности выразительным взглядом и снова переключился на подполковника, – дескать, я сбежал, оставив горожан на растерзание бандитам! Как это подло, как низко с твоей стороны, Иван Михайлович! По какому-такому праву, позволь спросить, ты... – и опять он перевёл взгляд своих бесцветных глаз на присутствующих, в этот раз, правда, не забыв кинуть, точно кость собачке: «Здравствуйте, товарищи!» – Я спрашиваю, по какому праву ты смеешь возводить на меня напраслину? Если хочешь знать, я всю прошлую ночь гонялся вместе с милиционэрами за этими мерзавцами. За этими, смею сказать, подонками! А ты... а ты...

– И что, поймали хоть одного, Петр Петрович? – не без ехидства спросил Нечитайло.

– Кого? – удивленно уставился на коменданта градоначальник.

– Ну, тех, за кем всю ночь гонялись?

– Да как же ты их поймаешь, Иван Михайлович? Они же на автолавке приехали, а у меня только телеги на хозяйстве остались да старый грузовик, который не на ходу. Я сколько раз просил выделить мне авто, а? Целый районный голова, понимаешь, а на работу хожу пешком, как последний свинопас.

– Прибыльное дело – свиной пасти! – хохотнул добродушный Нечитайло. – Машина у тебя, Петр Петрович, была. Забыл? Только водитель твой,

ёмаа, злодей и вредитель казенного имущества, разбил её. Привык, очевидно, на тракторе ездить.

– Ах, этот мерзавец! Этот двоечник! Этот второгодник-негодник! Да он в ту ночь пьяный был, сволочь!.. – начал градоначальник, но подполковник перебил его.

– Вот, пусть теперь отсидит сколько положено, глядишь, и пить бросит, ёмаа. Так, значит, не поймали бандитов? – безжалостно подытожил он.

Обладатель баса, до этого царственно подбоченясь восседавший на стуле, словно на троне, скис, опустил плечи:

– Нет, не удалось. Сбежали. Но мы очень старались, Иван Михайлович, очень, – попытался он оправдаться.

– Кто это – мы? Твои пять несчастных милиционеров? Так они с моими комендантскими вместе оборонялись.

– Да? – с удивлением взглянул на него Петр Петрович. – Хм. Надеюсь, все живы?

– Живы-живы, не волнуйся.

– Славно! Как же славно! – запричитал мужчина. – Иван Михайлович, это же все мои дети, ты же понимаешь! Каждого из этих милиционэров я лично учил в школе храбрости и всяким иным добродетелям. Как я рад! Как я рад, что все они живы.

– Ладно, Петр Петрович, после расскажешь, где ты был всю ночь, если захочешь, – отмахнулся подполковник от его причитаний. – Сейчас лучше выслушай этих товарищей да не перебивай. Есть у тебя такая нехорошая привычка, ёмаа.

– Вот, снова ты напраслину возводишь на меня, Иван Михайлович! – сделав вид, что обиделся, пробасил Петр Петрович, одновременно разворачиваясь всем корпусом к сидящим за столом незнакомцам. – Итак, я к вашим услугам, товарищи!..

Задача, поставленная бойцами спецподразделения бывшему директору школы, а ныне исполняющему обязанности главы города, показалась тому невыполнимой.

– Как вы себе это представляете, товарищи? – стал возмущаться Петр Петрович. – В сегодняшних условиях найти тела людей, погибших от рук этих мерзавцев, этих фашистов, просто невозможно! Да и не ко времени всё это, уверяю вас. У меня и людей-то столько не наберётся. Знаете, сколько захоронений было за годы оккупации? Естественно, мы планируем осуществить перезахоронение, но позже, после полной победы. Провести обряд в торжественной, так сказать, обстановке. Установить обелиск над братской могилой. И потом, сейчас нам даже гробов на всех не достать! Людей-то много было загублено извергами.

– Нам нужны только четыре человека, – стал настаивать Грушин. – И начать искать следует немедленно, вы поняли, товарищ? – повысил он голос, словно был званием выше присутствующего здесь подполковника. – Немедленно! Или вы хотите услышать приказ от самого руководителя Управления контрразведки товарища Абакумова?

Олег произнес фамилию столь уверенно, словно лично был знаком с всесильным главой «СМЕРШ».

Иван Михайлович Нечитайло ещё больше покрылся потом. Пообещав главе местной администрации оказать всяческую помощь в этом важном деле, он распорядился через своего помощника обеспечить бойцов на время их пребывания в городе койками и столом и лично спустился с ними к трофейному «опелю».

– Сейчас, товарищи, поезжайте в казарму, поешьте и отдохните. Когда понадобится, вас вызовут. – Повернувшись к стоявшему за его спиной главе администрации, комендант пригладил свои заметные усы: – Как тебе машина, Петр Петрович?

– Чужими авто не интересуюсь, – с высоты своего роста холодно отозвался мужчина, поправляя срываемую ветром с головы шляпу. – Подожду, когда управа свою получит.

– Так принимай, управа! – засмеялся офицер. – Немчурато на тебя выписан! Из области прислали.

Узнав адрес казармы, Коля Цвирко, сославшись на неотложные дела, отпросился у сержанта.

– Встретимся позже! – крикнул он, скрываясь за ближайшим углом.

Усевшись в салон, Олег Грушин и его товарищ Ленька Кунгуров понимающе переглянулись.

– Передавай Лиде привет! – высунувшись в окна, крикнули они хором...

Через двое суток кропотливой работы подполковник Нечитайло вызвал к себе Олега Грушина и его товарищей.

– Кажется, нашли ваших, – сообщил он устало. – Едем на опознание тел. Из бывших подпольщиков мало кто остался в городе, – предупредил Иван Михайлович. – Сразу после того, как наши войска освободили район, некоторые записались в Красную армию. Кто-то подался в другие области страны.

Сверчок упросил Олега не брать с собою Лиду. Психика девушки могла не выдержать предстоящего зрелища.

С момента гибели ребят, наспех захороненных на окраине города, прошло несколько месяцев, но подпольщики без особого труда узнали всех. Увидев останки своего приятеля Саши Довгунца, Сверчок содрогнулся, представив на миг, что сейчас мог бы лежать рядом.

– Очень важно, чтобы вы вспомнили, кто из ваших страдал падучей, – обратился Грушин к подпольщикам.

Все четверо приглашенных уверенно указали на останки одного из убиенных. Это был Владимир Тарасевич.

Олег повернулся к Сверчку.

– Выходит, ошибся ты? Человек из отряда старосты Лукашевича вовсе не подпольщик!

Записав фамилии убитых, старший сержант Грушин снова обратился к бывшим подпольщикам:

– А ещё кто-то из ваших страдал падучей?

Больше никто ничего подобного вспомнить не смог.

Над землёй висела предрассветная темень, когда майор Чепраков и капитан Вовк, сопровождаемые несколькими бойцами, одетыми в форму полицаев, подъехали на двух бричках к оборе. В эту ночь дождь и ветер не унимались с самого вечера. Хотелось скорее обратно, в тёплую землянку.

У сложенного из валунов и булыжника длинного приземистого строения с небольшими окошками-бойницами, в котором до войны держали скот, их дожидались несколько офицеров. Старший из них, представившись подполковником инженерных войск Игнашевичем, не стал тянуть волынку и сразу повёл их внутрь тёмного помещения.

– Почему решили здесь устроить склад? – поинтересовался Чепраков.

Вспомнив, сколько времени и сил потратил он на то, чтобы подыскать подходящий объект, Игнашевич, зябко поёживаясь, ответил:

– А ничего другого во всей округе не сыскали. – Спасибо, один бывший скотник рассказал про эту обору.

Осмотрев старое, но ещё довольно крепкое сооружение, заставленное всевозможными ящиками, Чепраков задумался. Этот склад был третьим вблизи литовской границы, который они успели осмотреть, и лучше остальных подходил для проведения операции.

Фёдор Иванович не знал, когда поступит от Урбонаса приказ выступить, но надеялся, что далеко от этих мест они не пойдут.

– Стены надо укрепить, – заметил он военному инженеру. – И с восточной стороны прорыть два-три выхода наружу.

– Зачем? – удивился подполковник столь нелепому, по его разумению, совету. – И почему именно с восточной?

Фёдор Иванович покосился на него:

– Возможно, эти выходы спасут жизни тем, кто будет охранять склад. Времени мало. Надо успеть за пару дней.

– Дело пустяковое, – заверил военинженер, закашляв. Человек в грязной полицейской форме, разговаривавший с ним, как показалось подполковнику, сухо, был намного моложе него, а значит, и в звании отставал. Высоко подняв голову, подполковник выставил одну ногу вперёд:

– Вы в каком, так скаать, звании будете, а то мне руководство не сообщило? Сказали только, что придут особые проверяющие. На штабных вы, так скаать, не похожи.

– Это точно, не похожи, – усмехнулся Фёдор Иванович. – Умное у тебя руководство, подполковник. Бери с него пример. Не спрашивай лишнего и не узнаешь многия печали.

Свою речь он сопроводил столь выразительной улыбкой, что с лица Игнашевича вмиг исчезла вся надменность.

– А-а, понял, понял! – проронил офицер и стал отходить спиной к выходу. – Товарищи, смотрите, так скаать, изучайте. Готов к любым замечаниям.

Оставшись одни в мрачном, пахнущем сыростью длинном помещении, Чепраков с Вовком ещё раз обошли его, освещая стены карманными

фонариками. У дальней от входа стены остановились возле небольшого углубления в виде узкой полки. Фёдор Иванович достал немецкую полевую карту, раскрыл её и, ткнув пальцем в искомую точку, выдохнул:

– Сейчас мы находимся здесь. Западнее, километрах в пяти, располагается железнодорожная станция Гудогай. Это между городком Ошмяны и населённым пунктом Островец. Столько же от станции до границы с Литвой. Где-то на той стороне скрывается Урбонас со своими. Полагаю, именно на этот склад он и нацелен. Как думаешь?

Чепраков полез в карман, где лежал чистый лоскуток от старой нательной рубашки, которую он использовал вместо носового платка. Достав его, протер вспотевший лоб. Ещё вечером он почувствовал сильное недомогание, но признаваться в этом не хотел.

– Заболели? – взволновавшись, участливо поинтересовался Вовк.

– Пустяк, – отмахнулся командир и тут же продолжил: – Засаду организуем здесь, снаружи и внутри оборы. Вы со своими ребятами будете в охране «склада». В твоём распоряжении будут и солдаты Игнашевича. Правда, подполковник об этом ещё не догадывается, – усмехнулся Чепраков.

– Помилуйте, Фёдор Иванович! – возмутился капитан. – Да какие же из них вояки? Они, наверное, за всю войну и пороха-то не нюхали. Только инженерными фортификациями и занимаются.

– Других нет, Виктор. Все на фронте. Я просил, чтобы прислали людей из местной комендату-

ры. Но, во-первых, их там очень мало осталось. Несколько дней назад националисты напали на Ошмяны. Многих положили. А, во-вторых, мы не знаем точного времени, когда Урбонас решит атаковать. Да и не успеем сообщить нашим.

Вовк не отрывался от карты.

– Где будете вы, Фёдор Иванович?

– Мы атакуем с юго-востока. Стрелять будем поверх ваших голов, так что на нас особо не отвлекайтесь. Главное, создать как можно больше шума.

– Помнится, вы говорили, что у Урбонаса порядка четырёхсот стволов. Выстоим ли перед таким количеством? – Голова капитана опустилась ещё ниже.

Над землёй забрезжил рассвет, и первые лучи солнца, оставляя кровавый след сквозь ветви деревьев, воровски проникли в оконные проемы, разорвав полумрак помещения.

Чепраков ободряюще похлопал офицера по спине:

– Не узнаю тебя, Виктор! Ты чего захандрил? Прежде тебя не очень смущало численное превосходство неприятеля. Ты же всегда умом брал, особой тактикой!

– Война к концу идёт, Фёдор Иванович. Не хочется людьми рисковать, – честно признался офицер.

– Ну, до полной победы ещё далеко. А что касается наших бойцов, – майор намеренно выделил последние слова, – думаешь, мне хочется их под пули подставлять?

Виктор поднял глаза:

– Нет, я так не думаю.

– В помощь тебе я дам всех наших снайперов и миномётчиков. Да и потом, вряд ли Урбонас приведет всю свою козлу. Скорее всего, большую часть отряда он оставит на территории Литвы.

– В таком случае, наш «склад» вам не взять! – засмеялся Вовк.

Фёдор Иванович обрадовался, увидев улыбку на лице возвращавшегося в свое обычное состояние товарища.

– Советую заранее пристрелять квадраты, по которым будете бить. Чем больше положите этого фашистского зверья, тем лучше. Только смотри, Виктор, не подстрелите Курта! – предупредил командир. – И да, не забудь переодеть всех в форму красноармейцев. Обору покинете через подземные выходы с востока. Оттуда вам ничто угрожать не будет. Мы уйдем вслед за литовцами вот по этому коридору, – он прочертил пальцем по карте. – Естественно, после неудачного нападения на склад, и «понеся тяжелые потери», – усмехнулся майор.

– Поверят ли литовцы в этот спектакль?

– Сыграем убедительно – поверят.

Вовк боднул пустоту головой:

– Зачем такие сложности, не понимаю! Я бы собрал их всех здесь или в другом месте и накрыл одним махом артиллерией, авиацией.

Фёдор Иванович сложил карту.

– Всех не собрать. Всё не так просто, Виктор, не так просто. Бывают случаи, когда ставка гораздо больше, чем уничтожение одной-двух банд. Их ликвидируешь, другие затаятся. Надолго. Может, на годы.

– На войне одна ставка – смерть врагу! Сейчас и здесь! Бешеного зверя забивают, пока он не покусал всех, не так ли?

Вспомнив разговор с полковником Федуловым о землеройках, Фёдор Иванович загадочно улыбнулся:

– А если этот зверь пока невидим? Скажем, глубоко в земле?

17

Несколько дней Чепраков ожидал связных от Андреаса. Однако осторожный литовец нападать на склад, похоже, не торопился. В какой-то момент майор стал сомневаться, планировал ли он вообще захватывать оружие, или его слова были проверкой для «Матюшина», как вдруг неожиданно объявился Вилкас...

Предрассветная темень давно растаяла, но лес вокруг продолжал дремать, накрывшись холодным осенним покрывалом. Не набрав ещё зимней силы, ветерок, пробегая по верхушкам, срывал с кушелей и заиндевевших деревьев снежную пыль.

Уже долгое время Фёдор Иванович лежал рядом с литовцем на голой, озябшей земле, делая вид, что с интересом наблюдает за оборою и единственной дорогой, ведущей к ней. За всё это время к складу не подъехал ни один грузовик. Два молодых красноармейца, борясь со сном, ходили взад-вперёд вдоль стен. В окошко-бойницу одной из них была просунута печная труба, из которой курился лёгкий дымок.

Отняв бинокль от глаз, Вилкас потуже запахнул на груди кожушок и повернул к «Матюшину» лицо:

– Не пойму, зачем нам нападать на склад, когда проще перехватить оружие по дороге? И охраны меньше, и уйти потом легче. Я предложил это Андреасу.

– И что он?

– Высмеял меня. Сказал, что я никудышный стратег.

Чепраков перевалился на спину, подставляя лицо посыпавшейся с неба редкой снежной крупе. Он был рад, что не ошибся и из нескольких складов на приграничной с Литвой территории Урбонас выбрал именно этот. Здесь все должно было быть подготовлено для успешного отражения атаки. Не хватало только людей для усиленной охраны и бойцов Виктора Вовка. Капитан ждал приказа своего командира на одной из баз неподалёку оборо.

– Согласен с ним. – Фёдор Иванович слизнул с губы холодную крупинку.

Вилкас сжал зубы:

– Почему?

– Что если нам не повезет, и в ящиках окажется не стрелковое оружие или гранаты, а, скажем, снаряды для пушек? У вас в отряде есть пушки? У меня, например, нет. Надо брать склад, это ясно. Там мы подберем себе всё, что нужно. Согласен?

Литовец неопределённо покачал головой, словно всё ещё сомневался, и стал протирать окуляры у бинокля.

– Слушай, Матюшин, я спросить хочу. Ты же белорус?

Фёдор Иванович напрягся, приготовившись к очередной проверке подозрительного Вилкаса.

– И что? – вскинул он брови.

– Белорус, а говоришь без акцента!

– Я тебя умоляю! – улыбнулся «Кондрат». – Ну какой у нас, у бульбашей, акцент? Так, акцентешко.

За годы войны и тесного общения с местными жителями Фёдор Иванович давно изучил нюансы их языка. Бегло проговорив несколько фраз на языке Франциска Скорины, офицер, хитро прищурившись, неожиданно перешёл на чистейшую украинскую мову, показав тем самым, что и языком Тараса Шевченко владеет не хуже.

– О, да ты настоящая находка для НКВД!

В голосе Вилкаса по-прежнему слышалось недоверие.

Фёдор Иванович снова лёг на живот. Лицо его сделалось серьёзным:

– Да, не повезло чекистам. Вербуют черт знает кого, а меня не завербовали. И куда только смотрели?! – В следующее мгновение улыбка осветила его глаза: – Сдаётся им, что ли, а? Как думаешь?

Увидев, как комично он сломал правую бровь, при этом левая опустилась ещё ниже, почти полностью перекрыв орбиту глаза, связной и правая рука Урбонаса не удержался от смеха.

– Сдайся, сдайся. Если меня схватят, будет от кого помощь ожидать.

– Ладно, шутки в сторону. – Фёдор Иванович снова посуровел. – Ты мне лучше скажи, что с Куртом? Отослали вы его на родину?

Литовец отрицательно качнул головой:

– Нет. Решили пока у себя оставить.

Чепраков насмешливо скривился:

– А говорил, что у вас с немцами связи налажены. Выходит, соврал? Как же он, бедный, без утреннего кофе живёт?

Вилкас снова приблизил бинокль к глазам, вглядываясь в дорогу:

– Да есть у него кофе. И белье чистое ему из города привозят.

– Из Вильно? – зевнул майор.

Литовец насторожился:

– Почему из Вильно?

– А здесь до города близко! По карте километров сорок, не больше.

– Карты умеешь читать? – подозрительность не отпускала прибалта.

– За что-то же капитан Хойер сделал меня командиром взвода! – не без гордости ответил «Матюшин».

– Не переживай за своего немца. Андреас решил отослать его к Арвидасу Станкявичусу. На днях к нему из Польши должны очень важные люди прийти. С ними и переправят Краузе на Запад. Его и ещё одного немецкого офицера.

Фёдор Иванович догадывался: речь, скорее всего, идет о Мюллере, агенте полковника Федулова. Но куда больше его заинтересовала невольно выданная Вилкасом информация о «важных людях».

– Поляки, что ли?

– Почему поляки? Немцы! Из абвера...

Дождавшись появления единственного за все время наблюдения грузовика с очередными ящиками и убедившись, что склад плохо охраняется, Вилкас засобирался.

– Ждите! Мы сообщим, когда соберёмся брать склад, – бросил литовец напоследок...

18

Утром следующего дня на стол полковника Федулова легла расшифровка радиограммы от майора Чепракова. Прочитав её, Поликарп Матвеевич немедленно собрался на доклад к начальнику Главупра контрразведки «СМЕРШ».

Абакумов, как обычно, весь был погружен в текущие дела. Увидев в дверях полковника, он приветливо кивнул:

– Входи-входи, Поликарп Матвеевич! Что у тебя?

– Донесение от майора Чепракова, товарищ комвторанга! – уведомил Федулов. – Сообщает, что в отряде Станкявичуса на днях ожидают прибытия агентов абвера. Возможно, это «землеройки», которых мы ожидаем.

Пробежав глазами по листку, Абакумов вскинул голову:

– А от Мюллера есть подтверждение? Это же его мы отправили в отряд Станкявичуса?

– Так точно, Виктор Семёнович! – Полковник вытянулся в струнку. – Ульриха Мюллера! Только у него нет рации. На связь с ним наши агенты из Вильно выходят раз в две недели, и то не всегда, так что подтверждение или опровержение этому донесению придет не скоро.

– Ты садись, Поликарп Матвеевич, садись! – Абакумов встал из-за стола и, в задумчивости пройдясь по кабинету, снова вернулся на место. – Что предлагаешь?

– Если информация верна и координатор направляется именно к Станкявичусу, полагаю, что отряд Урбонаса можно ликвидировать. Слишком много банд в приграничном треугольнике Белоруссия – Литва – Польша. Пора начать от них избавляться. Оставим одну крупную, чтобы Куратору не из кого было выбрать. Чепраков сообщил о готовящейся Урбонасом операции по захвату одного из оружейных складов, естественно, липовых. Самое время воспользоваться этим и разбить врага. Только надо поддержать наших несколькими взводами автоматчиков и артиллерией. Самим им не справиться.

Абакумов стал барабанить пальцами по столу.

– А что если ожидаемый нами агент направляется не к Станкявичусу? Нашему человеку в разведшколе ведь так и не удалось установить точно, в какой отряд его посылают. Даже имя этой землеройки-бурозубки не установлено, этой купо... кусо...

– Куторы, товарищ комвтораанга, – подсказал Федулов.

– Ну и кличку придумал ему твой Чепраков! Вот немцы ему дали Бернштайн. На немецком это означает горючий камень, а по-нашему – янтарь.

– О как! – не удержался от восклицания Поликарп Матвеевич. – Пожалуй, нашим заморским недругам все же больше подойдет придуманное Федотовым название – ядовитая кутора!

– Согласен, – вяло усмехнулся Абакумов.

Федулов хорошо знал своего начальника и всегда безошибочно угадывал его настроение.

Сегодня Виктор Семёнович показался ему чем-то обеспокоенным.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовался полковник.

Абакумов бросил подозрительный взгляд на подчиненного:

– С чего взял?

– Глаза у вас недобрыми мыслями затуманены, Виктор Семёнович.

– Смотри, какой ясновидец объявился! – продолжал недобро глядеть на него комиссар. Насупив лоб, он проговорил: – Нарком внутренних дел Берия хочет взять под свой контроль начатую нами операцию.

– Уж не к «Березине» ли хочет подключить? – предположил Федулов.

– Возможно. Или вывести в самостоятельную разработку. В случае удачи, при любом из этих вариантов, у него возрастет шанс подмять под себя все спецструктуры страны. Собрать их в единую службу. А это значит – сосредоточить в одних руках всю власть.

– Она и так в одних, – как можно мягче произнес Федулов, намекая на Верховного главнокомандующего и руководителя страны Иосифа Виссарионовича Сталина.

Абакумов недовольно отвёл глаза в сторону.

– Ну, ладно, об этом потом как-нибудь, – тяжело выдохнул он, как бы говоря: «Ничего-то ты не смыслишь в политике, полковник». – А пока давай о «Березине»!..

В августе 1944 года, защищая переправу на реке Березина, возглавляемую подполковником

Генрихом Шерхорном, крупное немецкое соединение, численностью до полутора тысяч человек, было взято в кольцо советскими войсками. Гитлеровское командование принимало все необходимые меры, чтобы вывести его из-под удара Красной армии, но фронт с каждым днём откатывался все дальше на запад, и сделать этого не удалось. К операции по спасению соединения подключили одного из самых известных диверсантов, любимца Гитлера Отто Скорцени. С попавшими в окружение быстро наладили воздушное сообщение, по которому им регулярно стали поставлять оружие, медикаменты и продовольствие.

Однако немцы не знали, что к этому времени сотруднику НКВД Павлу Судоплатову удалось завербовать самого руководителя группировки, подполковника Шерхорна. Дал своё согласие на ведение радиоигры со штабом армии и его радист. С этого момента советская контрразведка имела возможность следить за деятельностью группы армий «Север», а операция получила название по имени реки «Березина».

Сообщая руководству о стойкости и храбрости своих солдат в борьбе с Красной армией, вынужденной бросать против них новые части, Генрих Шерхорн просил всё больше оружия и боеприпасов. Восхищенное таким героизмом, командование регулярно отправляло грузы, но все они попадали прямо в руки советских контрразведчиков. Гитлеровцы были уверены: доблестное подразделение вермахта успешно отвлекает на себя значительные силы противника...

– Как мы можем связать нашу операцию против литовских «землероек-бурозубок» – так с

легкой руки майора Чепракова с недавних пор стали называть «Лесных братьев» в Управлении «СМЕРШ» – с группировкой Шерхорна у Березины? – спросил Абакумов.

– На мой взгляд, никак, – пожал плечами Федулов. – Совершенно разные ситуации.

– Посмотрим. Передай майору Чепракову: отряд Урбонаса «пощекотать», но не уничтожить. По-возможности, слиться с ним, чтобы контролировать изнутри. В общем, продолжаем делать всё то, что изначально задумывали. Пусть сотрудники НКВД работают по «Березине», а мы своё будем доводить до конца. Ещё неизвестно, как всё повернется, – бросил комиссар второго ранга в воздух. – Этот агент, как его там...

– Кутора, – напомнил Федулов.

– Он ценен не только для Запада, но и для меня. И отдавать его я никому не собираюсь.

19

На базу старший сержант Грушин с Леонидом Кунгуровым и Колей Цвирко вернулись за несколько часов до начала операции, назначенной Андреасом Урбонасом. Выслушав доклад о результатах поиска останков Александра Довгунца и троих подпольщиков, майор Чепраков сокрушенно покачал головой:

– Значит, прав ты был, Коля, когда предположил, что ребята ещё тогда все погибли. – Командир повернулся к Цвирко. – Выходит, мы ошиблись, приняв человека из отряда Лукашевича за подпольщика Тарасевича?

Сверчок опустил голову. Фёдор Иванович ободряюще улыбнулся юноше.

– Зато теперь знаем, где могилы наших товарищей. – Повернувшись к старшему лейтенанту Вершинину, командир приказал: – Юрий Игнатьевич, надо будет составить бумагу на бойца Александра Довгунца, чтобы перевели из списка пропавших без вести в список погибших. Это чтобы родственники могли пенсию получать. Хорошо бы сообщить им о месте его захоронения.

Замполит молча кивнул.

Чепраков уже собирался отправить разведчиков отдохнуть перед операцией, но, заметив, что Цвирко в нерешительности переминается с ноги на ногу, спросил:

– Что-то ещё, Коля?

– Я всё думаю, кто мог наших сдать. Тарасевич погиб, значит, предатель не он.

Майор в нетерпении взглянул на часы. Нужно было успеть подготовиться к предстоящей операции.

– Это я уже понял. Потом, после войны разберемся, Николай, а сейчас иди отдыхать.

– Товарищ командир, я всё-таки уверен, что видел этого человека с Лидой. Ну, того, который у старосты Лукашевича в отряде. В общем, на всякий случай мы её с собой привели, чтобы узнала.

– Кого, Лиду? – Фёдор Иванович встрепнулся. – Вот чудаки! Давайте её немедленно сюда.

Девушка впорхнула в протопленную землянку, принесла с собой свежесть морозного воздуха. На какой-то миг Фёдору Ивановичу показалось, что вместе с ней влетел и дух мирной, давно забытой жизни.

После короткого приветствия, он сказал:

– Лида, через некоторое время сюда войдёт мужчина, с которым, как утверждает Николай, ты знакома. Он вас видел однажды вместе в городе. Нам нужно знать, кто он....

Потянулись минуты долгого ожидания. Несколько бойцов, собравшись с разрешения командира в его землянке по случаю появления знакомой девушки, стали расспрашивать Лиду о городе, в котором больше не рвались снаряды и не звучали автоматные трели. Она с охотой рассказывала, как быстро возвращались люди к мирной жизни.

– Представляете, у нас снова заработал кинотеатр, а в городском саду открыли танцплощадку с настоящим духовым оркестром! – воскликнула девушка в тот самый момент, когда дверь в землянку открылась и на пороге появился старшина Андрусенко.

За ним, кидая по сторонам настороженные взгляды, вошёл мужчина в пальто. Увидев его из своего угла, Лида воскликнула:

– Так это же наш Юрий Иванович...

Чепраков не дал договорить, закончив за неё:

– Юрий Иванович Кузяков, железнодорожный рабочий. Он же немецкий агент Шпала, сдавший все подполье капитану Хойеру, о чём последний успел написать рапорт своему руководству, но не успел отправить. Конверт лежал вместе с другими бумагами в одной из папок, найденных в лесу красноармейцем Цвирко.

Фёдор Иванович сожалел, что не догадался раньше ознакомиться со списком Хойера. О том,

что такой существует, ему ещё в Москве рассказал Федулов, получивший его от капитана Вовка. Но тогда, занятый предстоящей операцией, Чепраков внимания на его слова не обратил. Мысль эта пришла в голову лишь после заявления Сверчка, утверждавшего, что среди полицаев Лукашевича один человек ему показался знакомым.

И только вчера, после очередного радиообмена, полковник Федулов сообщил ему настоящее имя агента Шпалы, заново подняв бумаги капитана Хойера.

Отпустив всех, кроме комиссара и старшины Андрусенко, майор подошел к предателю. Не выдержав его долгого взгляда, Кузяков отвернулся.

– Юрий Иванович, – сохраняя спокойствие, обратился к нему Чепраков. – Как так получилось, что вы предали своих товарищей? Только не рассказывайте, что ненавидите советскую власть и тому подобное, не поверю.

– К власти у меня вопросов не больше, чем у других. Тут другое.

– Да? Что же?

– Испугался я, когда к немцам попал! – честно признался бывший подпольщик. – За близких испугался. На мне ведь две семьи.

– На жалость решил надавить? – злобно проронил замполит Вершинин. – Сейчас будет жалобно про детей рассказывать.

– Говорю, как есть. – Кузяков шмыгнул носом. – И про детей скажу. В прошлом году фашисты брата застрелили. Он в партизанах был. Я его семью к себе забрал. С ними вместе нас шестеро стало. Детки малые – кормить надо. Я на желез-

ную дорогу устроился. Немцы за работу неплохо платили. – Говорил он быстро, словно боялся, что не успеет оправдаться, останвят, по закону военного времени сразу к стенке поставят. – Поверьте, не думал никого сдавать. Я ведь сам к Вадиму Скобцеву пришёл, предложил свою помощь. Думал, будем локомотивы из строя выводить, с партизанами рельсы взрывать. Так и было...

– Было! – не сдержавшись, вскочил Чепраков. – И взрывы были, и поезда крушили! Но никто из твоих друзей не предал! Ни один человек! А ты сдал! Всех! Там, у мельницы, и наш товарищ полёг. А другой в плен попал. Николай Цвирко! Сверчок! Ты же узнал его? По глазам вижу, что узнал. Что ты рассказал о нём старосте Лукашевичу? Убить хотели?

– Неправы вы, – поднял голову Кузяков. – Паренька узнал, скрывать не буду. Знал, что он в партизанах был. Я его с Лидой несколько раз видел. Сначала удивился, когда здесь в полицейской форме встретил. Потом стал догадываться, что тут что-то не так...

– Какой догадливый, сволочь! – Старшина Андрусенко сжал кулаки. – Лучше бы ты погиб и остался в памяти людей героем. Семья бы гордилась.

– Семья? А кто бы ее кормил, ты, говорун? Языком болтать – не землю пахать! – Кузяков повернулся к Чепракову. – Я действительно рассказал Спиридону о вашем пареньке. Сказал, что видел его в отряде Матюшина.

– Зачем? – удивился майор.

Кузяков пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, хотел, чтобы староста поверил, что вы и в самом деле полицаи. В какой-то момент у старика сомнение стало закрадываться.

Мысленно отругав себя за несдержанность, Фёдор Иванович снова сел, задумался.

– Ты сказал, что сам пришёл к Скобцеву в отряд. А как узнал про подпольщиков?

– Так от брата и узнал. Они с партизанами связь держали.

– В каком отряде он служил?

– У Тимофея Кручени.

– Знакомый командир. Эпилепсией давно страдаешь?

– Падучей, что ли? Было несколько приступов за всю жизнь. В последний раз случилось лет десять назад. Я уж думал, что навсегда избавился.

– Хворь твоя и ввела нас в заблуждение, – открылся Чепраков. – Мы тебя за Тарасевича приняли. Подумали, что это он предал своих друзей. Он ведь тоже страдал этим недугом?

– Да, у нас об этом многие знали. Приступы у Володи часто случались. Из-за этого Вадим его не на все операции отправлял. Боялся, что подведёт в самый важный момент. Володька обижался. – Кузяков ненадолго задумался.

– Только я не пойму, почему вы меня за Тарасевича приняли?

– Теперь это уже неважно.

В землянке наступила тишина, только слышно было, как за дверью воет борей, принесший в Белоруссию холода северных краев.

– Меня расстреляют? – Голос Кузякова прозвучал неожиданно громко.

Фёдор Иванович встал, подошел к нему вплотную:

– Вас будут судить. Кстати, где сейчас ваши близкие? – спросил он.

В потухших глазах Кузякова появился страх:

– Я понимал, что меня рано или поздно найдут и расстреляют. К этой мысли я давно привык. Но семья... Разве она виновата в моем предательстве?

– Значит, вы признаете, что предали друзей? – подал голос старший лейтенант Вершинин.

– А смысл отрицать? Себе-то не соврёшь.

Дождавшись, когда конвойный забрал Кузякова, Фёдор Иванович тяжело проронил:

– Жаль его. Подвёл себя под расстрел. А мог и вправду добрую славу о себе оставить.

Вершинин задвигал желваками:

– А мне не жаль. Уму непостижимо, сколько среди нас, советских людей, оказывается, жило потенциальных предателей! Сколько из-за них нормальных людей пострадало, погибло?

Фёдор Иванович вспомнил, как перед самой войной попал по ложному обвинению за решётку, и усмехнулся:

– Что правда, то правда. – Не желая развивать дальше эту тему, он приказал старшине Андрусенко: – Давай, Саша, сюда этого Лукашевича. Посмотрим, что за фрукт. Надеюсь, он не видел, как выводили Кузякова?

– Я этого старика к кашеварам отправил, товарищ командир. Хоть и худющий, а жрать очень любит!

– Напрасно. На сытый желудок совесть у человека плохо пробуждается.

И снова несколько минут ожидания. Достав на всякий случай пистолет, замполит Вершинин положил его рядом на лавку, чтобы не было видно. Наконец в землянку, прихрамывая, вошел Спиридон Лукашевич. Увидев за столиком двоих незнакомцев, староста в нерешительности остановился.

– Мне сказали, что здесь Кондрат Матюшин, – растерянно оглянувшись по сторонам, медленно произнёс он, точно проскулил.

– Я и есть Матюшин! – улыбнулся Фёдор Иванович. – Или не похож? Да ты садись, страдалец! В ногах-то правды нет, особенно в больных. В голове она вся.

До Лукашевича быстро дошло, в какую западную он попал. Бочком присев на табурет из грубого горбыля, староста все тем же голосом прошамкал:

– Нет, не похож. Росточком не вышел.

– Дерзишь? – засмеялся Чепраков. – Уважаю! Хочется красиво умереть? Похвально, похвально.

– Чего же сразу умирать? – Голос Спиридона становился все увереннее. – Может, стожусь ещё советской власти?

– Торгуешься? – Лицо майора нахмурилось.

– Обмен хочу предложить, – не растягивая время, староста сразу решил перейти к делу, словно не в землянке красного командира находился, а разговаривал на рынке со знакомым барыгой. – Я вам своих людей сдам, а вы меня и ещё несколько человек отпускаете. Больше не попрошу. Идёт?

Теперь и замполит засмеялся:

– Обмен какой-то неравноправный получается. Твоих людей, считай, мы и так уже взяли.

– Э, нет, я не про тех, что в балке недалече схоронились. Из тех мне только двое сгодятся. Остальных можете под корень пустить заместо расходного материала. Людишки эти – оторви да выброси, не жалко! Я про других говорю, про тех, что меня в Литве дожидаются. В славном городе Вильно. Без меня они словно котятки слепые, а со мной морями смогут уйти. Есть у меня такая договорённость с нужными людьми среди латышских рыбаков. Даже уплачено уже частично.

Услышав его предложение, Циркач вспомнил речь Зосима Рублёного в «болотном домике». Склонившись к уху командира, он прошептал:

– Фёдор Иванович, я про это море уже не в первый раз слышу от его людей. Похоже, у них и вправду есть выход на рыбаков. Думаю, в Прибалтике открыт канал для тех, кто убегает. Закрывать бы его, а!

Чепраков одобрительно кивнул и вновь повернулся к Лукашевичу.

– Не скрою, предложение заманчивое. Надо подумать. А пока, староста, ты без всякого шума сдаёшь оружие и идешь отдыхать. Тебя проводят.

Сняв с пояса ремень с кобурой, Спиридон протянул оружие Циркачу:

– Куда? Обрато в балку?

– Зачем? Там холодно, – улыбнулся старшина Андрусенко, тщательно ощупывая хитрого противника. Достав из сапога Спиридона клинок, он положил его рядом с пистолетом на стол. – Лежак мы тебе здесь выделим. И бойца дадим, чтобы сон твой чуткий охранял.

Утром бывший подпольщик Кузяков был обнаружен повешенным.

До рассвета ещё оставалось несколько часов, но лагерь уже просыпался. Вокруг стояла крошечная темнота. Низко проплывающие тучи наглухо закрывали небо. Скоро отряду предстояло выступить, и надо было успеть плотно позавтракать.

Еду в лагере готовили два раза в день – рано утром и поздно вечером, чтобы не привлекать внимания неприятеля дымом от костров.

Отдав необходимые распоряжения, Фёдор Иванович отворил дверь в землянку, где обитал радист. Григорий Никишаев не спал.

– Готовься к эфиру, – приказал он. – Сразу после завтрака уйдешь вместе с дедом Захаром на запасную базу. Лида уйдет с вами. Сюда мы уже не вернёмся.

Григорий попытался возмутиться:

– Товарищ командир, я что, снова не участвую? Уже перед ребятами неудобно, честное слово! Бережёте меня, словно я девица какая.

– Гриша, ты мне нужен живым и невредимым. Вдруг тебе кисть отстреляют, как будешь морзянку отбивать? – пошутил майор.

– А вторая рука на что?

– Чтобы ложку держать, – улыбнулся командир, пытаясь поднять настроение не столько бойцу, сколько, в первую очередь, себе.

Сведения, полученные из Центра, оказались неожиданными для командира спецподразделения «СМЕРШ» и значительно меняли утверждённый ранее план, которому он до этого следовал.

Из сообщения полковника Федулова Фёдор Иванович узнал, что Станкявичусу поступил при-

каз собрать отряды и выдвинуться к переправе у реки Березины. Литовцы должны были прорубить коридор для выхода по нему группировки подполковника Шерхорна, оказавшейся в ловушке ещё летом. Москва полагала, что аналогичный приказ мог поступить и Урбонасу.

Майору Чепракову предписывалось любым способом приостановить продвижение литовских бандформирований к гитлеровскому соединению, пока не придут особые части НКВД.

«Подтверждаем прибытие Станкявичусу шести агентов тчк Однако не установлено точно есть ли среди них агент Бернштайн тчк», – последнее, что прочитал Фёдор Иванович.

Некоторое время он сидел в полной растерянности. Срывалась назначенная на утро операция по складу. Он уже не видел в ней никакого смысла. Выступить открыто против Станкявичуса, даже если собрать всех своих людей в единый кулак, было самоубийственно. Восемьдесят человек и полчаса не продержатся против четырёхсот стволов. Даже плохо вооружённый отряд Урбонаса представлял собою грозную силу.

Вернувшись в свою землянку, Фёдор Иванович показал сообщение Центра замполиту.

– Надо предупредить Вовка, – предложил Вершинин, ознакомившись с запиской. – Пусть уходит на запасную базу, там и встретимся.

– А что если Урбонас всё же приведет к складу своих людей? – Майор не оставлял такой возможности. – Если мы уйдем, то подведём людей подполковника Игнашевича. Без наших миномётов и пулемётов литовцы легко уничтожат всю его охрану. Надо идти. И потом, есть надежда,

что Андреас мог не получить такого приказа, как Станкявичус. В общем, к складу идти надо, а там как жребий вытянется, – подытожил командир. – Надеюсь, капитан Вовк там уже с вечера всё подготовил для отражения.

– Знать бы еще, сколько людей приведёт с собой Урбонас, – вздохнул Вершинин.

К обору они подошли незадолго до назначенного времени. Уверенности в том, что литовцы появятся там, с каждой минутой становилось всё меньше. Майор всё же отправил на западную сторону двоих бойцов для встречи с ними.

К его немалому удивлению, прибалты появились вовремя. Вернувшиеся разведчики доложили, что их не меньше семидесяти-восемидесяти человек.

– Как вооружены?

– Автоматы, карабины. Ничего существенного.

Чепраков огляделся. Вокруг только деревья, тихие и печальные в предутренней тишине, да каменная обора, одинокая, брошенная и позабытая всеми на годы, с подслеповатыми глазами-оконцами. Но сейчас она вздрогнет, откроет веки и, может быть, в последний раз в своей жизни взглянет на окружающий мир, перед тем, как сложатся её стены.

А на земле, распластавшись, вросшись в нее, ждали приказа своего командира его боевые товарищи. Майор взвёл пистолет и выстрелом в воздух подал сигнал к началу штурма. Через мгновение десятки автоматных и винтовочных выстрелов разорвали тишину леса.

Первая атака бросившихся с криками на склад «полицаев» захлебнулась почти сразу же, как толь-

ко со стороны каменного строения застрочили пулемёты. Упав на землю, смершевцы продолжали стрелять, посылая пули в густую темноту поверх оборы. Не отставали от них и на западной стороне. Литовцам позарез нужно было оружие. Несколько брошенных ими гранат едва не сорвали тяжёлые железные ворота с петель, но устояли они, лишь один угол каменного строения осыпался.

Выждав несколько минут, Фёдор Иванович, согнувшись пополам, бегом ринулся назад. По ногам больно стегали обледеневшие ветки кустарников. Метрах в двухстах от оборы он остановился. Здесь, в небольшой балке, под незаметным для остальных приглядом Черенкова, его дожидался староста Лукашевич. Тут же недалеко, в «резерве», сидели вместе с Николаем Цвирко и Сергеем Кнутовым ничего не подозревавшие остальные полицейские.

– Всё, Спиридон, твой выход, – приземлившись рядом, прошептал майор. – Делаем так, как договаривались. – Ты хотел двоих забрать? Забирай. Винтовки пусть оставят при себе, чтобы другие ничего не заподозрили. Остальным прикажешь идти со мной, понял?

– Неужель и вправду отпустишь? – прошамкал беззубым ртом бывший староста.

– Не в этот раз! – Чепраков сменил у автомата пустой рожок на полный. – Ты мне ещё своих людей не сдал, тех, что в Вильно ждут, забыл?

– Как же, забудешь с тобой, – проворчал старик. Кликнув Зосима Рублёного и Онисима Загорулько, он коротко объяснил свой выбор: – Племяши, куда без них...

Вернувшись на передний край, Фёдор Иванович приказал Вершинину держать юго-восточный фланг, а сам, взяв с собою старшину Андрусенко и двух стрелков, вместе с полицейскими Лукашевича спешно направился к литовцам. Чтобы не попасть под шальные пули своих же товарищей, засевших в оборе, им пришлось сделать приличный обход.

Несколькими минутами позже ефрейторы Черенков и Кнутов присоединились к Вершинину, оставив позади в промоине тела трёх полицейских. С самого начала никто не поверил в историю старосты про его людей в Вильно. Изворотливый предатель нужен был ровно до того момента, пока не приказал своим людям идти за Чепраковым. Им ещё предстояло сыграть свою последнюю роль на земле.

Ветер с севера разогнал часть туч, и сквозь ветви деревьев засквозили первые лучики солнца.

– Здорово бьют! Не думал, что у них миномёты есть, – заметив «Матюшина», выскочил ему навстречу из-за деревьев взопревший от боя Вилкас.

– А где Андреас? – спросил Чепраков.

– Собирает остальных.

– Каких остальных? Зачем? Мы и сами с тобой здесь управимся, – строя из себя простачка, проронил майор. Догадка, мелькнувшая в его голове, требовала подтверждения.

– Потом узнаешь. Когда возьмём оружие, встретитесь с ним. Андреас хочет кое-что предложить тебе.

Подозрение майора усилилось. «Очевидно, Урбонас также получил приказ следовать к Березине

и хочет предложить мне идти с ним» – подумал он, чувствуя острую необходимость встретиться с Куртом Краузе. Находившийся в отряде Урбонаса их немецкий товарищ мог наверняка знать об этом.

– Вместе пойдём к нему, – без промедления согласился Чепраков. – Только сначала давай возьмём этот чертов склад.

Оставив в помощь литовцам людей старосты Лукашевича, майор со своими повернул обратно.

Следующая атака также оказалась безуспешной. После третьей, потеряв не менее трёх десятков убитыми, Вилкас решил отступить, сообщив об этом «Матюшину».

В Литву уходили вместе.

– Что-то мы с тобой проглядели, – устало проговорил Чепраков, сравнившись с ним. Он хотел отвести от себя любые подозрения.

На ходу перетягивая бинтом раненую руку, помощник Урбонаса косил на него глаз:

– Это ты о чём?

Майору показалось, что литовец не сильно расстроен неудавшейся атакой и гибелью своих товарищей.

– Откуда здесь вдруг миномёты оказались? Мы вроде бы всё с тобой осмотрели.

– Видно, что ты ничего не смыслишь в оружии. – Вилкас окинул его взглядом, не лишённым некоторого презрения. – Это легкие миномёты! Переносные! Солдаты их на себе носят. Мы при всём желании не увидели бы их.

«Матюшин» сделал удивлённое лицо:

– Да? Я видел пару раз миномёты, но те были огромные. Немцы их на грузовиках привозили. А ты что, ранен? – стал он проявлять участие.

– Пустяки, зарастет. Главное, кость не задета.

– Это хорошо. Плохо другое.

– Что? – насторожился Вилкас.

«Матюшин» печально посмотрел на него.

– Я Андреасу оружие обещал раздобыть, но вот не вышло. Зря только людей погубил. Ваших много полегло?

Фёдор Иванович уже знал, что всё полицейские Лукашевича, которых он выдавал за своих, погибли. Но угрызения совести офицера не мучили. В конце концов, смерть свою они встретили в открытом бою, а не застрелены в затылок.

– Что поделаешь, на войне не всё получается так, как мы хотим, – заявил Вилкас.

– Ты всё-таки словечко-то замолви ему за нас, – попросил «Кондрат». – Пусть возьмёт к себе. Без вас мы сгинем. А у вас сила.

Приумножившись значения, литовец пообещал:

– Скажу, скажу. Андреас мне доверяет, как себе.

К небольшому – в семь домов – хуторку они подошли к полудню. Как оказалось, это и был лагерь литовских повстанцев. Прежних жителей здесь не осталось. ещё летом, с наступлением Красной армии, все они сбежали на север страны. Войдя в первый же по пути домик, Вилкас вскоре вышел.

– Командира нет в лагере, – заявил он, показывая, куда следует идти дальше. – Ушел на встречу со Станкявичусом. Вернется только к вечеру.

Это означало одно: объединение обоих отрядов неизбежно, а значит, и поход к реке Березине будет.

Место им отвели в лесу, чуть подальше от хутора, где среди деревьев спрятались с полсотни

невысоких навесов, крытых валежником и камышом.

– С весны стоят, – прошептал Фёдор Иванович расположившимся под одним с ним навесом Циркачу и Вершинину.

– Угу, – кивнул Андрусенко. – И валежник, и камыш успели порыжить. Это какое-то летнее убежище. Зимой тут околеть можно.

– На зиму они обычно по домам расходятся. – Майор снял сапоги, размотал портянки, давая усталым ногам отдохнуть. – Большинство сидят у печи, но есть и такие, кто по ночам постреливает из-за угла.

Последовав его примеру, старший лейтенант Вершинин быстро разулся, встряхнул портянки и снова обмотал ими ноги. Надев сапоги, офицер встал, немного потоптался на месте, проверив, хорошо ли сидят.

– Надо бы пройтись, осмотреться, – предложил он.

– Вот я и пройдуся, а ты останешься, – сказал командир. – Надо разыскать Курта.

Незаметно осмотревшись, не наблюдает ли кто за ними, Циркач вскочил на ноги.

– Дозвольте с вами, господин Матюшин! Очень пить хочется, знаете ли!

– Дозволяю, – сбивая с форменки налипшую грязь, кивнул Фёдор Иванович.

Предупредив всех соблюдать осторожность, они пошли по дорожке, щетинившейся у обочин сухой травой. В воздухе разливался лёгкий запах прелых листьев. Большие мрачные тучи висели над головами, грозя разразиться очередным дождём.

Едва Чепраков с Андрусенко сравнялись с крайним домиком, как из него неожиданно выскочил Краузе. Обрадовавшись, словно увидел старых приятелей, немец подбежал к майору и протянул руку для приветствия:

– О, майн Готт! Матьюшин! Матьюшин! – стал он произносить без конца, словно заезженная пластинка.

– А, наш знакомый! – воскликнул Фёдор Иванович, также расплываясь в слащавой улыбке. – Ты ещё здесь? Я уж думал, давно в неметчине своей гуляешь.

– Матьюшин! Матьюшин! – Схватив за плечи, Краузе стал тормозить его.

– Надо же, встретились как хорошие знакомые! – раздался за их спиной голос Вилкаса. – А кто-то ещё недавно собирался убить этого несчастного, – сязвил он.

– Да брось ты! Чего от злости не скажешь, верно, геноссе Курт?

– О, я, я, геноссе! Друг! Матьюшин ест друг!

Краузе принялся рассказывать Вилкасу, знавшему немного немецкий язык, как однажды Матьюшин спас его, за что он до конца дней своих будет благодарен ему.

– Ком, ком, Матьюшин! – замахал руками Курт, призывая войти в дом.

Заметив, как насторожился Вилкас, Циркач громко обратился к нему:

– Где тут водицы можно испить?

– Что? – не расслышал литовец.

– Говорю, где можно попить, умыться?

Остановив проходившего мимо паренька в немецкой солдатской шапке, Вилкас что-то сказал

ему на родном языке. Выслушав, тот молча кивнул.

– Иди за ним, он покажет. Чуть позже печь протопится, баня будет, – исчезая за углом соседнего дома, выкрикнул Вилкас.

Оказавшись наедине с Куртом внутри небольшого помещения, Чепраков зашептал:

– А теперь быстро. Какие новости? Что слышно об агентах абвера, прибывших в отряд Станкявичуса? Есть ли среди них тот, кого мы ждем? Что вам известно о группировке Шерхорна, попавшей в окружение у реки Березины? Собирается ли Урбонас идти туда? Что слышно от вашего товарища Мюллера? И последнее: что известно о польском отряде? По нашим данным, он где-то в этом районе.

– Много вопросов, не успею ответить. Я лучше напишу всё на листок и постараюсь позже передать вам, – ответил Курт, спешно доставая из шкафчика небольшую буханку ржаного хлеба и кусок сала. – Про поляков отвечу сразу: они ушли на свою территорию. Вы надолго здесь?

– Пока не знаю. Всё будет зависеть от разговора с Урбонасом. Как вы думаете, он поверил нам?

– Думаю, да. Что там случилось у складов? Много раненых вернулось.

– Убитых не меньше, – с довольным лицом победителя ответил майор.

Краузе недовольно нахмурил лоб:

– Речь всё же о людях идёт!

– Что такое, Курт? Сидели бы они дома, остались живы! Хотя я понимаю вас. На войне любая победа с оттенком грусти.

– Оружие раздобыли?

– Мы и не собирались вооружать своих врагов. Необходимо было заручиться их доверием.

Фёдор Иванович покинул домик, чтобы не вызывать лишних подозрений.

– Матьюшин, эссен, эссен! – Выскочив следом, Краузе вложил в его руки хлеб с салом. – Кушать, кушать, я? На гут!..

Ближе к вечеру Курт сумел передать записку, в которой говорилось, что в отряд Станкявичуса, действительно, прибыли «бурозубки». Пятеро из шести – офицеры абвера. Старший – майор Альфред Шульц, кавалер Рыцарского креста, в совершенстве владеющий английским языком. По всей видимости, он и есть Кутора, или Бернштайн-Янтарь. Шестой член команды – женщина-радист.

О попавшей в засаду группировке Шерхорна ни Краузе, ни Мюллер до последнего момента ничего не знали. Очевидно, литовцы или сами не владели информацией, или по каким-то своим соображениям не сочли нужным сообщить. Известно только, что майор Шульц привёз приказ всем здешним отрядам собраться в одном месте и ждать дальнейших указаний.

Уничтожив записку, Фёдор Иванович задумался. Большие отряды, вроде тех, которыми руководили Станкявичус или Урбонас, не имели единой базы на определенной географической точке, а были раздроблены на малые группы и разбросаны по хуторам и лесным массивам. Бороться с ними было чрезвычайно тяжело. Нужна была целая армия сотрудников. Но если литовцам удастся собраться в одном месте...

Фёдор Иванович понял: это шанс, какого может больше не быть.

Андреас вернулся лишь поздно вечером в слегка подпитом состоянии и в прекрасном расположении духа. Встретившись с Чепраковым-Матюшиным, литовец не преминул похвастаться новеньким немецким орденом «За храбрость», который ему вручил один, с его слов, очень важный майор абвера.

Поздравив с получением столь высокой награды, «Кондрат Матюшин» пожелал командиру литовского отряда новых достойных побед и, воспользовавшись моментом, попросил взять его отряд под своё начало.

– Ладно, так и быть, беру тебя с твоим вшивым отрядом к себе. Вилкас сказал, что ты храбро сражался сегодня?

– Я старался! – отчеканил «Кондрат».

– Если и дальше так будешь, дам тебе целую роту, – пообещал Урбонас. – Скоро мне нужны будут верные и надёжные помощники. Не такие, как эти чертовы поляки, которых мы выгнали с нашей земли. Они хотели доминировать над нами, но у них ничего не вышло. Скоро немцы наградят меня настоящим железным крестом. Ты знаешь, что это значит? Это откроет мне дверь в другой мир... – выпроваживая его, продолжал бахвалиться Андреас.

Оказавшись на улице, Фёдор Иванович протянул руку.

– Значит, мы договорились? Благодарю ещё раз за доверие. Нам бы завтра вернуться к себе на базу, забрать кое-какие вещи...

– Что вы там можете забрать? Вы, полицейские, нищие... эээ... низшие существа! Я дам вам всё, что нужно. Скоро, очень скоро. И форму, и оружие...

«О, а мужичка-то не на шутку окрылила награда», – засмеялся про себя Чепраков, возвращаясь к своим под навес.

Оставив позади крайний домик, майор ступил в темный лес, и сразу перед ним выросла тень.

– Это я, – узнал он тихий голос Краузе. – Как всё прошло?

– Нормально, – прошептал Чепраков, отводя от его живота пистолет.

Ещё один, упершийся в спину, убрал Циркач, неожиданно выросший за спиной немца.

– Глаза разведчика быстро привыкают к темноте, – выдохнул старшина в лицо оробевшего Краузе. – Не стоит долго стоять на одном месте.

– Хорошо работаете! Не видел, как вы подошли.

– Кхе, – выдохнул Андрусенко. – Меня этому учили.

– Нужны будут точные координаты места встречи всех отрядов, – прошептал Чепраков на ухо немцу. – Сообщите через Циркача. Он пока остаётся здесь.

21

Фёдору Ивановичу не спалось. Вместо сна – мешанина из обрывков воспоминаний, бреда, мыслей и бог знает чего ещё.

Вечером он встречался с Вовком. От него узнал, что у оборы погибли двое солдат подполков-

ника Игнашевича. Ещё семеро были ранены. Из контрразведчиков, к счастью, никто серьёзно не пострадал. Только несколько осколочных ранений по касательной. Помогло старое сооружение. Устояло, прикрывая защитников.

Получив приказ держаться неподалёку, чтобы в любой момент иметь возможность прийти на помощь, Виктор ушел готовиться к переходу в Литву.

Сон окончательно пропал. Надев шинель, Фёдор Иванович вышел пройтись по территории новой базы. Сюда отряд перешёл лишь сутки назад, а утром снова надо было собираться. Теперь к Урбонасу в лагерь.

Стало холодать. С неба посыпал мелкий снежок, и налётевший ветер стал срывать с еловых лап белые дымки, бросая их в лицо. Осени оставалось жить совсем недолго. Болотно-озерно-лесное царство вокруг готовилось к зиме.

Плотнее закутавшись в шинель, Фёдор Иванович повернул обратно, и тут перед ним из густого кустарника неожиданно вырос старшина Андрусенко.

– Товарищ командир, разрешите доложить? – обратился Циркач, приставив руку к козырьку.

– Тьфу ты, чертяка! Никак не привыкну к твоим внезапным появлениям, – пряча пистолет обратно в карман, ругнулся майор.

– Сами хороши, Фёдор Иванович! Вон, как ловко с оружием управляетесь.

– Не ожидал тебя так скоро. Что случилось? – Схватив старшину за локоть, Чепраков повёл его быстрым шагом к землянке. – Давай, выкладывай.

– Меня Курт прислал, – начал Циркач. – Приказ пришёл, собрать в течение ближайших трех дней все группы, чтобы было как можно больше людей. Место сбора – лагерь Урбонаса.

Фёдор Иванович скинул с себя шинель, прошел к буржуйке.

– Хоть с этим повезло, далеко идти не надо будет, – хмыкнул он. – Откуда ему это известно?

– От Мюллера. Он приходил вчера со Станкявичусом. Осматривали лагерь. С ними ещё шесть немцев. Только мне кажется, что они не по этому вопросу.

Их разговор разбудил старшего лейтенанта Вершинина.

– Пять мужиков и одна женщина? – подал он со своего угла голос.

– Точно так.

Юрий Игнатьевич присел.

– Говоришь, не по этому вопросу? А по какому?

– Курт говорит, они интересуются больше северной частью Литвы и Латвии, чем группировкой у переправы Березины.

Отпустив старшину отдыхать, майор с замполитом склонились над картой. Скоро в Центр полетело очередное донесение с указанием точных координат литовского лагеря.

Ответ пришёл утром. Прочитав расшифровку, Чепраков повернулся к ожидавшим в нетерпении старшему лейтенанту Вершинину и вызванному ночью Виктору Вовку.

– Операция начнется послезавтра, за час до наступления темноты, – коротко сообщил командир...

Уже не первый день хутор напоминал большую стройку. Повсюду были слышны звуки стучащих молотков и топоров. Из леса доносился визг пил и треск падающего сухостоя. Прибывающие отовсюду малыми и большими группами «лесные братья» сами себе строили временные укрытия.

Лёжа под навесом, Фёдор Иванович внимательно продумывал пути отхода. Он знал, что скоро этот лагерь должен опустеть. Получив приказ выдвинуться на помощь своим немецким друзьям, попавшим в котёл, куда их загнали русские части, огромная колонна, более чем из тысячи человек, быстрым маршем пойдёт по Белоруссии, уничтожая всех на своем пути, кто попытается её остановить.

Но это будет завтра. Сегодня же вечером ожидается грандиозная попойка. Командиры Урбонас и Станкявичус обещали выставить спиртное. Из дальних хуторов пригнали несколько коров. Будут жарить мясо.

По короткой улице-дороге, вдоль стоявших как под линейку низкорослых срубов, взад-вперёд прогуливались гости из Германии. В ожидании вечеринки они пребывали в приподнятом настроении. Офицеры беспрестанно шутили, вспоминая довоенную жизнь в Германии и славную войну в Европе, которую немецкий народ благодаря доблести и гениальному предвидению фюрера так быстро завоевал.

Перехватив взгляд командира, устремленный на абверовцев, Циркач, недолго понаблюдав за ними, повернулся к друзьям-неразлучникам, Ло-

пате и Кнуту. Прижавшись спинами к большому сосновому комелю, разведчики ловили последние тёплые лучики осеннего солнца.

– Хороший ожидается сегодня вечерок! – прищурив глаз, воскликнул Андрусенко.

– Угу, – лениво буркнул Черенков.

– Це ты точно казав, – поддержал его и один из украинцев, присоседившихся к ним под широким навесом. Рядом на огромном, крепко сколоченном топчане возлежали ещё человек восемь его соотечественников из УПА. Это были старые знакомые чепраковцев, с которыми они несколько раз пересекались. Это с их подачи отряд майора и сошелся с литовцами Урбонаса.

– Сейчас бы самогонки стакан заглотнуть, да выспаться чуток, – мечтательно произнес Кнутов.

– Я б теж не видмовывся, – подал голос другой громадянин Украины. – Ще б жинку якусь непогану!

– Ишь ты, чего захотел? Женщину ему подавай! – хохотнул Циркач.

– Сейчас бы поспать, – укладываясь на узкий лежак, выдохнул Сверчок, прикрываясь воротником шинели от их зычных голосов.

– Ишь ты, поспать! Ты в лесу или где? – Андрусенко дотянулся рукой до его пояса, резко потянул на себя. – Запомни, мужичок-лесовичок: в лесу даже у малого зверя длинные уши и зоркий глаз! – Он незаметно подмигнул юноше, показав подбородком в сторону прохаживавшихся немцев. – Лес и сам далеко видит и хорошо слышит. И спать тут нужно с открытыми глазами, понял? Иди, вон, лучше водички принеси нам.

Кивнув в знак того, что намек понял, Сверчок поднялся.

– Всё бы вам, дядьки, младших забижать.

– Иди-иди! Ишь, спать ему вздумалось...

Выйдя в спину немцам, Сверчок последовал за ними. Среди них был и их агент, Курт Краузе. Чуть отстав от основной группы, он шёл рядом с другим молодым офицером и женщиной. Как и офицеры абвера, она была одета в маскировочный халат, скрывавший её тонкую фигуру. Все трое о чём-то непринужденно болтали. При этом немка не забывала щедро одаривать сопровождавших ее мужчин улыбкой.

В лагере женщин было немного, человек пять, и все они являлись жёнами или подругами местных командиров, поэтому появление красивой, лет тридцати пяти немки никого не оставило равнодушным. Как и остальные, Сверчок знал, что она радистка и прибыла сюда вместе с офицерами.

Прошагав за ними пару десятков метров, юноша свернул в сторону колодца. Набрав воды, он хотел отпить её прямо из ведра, но чья-то мягкая рука удержала его за локоть.

– Найд! – услышал он женский голос и обернулся. Перед ним стояла та самая немка. Рядом – улыбающийся Курт. – Найд, – повторила она, показывая своим фарфоровым пальчиком на висевшую на стальной цепочке железную кружку.

Сверчок покраснел, почувствовав себя диким, некультурным. Наполнив кружку, он протянул её женщине. Она не стала пить. Сняв с головы кожаную шапку-шлем, похожую на те, что носят

лётчики, набрала немного влаги в ладошку и протерла ею лоб. Без головного убора немка показалась Сверчку ещё красивее. С большой неохотой он отвел взгляд от её зелёных глаз и густых курчавых волос цвета зрелой пшеницы. Несмотря на большую разницу в возрасте, он находил её восхитительной. Сожалел лишь о том, что была фашисткой.

Вернув кружку, женщина одарила и его одной из своих обворожительных улыбок и повернула обратно. Курт на мгновение задержался.

– Гуд, югенд, гуд! Ошен карашо! – стал он хвалить Сверчка за сообразительность.

– Да ладно, чего там, – засмутился юноша, успев шепнуть время начала сегодняшней операции.

– Ошен, ошен карашо! – снова повторил Краузе и пустился догонять свою спутницу.

Вернувшись под навес, Коля присел на лежак и стянул с себя сапоги. Перехватив его многоговорящий взгляд, Циркач улыбнулся.

– Ну, что, вьюнош, как выглядит вблизи немецкое счастье? – неожиданно спросил старшина, тем самым невольно признавшись, что все это время наблюдал за ним. – Как тебе бабушка?

– Никакая она не бабушка, – заступился за женщину Сверчок. – Очень даже миловидная.

– А где же вода? – напустился на него старшина, ломая бровь.

– На цепи!

Упав на спину, юноша глубоко вздохнул.

– Понравилась, говоришь? – уже более спокойным тоном поинтересовался Андрусенко.

– Для немцев сойдет, а мне моя Лида ближе, – проворчал Николай. – Я ей такие же духи подарю. И кофту. Очень дорогую кофту...

Глядя на задремавшего юношу, Циркач посмотрел на часы. До начала операции ещё оставалось время, можно было и вздремнуть...

Налёт авиации оказался для всех неожиданным. Падая, бомбы раскатисто охали, переворачивая землю, превращая всё в ошмётки. Люди в замешательстве бегали по всей большой территории, спасаясь от разрывов. В суматохе никто не догадался потушить многочисленные костры, на которых жарилось мясо. А они, словно путеводная звезда, указывали место советским летчикам, куда следовало укладывать бомбы. Завершив первый сброс, бомбардировщики вышли на второй круг...

Все дома на хуторе были взорваны. Горели хозяйственные постройки. Отовсюду доносились крики раненых. Спустя некоторое время уцелевшие стали собираться на изрытом взрывами поле, но тут кто-то пустил слух, что авианалёт может повториться, и снова все бросились врассыпную, опасаясь за свои жизни. Разбегались целыми группами.

Недалеко от хуторка выжидал своего часа отряд под руководством капитана Вовка. Минут через десять после того, как самолёты улетели, офицер поднял руку, обращая на себя внимание остальных. Полсотни бойцов Красной армии были готовы по его команде ринуться в едином порыве в атаку.

– Миномётчики, огонь! – скомандовал капитан.

По-змеиному зашипев, из труб стали вылетать снаряды. Теперь «лесных братьев» накрыл миномётный дождь. Расстреляв весь запас, контрразведчики побросали ненужные установки и схватились за автоматы.

Первым в атаку поднялся капитан:

– Вперед! В атаку! Снайперам бить наверняка!
– закричал он...

Полчаса спустя всё было кончено. Сколько уцелело «лесных братьев» и примкнувших к ним коллаборационистов из соседних республик – никто не мог подсчитать. Да и не нужно это было. Майор Чепраков был уверен, что оставшиеся в живых теперь не скоро опомнятся.

Одна из главных задач была выполнена. Окружённой группировке фашистов у реки Березины не стоило больше ожидать помощи из Прибалтики. Но оставалась ещё одна, самая важная часть задания. Требовалось установить, кто из пяти офицеров абвера являлся агентом Бернштайном. Чепраков понял: вычислить связанного с Западом координатора будет нелегко. Брать же всех в плен – значит разрушить весь план игры с перевербовкой, задуманный Москвой. Упусти хоть одну деталь, и на Западе поймут, что агент провален. Им проще будет прислать нового человека, и тогда советским контрразведчикам придется всё начинать сначала.

Впавший после страшного налёта в меланхолию майор-крестonosец Шульц стал повторять, как заклинание, что сегодня им всем несказанно повезло и что родились они под счастливой звездой. Остальные офицеры охотно поддакивали ему.

Сотрудники абвера не знали, что их спасительной «звездой» были контрразведчики НКГБ СССР Краузе и Мюллер, и спецотряд майора Чепракова.

За несколько минут до налёта авиации Курт и Ульрих, разыгрывая роль ревностных ухажёров, предложили фрау Эльзе прогуляться к расположенному неподалеку небольшому озерку, пока повара будут готовить для них изысканный ужин. А чтобы женщину не пугала их настойчивость, решили позвать и офицеров. С ними вместе отправился пройтись и Андреас Урбонас, с гордостью демонстрировавший на груди орден мужества, полученный из рук майора Шульца. Из крупных командиров в лагере оставался Станкявичус, сославшись на то, что кому-то необходимо проследить за вечерними приготовлениями. Он и был убит осколками одним из первых.

Вскоре под минометный обстрел, последовавший почти сразу после авиаудара, попал и Андреас Урбонас, попытавшийся укрыться в лесу с небольшой горсткой людей.

Избежать гибели удалось немногим. Снятые точными снайперскими выстрелами, остались лежать в лесу и все до одного украинские националисты. Циркач так и не успел спросить их, что они делали в Белоруссии, если основная их часть скрылась в Польше и Румынии.

Тщательно разыгранная майором Чепраковым партия подходила к концу. Офицеры абвера практически оказывались у него в руках. Разве что ещё Вилкас, где-то затерявшийся, мог стать помехой.

Они встретили литовцев в лесу, в двух верстах от уничтоженного хутора. Вилкас собирал всех

уцелевших. На тот момент с ним уже было не менее сорока человек.

Наступало то время поздней осени, когда дожди со снегом и сильными ветрами, с непроглядной теменью ночей, являлись прекрасным прикрытием для засад и налётов. Представив, какую силу может собрать вокруг себя Вилкас, сколько ещё жизней будет оборвано этими людьми, униженными и обозлёнными сегодняшним провалом, Фёдор Иванович крепко сжал рукоять автомата и ступил на поляну.

Заметив полиция, Вилкас окинул широким взглядом сопровождавших его бойцов.

– А я смотрю, ты почти всех своих сохранил? – обронил он.

– Всех.

– Как тебе это удалось? И от бомбёжки ушли, и от миномётного обстрела!

Майор Чепраков не горел желанием рассказать врагу, что его люди своевременно укрылись в лесной ложбинке, незаметно, один за другим покидая хутор, и вернулись лишь тогда, когда все закончилось. Не мог он раскрыть и немецких товарищей, уведших от бомбёжки абверовцев.

– Ты никак подозреваешь меня в чем-то? – Голос майора возвысился.

– Все же любопытно! – Опускаясь темнота не скрывала зловещую ухмылку на лице Вилкаса. – Все совпадает, Матюшин, или как там тебя! Сначала неудавшийся для нас налёт на склад, теперь удачный для тебя налёт авиации. Что скажешь?

Оберегая своих бойцов, Чепраков хотел избежать перестрелки, но Вилкас явно думал иначе.

– Говорить не буду, – предложу. Сдавайтесь! Сложите оружие и все останетесь живы.

Успев что-то выкрикнуть на литовском языке, Вилкас нажал на спусковой крючок немецкого автомата...

Он опоздал всего лишь на долю секунды, но этого оказалось достаточно. Прошитое пулями, его тело медленно завалилось на землю лицом вниз, но майор спецотряда Чепраков этого не видел. В это время он уже стрелял по другой цели...

Скоротечный победный бой принес и горечь потерь. Уничтожив всех людей Вилкаса, контрразведчики не досчитались и в своих рядах восьмерых. Собрав тела убитых, бойцы уложили их в глубокой промоине и завалили ветками и упавшими деревьями. Времени на то, чтобы похоронить достойно своих товарищей, не оставалось. Нужно было срочно отыскать немецких офицеров, с которыми – Чепраков очень на это надеялся – оставались Краузе и Мюллер.

Вернувшись на хутор, они нашли гитлеровцев у раскуроченных домов. Жалкими и растерянными показались офицеры замполиту Вершинину, немного знавшему немецкий язык. Однако Фёдор Иванович был уверен: такое их состояние обманчиво. Абвер умел подготавливать своих агентов к опасностям и всяким неожиданностям.

Объявлять их пленными, как предлагал замполит, майор считал преждевременным. Он хорошо запомнил разговор с полковником Федуловым. «Этот Кутора – тот ещё зверь! – предупредил его начальник 2-го отдела контрразведки НКГБ. – Его просто так не возьмешь. И никогда не рас-

познаешь среди сотни других, пока он чем-нибудь сам себя не выдаст».

Пока Вершинин отвлекал немцев разговорами о сегодняшнем нападении, Фёдор Иванович отвел Краузе в сторону.

– Удалось установить, кто из них Бернштайн?

Курт развел руками:

– Это сложно. Сначала мы подумали на майора Шульца, но теперь склоняемся к мысли, что это может быть гауптман Фишер.

– Почему?

– Все время молчит. Если отвечает, то сухо, отрывисто. Сам ни с кем не заговаривает первым.

– Продолжайте наблюдать, – приказал майор.

– И помните, что у кого-то из них может быть приказ в случае опасности уничтожить Бернштайна. Я предложу всем вам идти с нами на север. По дороге попробуем разыграть нападение на нас.

– Зачем? – удивился немец.

– Часто экстремальная ситуация раскрывает всю картину.

– А если не захотят идти?

– Постарайтесь убедить их, что с нами надёжнее будет.

Уговаривать немцев не пришлось. В наступившей темноте, обдуваемые холодным напористым ветром, по-настоящему напуганные неожиданно разыгравшейся трагедией, офицеры абвера не стали долго размышлять, пошли – куда денешься? – следом.

– С обузой тяжело катить обоз, – намекая на гитлеровцев, пошутил Лопата, едва все тронулись в путь.

– А без обузы и повозка не нужна, – заключил Кнут.

Их слова заставили командира обратить внимание на то, что у четверых из пяти офицеров за плечами появились увесистые ранцы. Небольшой висел и на спине женщины. И только майор шел налегке.

В другое время можно было и не придать этому особого значения. Что за диверсант без поклажи? Но как ранцы оказались у абверовцев после такой мощной бомбежки, уничтожившей, казалось бы, все?

– Весь их груз находился в одном месте за хутором, – объяснил Мюллер, не упускавший всё это время гитлеровцев из поля зрения. – Там ещё часть оружия осталась.

К крошечному хуторку в два домика они вышли под утро. За ночь землю накрыло легким снежным покрывалом. Проскочив по общему двору, ещё не потревоженному никем, высланные на разведку несколько человек спешно обследовали каждый домик, проверили оба хлева и глухие дровники. Убедившись, что на хуторе давно никого не было, криком ночной птицы они подали своим сигнал.

Обнаружив в большом хозяйском доме три комнаты, одну отдали офицерам абвера, выразившим желание поселиться вместе. Другую, поменьше, предоставили единственной женщине. Сами же Чепраков и Вершинин остановились в центральной, очевидно, служившей гостевой и кухней одновременно. Места здесь хватило и Краузе с Мюллером.

Все остальные разместились в соседнем доме.

Осмотрев стол, наспех уставленный нехитрой снедью, собранной бойцами перед уходом с уничтоженного хутора, Чепраков остался доволен.

– Зови всех! – повернулся командир к Вершинину.

На его приглашение двери отворились, и перед всеми неожиданно показалась немка в черной шерстяной юбке и белой батистовой кофте, поверх которой был надет такого же цвета, как и низ, красивый джемпер. Ее слегка припудренное лицо с подкрашенными губами, в тусклом свете горницы казалось мертвенно-бледным.

– Их – Эльза! – с большим опозданием представилась она, внимательно посмотрев на присутствующих и грациозно присев в полупоклоне.

– Эльза благодарит нас за то, что мы не оставили их там, на старом месте, – перевел её дальнейшие слова замполит Вершинин.

– Не за что! – сдержанно ответил майор, представившись Кондратом Матюшиным. – По такому случаю надо выпить за знакомство и за спасение. Нам сегодня всем несказанно повезло.

Пока Вершинин переводил немке его слова, Фёдор Иванович отправил помогавшего накрыть стол Сверчка раздобыть у ребят немного спирта.

Высыпавшие из своей комнаты немецкие офицеры, услышав о предложении немного выпить, стали бурно восторгаться: – О, зер гуд, зер гуд!

Первым вернулся назад Сверчок. Поставив на стол бутылку с самогоном, он отошёл ближе к Эльзе. Следом вошли Черенков с Кнутовым, неся каждый в руках по две фляги со спиртным.

– Пейте на здоровье! – положив их на стол, весело произнес Кнут.

Увидев испуганные глаза гитлеровских офицеров, не отрывавших взглядов от фляг, майор Чепраков понял, что они рассекречены и успел крикнуть «брать всех живыми!» прежде, чем гитлеровцы выхватили пистолеты и начали стрелять. Он же первым и бросился на ближайшего из них. Мгновение спустя весь дом наполнился запахом гари.

Ещё не соображая, что происходит, Сверчок успел с силой втолкнуть немку в полуоткрытую дверь её комнатухи, прежде чем что-то тяжёлое, навалившись на него сзади, сбilo обоих с ног. Это было обмякшее тело гауптмана Фишера.

– Брать живыми! – в большой комнате, где царил хаос, вновь раздался голос командира.

Пытаясь выбраться из-под грузного немца, Сверчок увидел, как кто-то из-за двери наводит на него пистолет. Он успел схватить оружие убитого гауптмана и выстрелить первым. Вскрикнув, раненный в руку нападавший медленно выронил оружие.

Когда рассеялся пороховой дым, чьи-то крепкие руки сняли с Николая и Эльзы тело гауптмана.

– Ты как, цел? – донесся до юноши, полуоглохшего от выстрелов, голос командира.

– Нормально, – с трудом выдавил Сверчок, касаясь ушибленной ноги. – А что случилось? Почему стали стрелять?

– Фляги! – ответил Вершинин. – Ребят выдали советские фляги.

– Я же приказал ничего из своего не брать! – выкрикнул в сердцах Чепраков.

В центральной комнате, увидев на полу бездыханные тела Лопаты и Кнута, туман застил глаза юноши. Он сдержался, не стал плакать.

Это случится позже, когда во двор выведут четырех гитлеровских офицеров со связанными за спиной руками. У одного из них, майора Шульца, выстрелом будет повреждена кисть. Тело пятого останется лежать в комнатке Эльзы, а саму женщину, причитающую, что она всего лишь радистка и должна была выполнять приказы офицеров, под охраной отведут в соседний дом. Тогда-то и вырвется наружу вся боль утраты. Тогда и вззоет молодой боец Красной армии, зажимая обеими руками рот, чтобы не слышали другие. «Советский воин должен уметь контролировать свои чувства», – говорил ефрейтор Павел Черенков своему другу Сергею Кнутову, который так и не успел научиться сдерживать себя. Короткой жизни не хватило.

Их похоронили недалеко, на небольшой лысой возвышенности, чтобы кресты над могилами были видны издалека. Старший сержант Грушин собственноручно вырезал на них звезды и имена боевых товарищей...

Собравшись в большой комнате, офицеры решали, каким путем доставить гитлеровских агентов в Москву. Центр, поставленный в известность об их аресте, торопил, предлагая выслать самолёт. Мешали низкая облачность и сильный порывистый ветер. Нелётная погода обещала надолго задержаться в этих беспокойных краях.

Майора Чепракова второй день мучил вопрос, кто из абверовцев Бернштайн.

– Я думаю, это гауптман, – заявил старший лейтенант Вершинин. – Его поэтому свои и застрелили. Ценный агент не должен был попасть в наши руки. И стрелял в него майор Шульц.

Версия замполита не устраивала Вовка.

– Это может быть и сам Шульц! – проронил капитан. – Он из них – самый старший, а значит, и опытный. К тому же знает английский, а мы как раз ищем агента, связанного с британцами.

Слышавший рассуждения офицеров, точку в вопросе неожиданно поставил Сверчок.

– Бернштайн – это Эльза! Гауптман пытался прикрыть её собой. – Все с недоумением обернулись на сидевшего у печи паренька, в задумчивости глядевшего на огонек пламени. – Я всё думал, зачем майору нужно было стрелять в меня. Потом понял, что он целился в Эльзу. Хотел ликвидировать секретного агента. Просто я оказался перед ней. И ещё один момент... – Юноша обернулся: – Она не радистка! У неё манеры аристократки...

Два часа спустя в Москву полетела последняя радиограмма: «Кутора опознана тчк Готова сотрудничать...».

Ощущение

Еда не имеет вкуса,
Снам не хватает смысла.
Можно сказать — грустно
Плетью душа повисла.
Можно сказать будни
Стали ещё серее.
Улицами безлюдье
Чувствуется острее.
Тайну теряет слово
Голос – на тон тише.
Города средь пустого
Я становлюсь лишней.

Не бойся

Этой девочке миллиарды лет,
Не бойся сдать её, путник.
В её памяти первый земной рассвет
И марсианское утро.

В её прошлом горят города,
Стираются в пыль планеты.
Она существовала, когда
Ещё ветром был ты....

Не бойся любить её, старик –
Она знает все твои мысли.
И будет плакать, когда твой миг
Наступит уйти из жизни.

МАРИНА
НОВИКОВСКАЯ

Поэзия

Не бойся смотреть в её глаза.
Она любит тебя просто, нежно.
Для неё ты – только слеза
В океане мёртвой надежды.

И по-прежнему в прошлом горят города,
Поглощают их в небыль огонь и вода.

Дом остановившихся часов

Здесь сотни мыслей растворились в стенах,
Здесь тишина, понятная без слов.
Здесь жил кусочек маленькой вселенной,
Здесь дом остановившихся часов.

Кровать, трюмо, две тумбочки, гитара,
Хромой – без ножки – деревянный стул.
И смотрит человек седой устало
С картины перечеркнутой крестом.

Здесь тысячи желаний не сбывались,
Здесь вдохновенья не умолкший зов.
Сюда зайдя, мгновения остались,
Здесь дом остановившихся часов.

Диалог с памятью

Я в диалоге с памятью опять –
Пытаюсь воскресить слова и жесты
Тех, для кого могла бы время вспять
Поворотить. Но нет им ныне места

В реальности, где гаснут миражи,
Рожденные больным воображением,
В реальности, где кто-то прожил жизнь,
С надеждой на слепые совпадения.

И этот кто-то после, скинув плоть,
Стоит, застыв, на мирной остановке,
Пытаясь шаткой мыслью расколоть
Растоптанные памятью осколки

Прижизненных иллюзий. Но, увы,
Растаптывать он будет снова, снова,
Когда в другую окунётся жизнь
Пустые миражи того, Другого.

Праведник

Он идёт огоньком во мраке,
Не боится он чёрной тени.
Гложут ноги его собаки —
Обезумевшие сомненья.

Он не знает, что будет дальше.
Только принципы твёрже камня.
Он не терпит ни лжи, ни фальши,
Его люди считают странным.

Не продаст он за злато совесть.
Не уступит красивым сказкам.
Его тайным считают слово,
Он не носит дурацких масок.

Светлый странник в тиши эпохи,
Где в зверей превратились люди,
Он отчаянно одинокий
Посреди палачей и судей.

Не найти ему здесь приюта.
И до смерти чуть-чуть осталось.
Превращается в солнце путник,
Чтобы миру не замерзало.

Я забрёл в свою давнюю осень,
В старый парк, где все тропки милы.
Где остывшее солнце наносит
Свой прощальный узор на стволы.

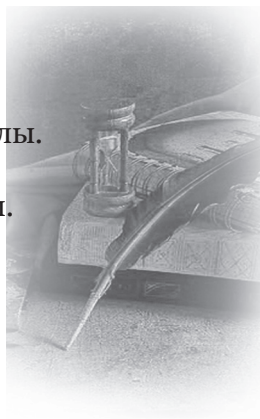
Где от вечера и до рассвета
Всё брожу, словно старый сатир...
Всё ищу безнадежно ответы
На вопросы, что вечны, как мир.

Ореол миражей и обмана
Замерцал в огоньках фонарей.
Это ночь под покровом тумана
Провожает меня до дверей...

Драпированы листьями клёна
Очертанья заветной скамьи.
Целовал здесь когда-то влюблённо
Я озябшие пальцы твои...

Обречённо поникли берёзы
Под незримою тяжестью лет.
Я бреду.
То ли дождь, то ли слёзы
На щеках осушает рассвет...

Он вернётся...

**СЕРГЕЙ
ГАМАЮНОВ-
ЧЕРКЕССКИЙ**

Поэзия

Заметелила, завьюжила зима,
Ни белил не пожалела, ни лазури:
Все дороги, все деревья и дома –
Словно пряники печатные в глазури.

Я смотрю в заиндевелое окно:
Склоны гор вокруг – драконов древних спины.
Треплет ветер снеговое полотно
И взбивает белопенные перины.

Там вдали, где в снежном мареве восток,
Ждёт негаданное маленькое счастье.
Там мой нежный, мой лазоревый цветок,
Что расцвёл среди забвенья и ненастья.

Там я снова и моложе, и добрей,
Там все тропки мне знакомы и пологи.
Обними меня, родная, обогрей!
И прости, что припозднил я в дороге...

Лёг туман на плечи тополей,
Сад в тумане,
Жизнь в тумане...
Ты меня люби, а не жалеи,
Жалостью ведь сердце не обманешь!
Лишь луна мерцает в вышине,
Да из окон

Свет, из окон.
Ты, родная, вспомни обо мне,
Мне сегодня очень одиноко.

И ещё так долго до утра –
Мне б забыться,
Мне б забыться!
Рядом ты была ещё вчера,
А сегодня будешь только сниться...

Страшна не смерть, а ожиданье смерти.
Грешна не жизнь, а ложь и суета.
На циферблате стрелка круг очертит,
Но так незрима времени черта...

Кто умирал – тот знает жизни цену.
Кто полюбил – тот знает счастья вкус.
Не говори, что ты простишь измену,
Пока её не пережил искус.

Мне от судьбы не нужно снисхожденья,
Пока крылам покорна высота.
Я рад, что есть сегодня вдохновенье.
Всё остальное – прах и маета.

Страшна не смерть, а неизбежность смерти.
Грешна не жизнь, а лишь никчёмность в ней,
Что иссушает, словно знойный ветер:
И есть вода, а жажда всё сильнее...

Пока живу – любовью полною чашу,
Пока люблю – ты в радость, жизнь моя.
«Чем больше пьёшь, тем жизнь милей и краше!» –
Так говорил любимый мной Хайям.

Крыша

Рассказ

1

К сожалению и к стыду своему, мы с братом редко навещали маму, оставив ее одну в станице. И не потому, что были черствы душой: нам обоим, жившим в своих городах, всегда было некогда, и какие бы блага мы ни обещали, она не хотела переезжать ни к одному из нас.

– Так будет лучше. Всем лучше, – говорила она.

Но каждый наш приезд в станицу был для неё праздником. По странному стечению обстоятельств получалось, что когда приезжал Николай, всегда лил затянувшийся дождь, и сквозь побитую во многих местах черепицу протекала вода. Они подставляли к месту протекания чашки, ведра и прочую посуду.

Однажды мой приезд совпал с приездом брата, и я решительно сказал: «Хватит. Давай скинемся, купим новой черепицы и накроем маме хату».

**АЛЕКСАНДР
МОСИЕНКО**

**Проза
Поэзия**

Коля не возражал. Купили. Привезли. Договорились о дне работы. Мастеров не приглашали - сами с усами, справимся.

Был ясный летний день. Ни облачка на небе. Всё располагало к проведению задуманного.

Хорошо позавтракав, мы приступили к работе. Коля подавал, а я по доске спускал вниз, мама принимала каждую черепицу и складывала её в штабеля. В общем, к полудню мы полностью раскрали крышу. Виднелись ребра стропил и реек, навевших грустные воспоминания о далекой войне, когда такие крыши были неизменной частью пейзажа.

После вкусного обеда мы с Колей продолжили нашу работу.

Я один, взяв две-три черепицы, поднимался по лестнице, подавал черепицу, которую брат укладывал соответственно стандарту. Занятие это было не из весёлых, но тем не менее мы торопились засветло уложить всё – и новую черепицу (основная часть), и старую.

Я не курю, а Коля не выдерживал больше сорока минут, чтобы не затянуться сигаретой. Теперь он всё чаще был у дымохода, на котором можно отдохнуть, а я начинал нервничать – надо же сегодня закончить. Но Коля всё настойчивее поговаривал о том, что утро вечера мудренее, что мы вполне управимся завтра. Сопротивляться было бесполезно: он – старший брат, а старших, как известно, надо слушать.

За ужином мы тяпнули по паре стаканчиков самогона – конвертируемая «валюта» мамы во все времена: в войну, после войны и в спокойное доперестроечное время, и вскоре заснули, каза-

лось, непробудным сном. Но спали недолго. Без каких-либо внешних воздействий проснулись одновременно. И заговорили впотьмах:

– Спишь?

– Нет, – ответил я.

– И я... А почему, не знаю. Может, атмосферное давление поднялось?

В два часа ночи, откуда ни возьмись, над станцией повисли грозовые тучи, раскатисто загредел гром, и дождь хлынул, как из ведра. Мы с Колей спали на той половине хаты, крыша которой была без черепицы.

История повторилась: все вместе мы едва успевали подставлять всякие ёмкости для текущей сверху воды. Это длилось с полчаса. Потом всё стихло. Мокрые и уставшие, мы успокоились, разложили матрасы и решили досыпать остаток ночи. Конечно, уже не спалось. Впотьмах мы упрекали друг друга за то, что вчера не довели дело до конца.

– Слушай, – пробубнил Коля, – эпизод с крышей мог бы стать темой хорошего рассказа. Само слово интересное – крыша. Крыша мира – Памир, крыша дома родного. Крышевание бандитской своры и его последствия...

– Да, но как ты свяжешь со всем этим наш эпизод? Здесь мелкотравчатость налицо, нет общественной зацепки. Просто частный случай.

В таком же духе наша дискуссия продолжалась ещё минут сорок, потом незаметно для себя мы замолчали и тихо заснули.

Когда утром сели завтракать, мама вела себя так, будто ничего не случилось и будто мы к ней только что приехали. Нам, великовозрастным сы-

новьям, было стыдно за вчерашнее. Поэтому сразу же после завтрака занялись крышей. И всё закончили с нею до обеда. Было ощущение, что мы наконец сделали что-то хорошее, чему должна быть похвала. Но нас никто не хвалил. Мы знали, что мама теперь не будет переживать в дождливую погоду о том, что и где ей подставлять, и этого было достаточно.

Мы вновь говорили о том, что в руках умелых этот факт все-таки мог бы стать темой добротного рассказа. Но потом пришли к однозначному выводу: а что тут такого? Протекала крыша. Много лет протекала. Женщина сама не могла решить эту проблему. И вот её взрослые сыновья наконец-то решили. И что с того? Где душевный поворот? Где переворот психики? Где животрепещущая проблема? А может, нет её вовсе? А раз нет проблемы, нет и рассказа...

Но через несколько лет жизнь преподнесла мне историю, где все это нарисовалось в полном объеме, и я тут же решил записать рассказ моего родственника, вернувшегося с Севера.

2

Фёдор приехал на Колыму вместе со своей женой и двумя детьми – Колей и Олей, трех и четырех лет.

Ему захотелось побыстрее заработать денег и купить себе нормальную квартиру в Пятигорске. Старожилы поселка в бухте Ногаева приняли Фёдора с его «хвостом» без распростертых объятий. Знали, что временный, за деньгами приехал, хотя зачем было брать с собой жену и детей? Поработать...

тал бы один, собрал что-то «до кучки». Но... ситуация. Жена сидела без работы, а дети растут. Их кормить одевать, обувать надо. Родителей с одной и с другой стороны не было. Поумирали, ничего не оставив. Квартиры ведомственные, казенные, за них тоже платить надо. А чем? Вот и решили завербоваться на два-три года. И вернуться в город с деньгами. Словом, они приехали в бухту Ногаева и незаметно растворились в общей массе населения.

Жене нашлась работа в детсаду. Нянечкой.

– А что – хорошо. И свои дети при мне, и питание бесплатное, и зарплата кое-какая. Побольше чем дома.

Смуцало одно: муж сильно тосковал по прежней работе. Слесарь-расточник высокого класса, он изготавливал на заводе самые точные детали для авиации, подводных лодок, космических кораблей. Продукция завода шла в восемнадцать стран мира. Его портрет висел на Аллее Славы. Перестройка всё перечеркнула. Завод искусственно обанкротился. Его приватизировали, поменяли профиль. Теперь он выпускал несколько сортов черепицы, блочный кирпич длястроек – найдено поблизости сверхдешёвое сырьё, стало возможным «из ничего» делать деньги. Квалифицированные специалисты с завода ушли. Набрали новых, на кирпичном уровне, и дело пошло. При весьма скромной зарплате, без перспективы получить квартиру. Фёдору было стыдно опускаться «до кирпичей», и он рассчитался в отделе кадров. Никто его не упрасивал остаться на пере-профилированном заводе. Много чести. А самое печальное, даже оскорбительное, – здесь было

то, что собственником завода непонятно с какого бодуна, с каких денег, стал племянник бывшего директора Кривоножко, которого до того бросали из отдела в отдел, желая избавиться от балласта, профнепригодной личности. Это было оскорблением для всех спецов-виртуозов своего дела. В том числе и для Фёдора.

По природе Фёдор был не особо разговорчив, а тут совершенно в другой среде как-то потерялся. Понял как ему показалось, что он здесь чужой, хотя ходил на работу исправно. Не выпивал. И все видели – не сачок.

Как раз начиналась путина. Рыба, как сбесилась, перла сплошным потоком, словно широкая транспортёрная лента. Тёмно-серые спины лососей кишели, и эта масса устремлялась в устье реки на нерест. Была квота отлова и сроки его прекращения. Рыбаки торопились как можно скорее, как можно больше выловить рыбы. Фёдор работал на сортировке. Целый день в резиновых бахилах до пояса он стоял в воде загона, хватал рыбины и бросал их в разные емкости: самые крупные, средние, и – поменьше.

Когда улов был сдан на склад в холодильники, дежурный бригады по традиции в специально оборудованном месте затевал уху на тагане, стоявшем неподалеку. Большой черный котел кипел, распространяя неповторимый аромат. Мужики усаживались вокруг, шутили, травили анекдоты и, казалось, не торопились возвращаться в свои семьи – всему свой черед. На небольшом, узком, сколоченном из досок столе, рядом с таганом,

появлялись две-три бутылки разведенного спирта, баллон пива («водка без пива – испорченный продукт»), пара буханок хлеба и чашки с дымящейся ухой.

Тамада – бригадир Павел Антонович – наливал по несколько булек спирта в подставленные рыбаками пластмассовые стаканы и произносил краткий тост:

– Будем!

И это звучало, как «бум».

Фёдор, уложив в хозяйственную сумку ещё трепыхавшую рыбину, снял перчатки и сам удивился: даже в сумерках было видно, как сморщились от воды его пальцы. Тамада остановил его:

– А ты, Фёдор, что – не с нами?

– Да нет, – ответил тот. – Домой надо. Я ухи обещал.

– А-а... Раз обещал, тогда иди, – с ухмылкой произнес тамада.

– Ну для начала мог бы ушицы с общего котла, – добавил кто-то.

– И стопарик для сугреву.

– Не пью, – со скрытым раздражением ответил Фёдор.

– Большой что ли? – хохотнул какой-то рыбак.

– Чё вы пристали к мужику? Ему к жене надо.

Раздался общий хохот. Фёдор вскинул сумку с рыбиной на плечо и с обидой ответил:

– Да, надо... Я пошёл. До завтра.

Эти слова ему было нелегко произнести, но он их произнёс. И молча побрёл домой.

Фёдор видел, что в бригаде все хорошие люди. Они здесь давно, прижились и не собираются бе-

жать отсюда. Может, ближе к пенсии захочется слинять «на юга». Да нет же. Вон бригадир – уже пенсионер, укоренился здесь, похоже, навсегда. Сам трудяга и любит таких же. Все они как на подбор – что работать, что гулять, и друг за друга – горой. Но всё равно пока они для него чужие. Чувствуя это, он не знал, как сблизиться с ними. Без этого придется раньше времени уезжать во-свояси. А стоило ли огород городить, в такую даль тащиться?

Он жил с семьей в домике, предназначенном для временных рабочих, которые приезжали сюда с тою же целью, что и Фёдор. Домик этот неплохой: две комнаты, кухня, прихожая. Рядом небольшой дворик. Жить можно. Вода, правда, невкусная. Придётся привыкать.

Жена, как всегда, встретила его ласково:

– Мой руки, Феденька, и будем ужинать.

Фёдор, поцеловав ее, достал из сумки большую рыбину и весело сказал:

– Сейчас я вам приготовлю настоящую уху.

– Уха, уха! – затараторили ребята.

...Вскоре Алевтина разливала по тарелкам наваристую уху, восхищаясь мастерством мужа, приготовившего такое вкусное блюдо, а дети хлебали уху, приговаривая:

– Аж за ушами трещит.

– Да, мамочка трещит. Спасибо папке. За лося.

– Не за лося, а за лосося, – поправила братика Оля. Она уже кое-что понимала в рыбацких выражениях.

Уложив детей спать, Фёдор и Алевтина ещё долго делились впечатлениями прошедшего дня. У неё всё шло ладно. И родители, и дети в детском

саду успели оценить её мягкий характер, доброе отношение ко всем ребятам, умение находить взаимопонимание со взрослыми.

У него же не совсем было всё гладко, но он не хотел делиться своими огорчениями, надеясь побыстрее сойтись с бригадой.

– Всё в порядке, – только и сказал он, глядя в обеспокоенные глаза жены. – Правда, в порядке.

3

Прошёл месяц их пребывания в поселке. И Фёдор, и Алевтина совсем освоились, как говорится, адаптировались к среде. Оба они не кичились своим городским происхождением, не отделяли себя от других. Даже побывали на дне рождения одного из рыбаков бригады, нивха по национальности. Но с русским именем Алёша. К нему они добрались вместе с детьми – Колей и Олей. У именинника было аж четверо своих детей, им тоже нужен был праздник.

Гуляли в чуме, украшенном коврами, шкурами оленей, цветными лентами, фонариками. Фёдору особенно понравился портрет, сделанный хозяином, – Александр Невский в доспехах. Не нарисованный, а собранный из рыбьей чешуи. Блестящ, привлекателен. Олицетворение мужества. Это вполне могло бы экспонироваться в Третьяковской галерее как шедевр народного творчества. Но нивх Алёша довольствовался тем, что портрет украшал его чум и говорил о даровании рыбака.

Когда Фёдор и Алевтина вернулись домой, они были в хорошем настроении и, кажется, поняли, что проживут здесь... не три, а четыре года.

Дети были в восторге от дня рождения. А им понравился чум: здесь внутри горел очаг и готовилась вся еда – и оленина, и рыбные блюда, и многое другое. А какие красивые танцы были. Никак не забыть их!

Стоял август. Первый выходной за весь месяц. Надо было как-то развлечься, а тут рыбаки собрались в дальний чум – проведать приболевшего ветерана. И Фёдор поехал с ними. Старик уже не работал, но был в почёте и уважении. Оставалась его былая слава мастера отлова самых матёрых рыб. Это была слава коренного помора. Её, славу, берегли, дорожили ею.

Ветеран устроил хороший приём гостям. Ему, Алитету, не было стыдно за угощения. И гости были довольны всем: и тем, что не забыли старшего, и его приёмом. И Фёдор впервые был на одной волне с рыбаками. Домой он возвращался в самом бодром расположении духа. Впервые почувствовал близость тех, с кем работал.

Но, подъезжая к посёлку, он увидел нечто необычное: на единственной улице было слишком много народу, и там, где ещё утром стоял его домик, торчали обгорелые балки, которые ещё слегка дымились. Его домик начисто сгорел. Первое, что он успел подумать, было: а дети? А жена? И тут же на сердце отлегло: среди людей уже с пустыми вёдрами (видно, тушили пожар сообща) на матраце, положенном на перевёрнутую вверх дном рассохшуюся лодку, сидела обезумевшая Алевтина с прилипшими к ней детьми. Все трое навзрыд плакали. Но Фёдор был рад: живы. Все живы!

Что же случилось? Алевтина ненадолго ушла в гости к подруге, жене бригадира. А дети остались одни. Оля была за старшую. Играть в обычные игры им надоело, и они решили устроить такой же очаг, какой видели в чуме Алитета. Из-под плитки набрали сухих дровишек и разложили костёр, а когда всё вокруг загорелось, спрятались под кроватью, куда огонь ещё не попадал. Домик сборный, деревянный и вспыхнул как свечка. К счастью, в посёлок на мотоцикле приезжал нивх Алёша за лекарствами для друга-ветерана и первым увидел пожар. Поднял людей на ноги, не дожидаясь приезда пожарной. Все знали, что горит домик с «новенькими». И, как могли, стали тушить огонь. Изнутри раздавался детский крик. Но дверь оказалась заперта. Оля закрыла ее на крючок, а открыть не хватало смелости, да и огонь поджигал, было трудно дышать. Нивх Алёша сумел выломать дверь и вытащить детей на воздух. Вскоре прибежала Алевтина, дети ревели. Старшая повторяла одну и ту же фразу: «Мамочка, я не хотела. Оно само загорелось». Алевтина усадила их на вынесенный кем-то из горящего домика матрац, обняла их, и заголосила вместе с детьми. В таком состоянии их и увидел Фёдор. Он бросился к ним. Да. Живы. Слава Богу. Это главное. Остальное преходящее.

– Ну, не плачь ты, – успокаивал он жену. – До зимы ещё далеко. Успеем до холодов домой вернуться.

– Куда вернуться? Кому мы там нужны? – причитала Алевтина. – Кто нас там ждёт, Федя?

Рядом с ними оказался бригадир Павел Антонович. Он слегка похлопал Алевтину по плечу:

– Не горюй. Мы все нужные люди. Друг другу нужные. Так что не плачь, Владимировна. Случилась беда. Но кто из нас от нее застрахован? В общем, всей семьей, Фёдор, слышишь? Всей семьей идите в клуб, там перекантуетесь, а дальше – утро вечера мудренее. Мы с вами. В беде не бросим.

На другой день была укомплектована строительная бригада из пяти человек. Тяжело отрывать людей от бригады. Каждый человек – на вес золота. Но надо помочь. И это главное. Съездили в районный центр, выбрали разборный домик, нашли транспорт, дополнительные материалы, и уже через день в посёлке застучали топоры, молотки, засвистели пилы, и на вновь залитом фундаменте стал подниматься симпатичный жилой домик. Для наших погорельцев. А в первой декаде октября на новенькой крыше уже развевался флаг Российской Федерации.

– Флаг-то зачем? – недоуменно спросил бригадира Фёдор.

– А чтоб все знали – страна у нас такая живучая. А мы в ней хозяева, – серьёзно ответил тот. – Во все времена хозяева. Не олигархи, не вожди, а мы.

И весело рассмеялся. Фёдор хотел было возразить: мол, флаг здесь, на краю света, это что-то вроде бутафории.

Но стоявший рядом нивх Алёша выразился по-другому:

– Красивый флаг. Далеко видно. И жильцы под ним очень хорошие.

– Да ладно, Лёха. Не надо так... Спасибо тебе за детей. И всем – спасибо.

К домику пришёл весь посёлок. Привезли новую мебель, купленную на деньги сельчан, посуду и даже телевизор «Самсунг». Это был праздник для Фёдора и его семьи. Им купили всё, с чего начинается молодая семья. Праздник, который не мог присниться. Праздник единения душ и радость от того, что личная беда слабее человеческой солидарности. И что самое приятное на этой земле, – когда у тебя есть крыша над головой. Особенно такая.

Март–апрель 2011

Философские этюды

Река времён бушует, не смолкая.
Нам не дано её остановить –
Века в неё, как ручейки, стекают,
Чтоб всё живое оставалось жить.

Садясь в седло, не думай о награде,
Что ждёт тебя порой в конце пути,
Но твёрдо знай: какого дела ради
Скакун обязан всадника везти.

С цветами, знаю, в мире веселей,
С цветами человечество окрепло,
Но были «цветоводы» на земле,
Что удобряли розы человеческим пеплом...

Опадают листья, опадают...
Увядают души. Увядают.
Пропадают годы, пропадают.
А снега опять весною тают.

Живём не только для того, чтоб жить.
Живём затем, чтоб горячо любить,
Детей растить, дела хорошие вершить,
Всегда хранить времён связующую нить.

Стучат часы. По кругу стрелка ходит,
А время каждого из нас в небытие уводит.
Хвала тому, кто может вовремя уйти,
Чтоб не остаться пугалом на огороде.

Земля осенняя вся в золоте листвы,
Хоть нищета повсюду выпирает,
Но мы богаче богачей – и я, и вы,
Пока способны любоваться отчим краем.

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Якорей не бросать

После распада Советского Союза российское общество оказалось странно равнодушным к той плеяде по-настоящему талантливых людей, которой могло бы заслуженно гордиться. И где они теперь?

Одни ушли из жизни в забвении и нищете, другие рассеялись по миру и трудятся в интересах тех стран, которые их оценили. Это лишний раз доказывает, что если Ганг течёт по серебряному руслу, то река русской мысли течёт по золотому, на котором, что ни отмель, что ни перекат, – россыпь самородков: учёных, поэтов, художников.

В ставропольской поэзии к таким самородкам смело можно отнести Владимира Григорьевича Гнеушева, знакомством и общением с которым я обязан самой жизни. Чем дольше живу, тем больше понимаю, что наша встреча была определена той самой логикой людских взаи-

ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ

мосвязей, которая зовётся промыслительной, как промыслительны бывают Божий дар и поэтическое творчество, понимаемые мною, как страсть и долг, служение и подвиг, личный грех и покаяние, и нескончаемая исповедь.

Вне этой логики нет и судьбы поэта, которую, как и талант, из рукава не вытряхнешь.

Мудрые люди учат: «Не берегите своё сердце от любви, не экономьте на этом святом чувстве». Поэт Владимир Гнеушев был в этом смысле человеком расточительным, отраднo щедрым.

В самом деле, не будь он таковым, вряд ли я приступил бы к своим воспоминаниям, желая если не воскресить образ поэта, то хотя бы добавить несколько житейских черт и бытовых деталей к тому «автопортрету», каким является всё его творчество.

В своё время гениальный М.А. Шолохов писал: «Говорить об отдельном писателе – это значит говорить о литературе: так мы все связаны и преемственностью художественного мышления, и литературными традициями. Мы, писатели, являем собой как бы единую цепь, состоящую из отдельных звеньев».

Прекрасный образ! Ничуть не потускневший со временем и не утративший своей вдохновляющей силы. Именно он окончательнo подвинул меня к написанию воспоминаний о В.Г. Гнеушеве, с которым я был связан и любовью к нашей «малой» сельской родине с её прикалаусской степью, и художественным восприятием мира, и литературной традицией. Тем более, что моё знакомство с Владимиром Григорьевичем и наше с ним общение длилось не менее сорока лет, если не больше.

Я не могу сказать, что виделся с ним часто, но ведь известно: что видим редко, то и впечатляет.

Это преамбула, а теперь, как говорится, по порядку.

В апреле 1969 года в институтской многотиражке «За медицинские кадры» было опубликовано моё стихотворение «Студенческие страдания».

Ответственный секретарь газеты Ольга Юрьевна Юлиш, работавшая до этого в газете «Ставропольская правда», в типографии которой печаталась и наши «кадры», поздравила меня с первой публикацией и сочла нужным сообщить:

«Олег, когда верстался номер, я попросила поэта Владимира Гнеушева, находившегося в это время в типографии, прочесть ваши стихи. Он прочёл, похвалил и сказал: "Передайте этому парню, что ему надо писать"».

Я был обрадован не столько лестным отзывом поэта, сколько тем уважением и даже пиететом, с каким Ольга Юрьевна произнесла его имя.

«Владимир Гнеушев. Надо почитать его стихи», – решил я про себя и в тот же день отправился в библиотеку. Весь казус заключался в том, что я, довольствуясь классической литературой, совершенно не подозревал о существовании ставропольской. Для меня она была «землёй неведомой».

В алфавитном каталоге я нашёл нужную мне фамилию, выписал те книги В.Гнеушева, которые имелись в библиотечном фонде? и с чувством первооткрывателя приступил к чтению.

Это были первые сборники поэта «Якорей не бросать!», «Синяя птица», «Если ты не забудешь» и «Лирика», выпущенная Ставропольским книжным издательством в 1966 году с предисловием

Р. Рождественского, имя которого мне в ту пору ни о чём не говорило.

Прежде всего, я прочёл биографическую справку. «Владимир Григорьевич Гнеушев родился в 1927 году в селе Кевсала Ипатовского района Ставропольского края...»

«Удивительное совпадение, – подумал я. – Гнеушев родился в Кевсале, а это же родной Ипатовский район, где в селе Крестьянском проживают мои бабушка и дедушка; от них до Кевсалы – рукой подать».

И мне как-то по-родственному хорошо стало воспринимать стихи поэта.

Их словесный рисунок был настолько чётко и мастерски выполнен, не говоря уже об эмоциональной и смысловой наполненности стихов, что я радостно подумал: «Если поэт столь высокого уровня сказал, что мне надо писать, значит, во мне «что-то» есть? И он это «что-то» увидел?»

Сейчас, вспоминая критические отзывы на сборники стихов Гнеушева, никак нельзя сказать о том, что его «продукция» вызывала в своё время только похвалу. И в этом нет ничего удивительного. Стихи, так или иначе отмеченные злободневностью, всегда имеют разночтения. Это, можно сказать, непреложное правило. Опыт «изящной словесности» показывает: чем искуснее написано стихотворение, чем меньше в нём того, что называют «духом времени», тем беспомощнее тот, кто вознамерился его критиковать.

И всё же лучшие стихотворения Гнеушева были так ловко и крепко «сколочены», что невозможно было не почувствовать внутренней силы поэта, способного, как бы на большее, но, в силу жёсткой

идеологической цензуры тех лет, не делающий этого.

Однажды, летним вечером того же 1969 года, после сдачи очередного экзамена в мединституте, я прогуливался по Центральному парку Ставрополя, чьи вековые дубы по уверению краеведов, помнили не только генерала Ермолова и князя Барятинского, но и Пушкина, и Лермонтова, которые посещали Город Креста, следуя в действующую армию или на Кавказские минеральные воды. Остановился около Летнего лектория и прочёл афишу: «Сегодня в 18.30 состоится встреча с писателем В. Гнеушевым, автором книги «Тайна Марухского ледника».

Сам Гнеушев уже беседовал с аудиторией.

Сердце моё, разумеется, ёкнуло. Возможность увидеть поэта, послушать его, пусть не стихи, а журналистскую прозу, показалась мне столь неожиданной и оттого волнующей, что я присел на заднюю скамью и постарался рассмотреть того, кто два месяца тому назад одобрил мои стихи.

В жизни Владимир Григорьевич оказался точно таким же, как и на фотографиях, виденных мною. Та же мальчишеская чёлка с её косым зачёсом, тот же гнеушевский прищур. Тогда я и запомнил на всю жизнь тембр его голоса, манеру говорить с лёгкой усмешкой. Он как бы до конца не мог поверить в то, что он, бывший безпризорник, стал публичным человеком, что время от времени ему приходится встречаться со своими читателями или же с теми, кто неравнодушен к писательскому слову.

Следуя моде тех лет, Гнеушев был в сером твидовом пиджаке. Белая сорочка хорошо сочеталась с галстуком тёмно-синего цвета.

Было ему тогда сорок два года. Возраст зрелости.

Говорил он с приятной простотой.

– Горные перевалы Северного Кавказа, ведущие к Черноморскому побережью Абхазии, были оставлены практически без обороны. На их защиту спешно бросили необученных и плохо экипированных курсантов сухумского училища НКВД, в то время как против них действовали хорошо обученные горные стрелки дивизии «Эдельвейс», многие из которых в тридцатые годы побывали и в Домбае, и в Приэльбрусье. Враги знали не то что каждую тропку, а каждый камень, каждый куст. На стороне гитлеровцев воевали итальянцы и румыны, также имевшие солидный опыт ведения боёв в горах.

Далее Гнеушев рассказал, что наши бойцы, обу-тые в бумажные американские ботинки, от которых после месяца нóски оставались жалкие ошмётки, буквально вмерзали в лёд, защищая перевалы, сдача которых фашистам якобы входила в планы Берии. Дескать, будучи «английским шпионом», Лаврентий Павлович мечтал стать царём Грузии.

Такова была официальная точка зрения.

По окончании беседы, когда Гнеушев направился к выходу из парка, я обратился к нему с глупым вопросом: «Владимир Григорьевич, как вы относитесь к творчеству Вознесенского?»

Дело в том, что «Треугольную грушу» этого пиита либеральная критика тех лет именовала не иначе, как «новым словом» в поэзии. Для меня подобная оценка являлась и соблазном, и ересью одновременно. Я с детства любил Пушкина

и Гоголя, понимал гениальность Есенина, а тут... какие-то эксперименты: и с русским языком, и с побуквенной разбивкой слов, и с надуманными образами. Что-то эдакое, вверх тормашками.

Гнеушев выдержал паузу и уклончиво ответил.
– Андрей интересно работает.

Я не представился тогда Владимиру Григорьевичу хотя мы говорили с ним не менее, наверное, получаса – то о Рождественском, то о Евтушенко, бывшем тогда в зените всесоюзной славы. Не представился и не осмелился сказать, что я тот самый студент мединститута, чьи стихи он одобрил.

Уже дома я вдруг осознал, что Владимир Григорьевич Гнеушев – первый живой поэт, которого я видел и с которым имел честь беседовать.

Позже Гнеушев сказал мне, что первую свою книжку стихов «В дальних морях» он выпустил в 1954 году в ленинградском отделении «Детгиза», будучи студентом Литинститута.

С годами я понял, что Владимир Григорьевич, как человек мудрый и опытный, принимал существующий в стране порядок, хотя и видел недочёты власти.

По мере моего взросления и вхождения в литературу я неожиданно заметил, что с другими поэтами мы чаще говорили о поэзии, а с Владимиром Григорьевичем – о жизни.

Он – поэт пушкинской школы, державинской выучки. Он традиционалист. А для русской поэзии, будь это духовные стихи или же лирическая миниатюра, наиболее традиционными являются совесть, искренность и человеколюбие.

Всё это присуще стихам Гнеушева.

А ещё он государственный с ярко выраженной волей к жизни, которая, должно быть, и есть мужество, иначе – доблесть духа. Видимо, поэтому его стихи отличаются завидной цельностью. Он почти не подвержен влиянию других поэтов. В этом смысле Владимир Григорьевич – «крепкий орешек».

Читательскому сердцу всегда хочется знать: что воодушевляет поэта? Самолюбие, самооправдание или самоукорение?

Во время чтения ранних стихов Гнеушева у меня складывалось впечатление, что по молодости лет он вёл себя, словно моряк, отпущенный на берег после плаванья. Вот, мол, отдохну чуток, приду в себя после штормов и долгих вахт и опять завьюсь верёвочкой – только меня и видели. По мере нашего знакомства, я узнал, что и в пору своей зрелости, когда брала тоска за горло и к сердцу подступала муть житейских передрыг, он уходил в море.

По всей вероятности, капитан первого ранга Тимур Гайдар, заведовавший отделом военной литературы в газете «Правда», не отказывал бывшему морскому офицеру в его просьбе вспомнить матросскую молодость или побывать на атомной подлодке.

Тогда появлялись в печати новые стихи и фотографии поэта в морской форме.

Такие попытки вернуться в молодость по-человечески понятны. Детства у поэта практически не было, а если и было, то не такое, куда всё чаще хочется вернуться. Но молодость была! Причём какая – боевая! Полная романтики и риска, надежд, влюблённостей и самых дерзостных мечтаний, определивших для поэта круг излюбленных тем:

дружбы, верности, любви, служебного долга, войны и мира, гражданской смелости и трусости.

Помню его в Ставрополе за рулём новенькой «Волги», ГАЗ-24, тёмно-зелёного – «бутылочного» цвета. Это был фурор!

В семидесятые годы прошлого века оказаться владельцем такого лимузина – это всё равно что сейчас подкатить к дому на «Бентли» или же «Роллс-Ройсе» ручной сборки.

Господь даровал Владимиру Григорьевичу долгую яркую жизнь. Его первоначальные семь лет службы на море оказались той доброй закваской, без которой последующие годы творчества вряд ли были бы столь плодотворными.

Правда, я нигде не нашёл сведений о том, каким образом матрос Гнеушев, служивший на кораблях Балтийского флота, дослужился до лейтенантского звания? О своей учёбе на офицерских курсах Владимир Григорьевич никогда не говорил. А вот о том, что очень многим в своей жизни он обязан замечательному человеку и писателю Виталию Бианки, в семье которого одно время жил, когда учился в Ленинграде, в школе рабочей молодёжи, упоминал не раз.

Получив аттестат зрелости с «весьма большой натяжкой», Гнеушев поступил в Литинститут, который и окончил в 1955 году. Одним из его однокурсников был Евгений Евтушенко. Курсом младше учился Роберт Рождественский, с которым Гнеушев быстро сдружился.

Я склонен думать, что, поступив в Литинститут в возрасте 24 лет, он уже имел свой поэтический голос, просто годы учёбы придали ему особенную звучность и узнаваемость. И тут надо сказать,

что становление поэта, его саморазвитие всегда строго логичны, даже при внешней сумбурности жизни или откровенной слабости его первых стихотворных опытов. Это так же верно, как и то, что не могут быть все тексты совершенными, как не могут быть таланты одинаковыми по величине и своему воздействию на тех, кто берётся их оценивать.

И ещё. Воспитанность в русском понимании – это умение человека слышать голос совести в себе, способность сострадать другим. Так вот, Владимир Григорьевич Гнеушев был хорошо воспитан. И это удивляло меня, помнящего о его далеко не безоблачном детстве и отрочестве. Точно так же, как я удивлялся тому, что он не курит. В самом деле, Гнеушев и голодал, и беспризорничал, и кочевал по детдомам, и в колхозе работал, и повоевать успел, и на флоте служил, и не пристрастился к табаку. Да и потом: Литинститут, «общага», всевозможные застолья... Я уже писал, что на момент нашего знакомства Владимиру Григорьевичу было сорок два года. Вполне возможно, что к этому времени он осознал пагубность курения и отказался от дурной привычки. Если так, то это говорит о силе воли и немалой.

Гнеушев не уставал повторять, что Виталий Валентинович Бианки, замечательный русский писатель и не менее прекрасный человек, заменил ему отца. Может быть, поэтому, общаясь с Владимиром Григорьевичем, я постоянно отмечал и его добродушие, и простоту, и деликатность.

Воспитанность.

Нет, он не был душой нараспашку, этаким рубахой-парнем.

Он был взыскателен и к людям, и к себе. Прежде всего, к себе. Прекрасная черта характера. Меньше требовать, но больше отдавать.

Судя по его стихам, он редко путал лёгкость мысли с лёгкостью строки. Другое дело, что та лёгкость, с которой он рифмовал, приводила порой к многословию, но в основном он предстаёт перед читателем умным и серьёзным собеседником. Гнеушев мог быть ироничным, но скептицизмом не страдал. Любил порассуждать в стихах, но отнести его к поэтам «тютчевской плеяды» я бы не рискнул. Впрочем, поэту не обязательно быть философом. Достаточно обладать чутким сердцем. Об этом хорошо сказал Рубцов: «Я чуток, как поэт, бессилён, как философ».

Воспринимая творчество как средство познания себя, Владимир Григорьевич выработал ясность цели, которая во многом и определила ясность его духа.

В шестидесятые годы он отдал дань входившему в моду верлибру.

Мне представляется крайне вульгарной и несправедливой попытка некоторых критиков свести всё творчество того или иного поэта к какой-нибудь удачной словесной конструкции или же парадоксально выраженной мысли. Поэзия всегда и шире, и многограннее любого обобщения, пусть даже и вполне эффектного. Другими словами, ошибка многих критиков заключается ещё и в том, что они требуют от поэзии излишней яркости, в то время как при свечном огарке иной раз лучше постигаешь смысл жизни, тайну бытия, нежели в слепящих, вышибающих слезу лучах телевизионных софитов. Поэтому я не берусь утверж-

дать, что гражданскую лирику Гнеушева можно свести к двум его поэтическим строчкам:

Будет Родине легче –
Будет легче и мне.

Хотя соблазн, согласитесь, велик. Это заклина-тельно-ёмкое, едва ли не молитвенное откровение во многом перекликается с утверждением Евг. Евтушенко.

Если будет Россия,
Значит, буду и я.

Во все эпохи, во все времена поэты, как птицы в осенней дали, перекликаются друг с другом.

Не зря Сергей Есенин советовал молодому ли-тератору: «Ищи Родину. Во что бы то ни стало, ищи Родину. Нашёл – пан, не нашёл – всё псу под хвост!»

Родина – не просто слово, не просто живая материя, это целая Вселенная, где её невидимая часть – идеальная субстанция, если можно так вы-разиться, – значит для поэта много больше, неже-ли видимая.

Любовь к Родине – доброе дело. Следова-тельно, Богоугодное. Нельзя любить Родину, не любя родителей, братьев и сестёр, веру отцов и всего того, что составляет её красоту, переполняющую наше сердце благодарением Господу за всё, что даровано нам в этой жизни. За Его уроки мира и любви, покоя и сердечного волнения, за саму воз-можность иметь Родину. И если поэт искал славы, чести и бессмертия в любви к ней, ужели он оста-

нется безвестным и всеми забытым? Не верю. Всё сохранится в памяти народной. Мифы, легенды, пословицы, сказки и стихотворные строки, хотя бы вот эти, предварявшие сборник В. Гнеушева «Последний автобус».

Знающий верность, любовь и потери,
в шумных пророчествах не знаменит,
я, как в последнюю истину, верю:
слабый – ударит, а сильный – простит.

Замечательная музыкальность и прописанность строфы. Слова звучат возвышенно, легко, афористично. Красиво, ёмко, памятно. А красота не есть ли форма истины?

Да, что бы там ни говорили о забытости поэта, память крепче нашей брэнной плоти.

Стихи Владимира Григорьевича – это зримая предметность, осязаемая упругость строки и лёгкая, естественная рифма, работающая на основную мысль стихотворения так, чтобы ничто не отвлекало от её восприятия. И всё же не это характеризует поэта как реалиста. Реалист – это не тот, кто воспекает лишь видимое, это ещё и тот, кто помнит о невидимом. О чести, совести, любви. О божественном устройстве мира. О чудотворной тайне бытия. Реалист похож на астронома, который, наблюдая звёзды, подразумевает существование иных галактик, скрытых от нашего взора.

Я думаю, что любому человеку, который читал книги Гнеушева, выходявшие с завидной регулярностью, порою по две, а то и по три в год (в краевом и столичных издательствах), сразу становилось ясно, что поэт и журналист Владимир Гнеушев не

только талантлив, трудолюбив, но и достаточно востребован. Его внутренний редактор строг и зорок. Душевный камертон настроен на гармонию.

Уже в силу этих обстоятельств поэта нельзя причислить к натурам вздорным и противоречивым. Это вряд ли у кого получится. Но и гладкими, плоскими, словно доска из-под фуганка, его стихи не выглядят. Есть в них известная эмоциональная задоринка и смысловая шероховатость, те самые корявинки и загогулины, что делают стихи живыми, взятыми из гущи бытия.

Его лирический герой – равнодушный человек, вдумчивый, во многом понятный и оттого, разумеется, близкий. Он хорошо фиксирует приметы времени, и редко задаёт вопросы. Ему как бы всё ясно. Отсюда некое нравоучительство, но, выраженное тонко, поэтично, оно воспринимается легко, без раздражения. И это доставляет радость. А не главное ли это дело – доставлять людям радость в их нелёгкой, переполненной скорбями жизни?

Критика привыкла говорить о чувствах, образах и мыслях, которыми поэт желает поделиться со своим читателем, но очень скупю, бегло, неохотно говорит о том, какой отзвук в сердце человека породил поэтический звук?

Всё в мире держится на этой вечной связи – возгласа и отклика.

Наша русская поэзия настолько богата, что остаться в ней и в памяти потомков хотя бы одной строчкой – уже величайшая радость.

У Владимира Гнеушева такая строчка есть.

Мы не актёры – мы шаги за сценой.

Евгений Евтушенко назвал её символом поколения шестидесятников: «Это гениальная строка... множество раз цитировалась, повторялась устно и оказалась своего рода манифестом времени».

И вот судьба распорядилась таким образом, что я имел счастливую возможность общаться на протяжении десятков лет с подлинно большим русским поэтом.

В апреле 1976 года, по окончании семинара творческой молодёжи края, в секции поэзии которого была обсуждена и рекомендована к изданию рукопись моей первой стихотворной книжки, Владимир Григорьевич пригласил меня к себе.

Идя с ним по весеннему Ставрополю, я узнал, что в 1944 году он ушёл добровольцем на фронт и попал в войска НКВД.

– Мы вылавливали бандеровцев, зверствовавших на Украине, – пояснил Гнеушев, – а затем я стал военным моряком. Участвовал в морском десанте.

– Я ведь, старик, безотцовщина, – разговорился Гнеушев, видя мой интерес к нему. – Убегал из дома, беспризорничал. Воспитывался в той же колонии, что и Александр Матросов. По направлению НКВД поступил в Минераловодское железнодорожное училище, доучиться в котором не пришлось из-за стремительного наступления немцев. В 1942 году пробрался по занятой гитлеровцами территории в родную Кевсалу, где и пережил оккупацию. Работал в колхозе, освоил много специальностей. Работал на комбайновой волокуше, был конным вестовым. Жил на конюшне.

После того как наши войска погнали Южную группировку немецких войск на северо-запад, уе-

хал в Ставрополь, где устроился помощником слесаря на городской электростанции. Оттуда добровольцем ушёл в армию в 1944 году. Помня о том, что стихотворение «Летний день над Севастополем» Владимир Григорьевич посвятил Василию Аксёнову, я поинтересовался, что побудило его к этому?

Гнеушев охотно пояснил:

– В марте 1966 года мы с Аксёновым присоединились к участникам затеваемой на Красной площади акции протеста против предполагаемой реабилитации Сталина. Не успели мы «поручкаться» друг с другом, как нас окружили «дружинники» и повели на Лубянку, – повествовал он. – После серьёзных внушений всех отпустили, кроме меня, но Аксёнов остался. «Вы свободны», сказал ему сотрудник КГБ, но Василий прямо заявил: «Вы взяли нас вместе, вместе и отпустите».

– Отпустили?

– Как видишь, – ответил Гнеушев и, помолчав, добавил: – А Евтушенко так и не пришёл. В общем, Аксёнов повёл себя необычайно стойко.

Позже я подумал: «Аксёнов врач, и я врач. Может, ещё и в этом совпадении кроется причина доброго ко мне расположения Владимира Григорьевича? Да и Антон Павлович Чехов был врачом. А все те, кто воевал (Гнеушев сказал, что захватил три месяца войны), с особым пиететом относятся к врачам: война калечит, а врач лечит. Это не голословное утверждение. Я успел послужить в армии в должности старшего врача войсковой части и смог лично убедиться в этом. Видя медицинскую эмблему на петлицах моего мундира, старшие офицеры были всегда максимально корректны и

предельно вежливы со мной. Есть такое расхожее мнение, что артиллерия – бог войны. Но тот, кто воевал, кто участвовал в Великой Отечественной войне, самой кровопролитной за всю историю человечества, тот знает, что истинными «богами» были советские медики, возвращавшие раненых к жизни.

– Владимир Горигорьевич, а вы не знаете, что заставило Виктора Некрасова эмигрировать? – полюбопытствовал я, наивно полагая, что писателю, лауреату Сталинской премии, обласканному советской властью, нечего делать на Западе. Он ведь не Максимов, бывший беспризорник, и не Солженицын, жертва сталинских лагерей.

– А ты бы что сделал, когда у тебя арестовали весь писательский архив? – строго спросил Гнеушев.

Я пожал плечами:

– Как по мне, так нет горше участи, чем участь эмигранта. Тем паче для писателя. Оказаться на чужой земле, вне стихии русской речи, это же смерти подобно! Некрасову ведь лагерь не грозил, он сам принял решение уехать, и власть пошла ему навстречу, великодушно выдав загранпаспорт. И вообще, любовь к Родине и обстоятельства жизни – понятия не равнозначные. Все горести и беды лучше всё-таки претерпевать вместе со своим народом. Иначе крах судьбы, клеймо изгоя, отщепенца.

– Ты осуждаешь?

– Нет, я просто размышляю вслух. Лично я ни в какие «забугорные ценности» не верю и верить им не собираюсь.

Спустя десять лет, в 1987 году, когда на очередном писательском собрании меня приняли в Союз писателей и мы возвращались с ним в такси на Кавминводы. В той поездке я узнал, что М.С. Горбачёв «дал» Гнеушеву однокомнатную квартиру в Кисловодске, хотя он и имел жильё в Москве.

О чём мы говорили? Да о многом. Например, о том, что поэтов в первую очередь убивает погоня за выгодой. Талант нельзя эксплуатировать, тем более нещадно.

В самом деле, читая стихи Гнеушева, не чувствуешь принуждения к их написанию. А это говорит не только о высоком мастерстве, но и о способности поэта откликаться только на «своё», не пленяясь «чужим». Он не страдал всеядностью советских виршеплёттов, готовых день и ночь строчить стихи, лишь бы платили. Нет, строчкогоном он не был, хотя в газетах проработал много лет и, разумеется, приучен был к тому, что писание стихов – это ремесло. Высокое, но всё же ремесло.

Ещё мы сошлись в том, что поэтам нужно избегать кривых дорожек. И обладать сильным духом. Почему сильным? Да потому, что человек, воспринимающий неудачи, как конец жизни, поэтом никогда не станет. Он может подкупить читателя трагичным восприятием действительности, но не сумеет передать ему восторг и радость бытия. Борьба человека со своими слабостями даёт ему возможность спокойнее смотреть на неизбежные скорби. Да и вообще, ответственность поэта перед своим талантом – это ещё и обязанность по отношению к своим читателям, если помнить о том, что кто-то из них может стать его последователем, преемником в литературе.

Нет сомнения, что о подлинности таланта можно судить не только по высоте его полёта, но и по способности восстановить эту высоту после творческого срыва и вынужденной немоты.

– Лев Толстой не верил в талант, который не способен всё бросить и начать с нуля, – говорю я больше для себя, чем для Гнеушева, думая о том, что именно любовная лирика выполняет роль первой скрипки в том поэтическом оркестре, которым поэт руководит. Его лирические строки –

Я о тебе люблю воспоминанья
Сильней и чище, чем тебя любил.

– как нельзя лучше подтверждают это.

В семидесятые годы прошлого века в Советском Союзе процветала лакировочная литература выдуманных или навязших в зубах конфликтов. На книжных страницах шла непримиримая война вчерашнего с позавчерашним. Из стихов усиленно вымарывали «индивидуализм». Недреманно следили за тем, чтобы не было собственных мыслей. Их не допускали, ибо собственные мысли то и дело шли вразрез с «общепринятыми» и одобренными на очередном партийном съезде.

И вот тогда Владимир Гнеушев опубликовал стихотворение «Личное».

Это личное всё.
Но без этого памяти нет и традиции.

Очень серьёзный, можно сказать, мировоззренческий аргумент.

«За воздухом должна быть темнота, поэтому он кажется синим», – предположил Леонардо да Винчи, а мы говорим о том, что стихотворение мертво без внутреннего света.

Видимо, вспомнив своё вхождение в литературу и пребывание в ней, Владимир Григорьевич смотрит на меня и говорит:

– Старик, может что-то в стране и изменится в лучшую сторону, но такой славы, какую мы, «шестидесятники», имели, ваше поколение иметь не будет.

Я пожимаю плечами, дескать, что ж теперь поделаешь? Такова жизнь.

На какое-то время каждый из нас погружается в свои раздумья. Затем разговор возобновляется. Речь идёт о горбачёвской «перестройке».

– А кто губит государство? – ломлюсь я в широко раскрытые ворота, ещё не зная русского приговора: «Изба устоит, и государство не стронется».

– Безответственные болтуны, – горько усмехнулся Гнеушев.

Когда читаешь книгу умершего поэта, хорошо тебе знакомого по жизни, складывается впечатление, что он приветствует тебя, идя навстречу. И сразу вспоминаются слова китайского мыслителя Кун-цзы: «Друг, вернувшийся издалека, это ли не радость?»

Вот такой радостью для меня было перечитывание – в который раз! – поэтических книг В. Гнеушева: «Если ты не забудешь», «Последний автобус», «Меж двух морей», «Избранное» и «Сирень в провинциальном городке».

Восстанавливая в памяти многие забытые стихи, я сделал у себя в тетради вот какую запись: «Стоит подсолнух в огороде, шляпка большая, с виду тяжёлая, полная, а срежешь её, развернёшь и обнаружишь, что семечек не густо. Можно сказать, совсем нет. Если где и сохранились, так это по краям, где лепестки присохли, заскорузли, а серёдку выклевали птицы. Причём выклевали с толком, оставив мелкие, пустые семена. Вот так выглядит порою тот или иной поэтический сборник; вроде большой и по весу тяжёлый, а поэзии в нём – на один зуб. С гулькин нос или того меньше..»

К моей читательской радости, ни одну книгу поэта Владимира Гнеушева нельзя уподобить такому подсолнуху. А коли так, мне представляется возможным останавливать внимание читателя на тех стихотворениях, чьи строфы или строки характеризуют поэта как личность.

При этом, экономя печатную площадь, избегаю авторской разбивки.

Мы жили, как умели. Но – открыто.
Нисколько не завидуя тому,
Кто стал в Москве и в мире знаменитым,
Желая долгих плаваний ему.

Уже одни эти строки говорят о благородстве натуры и величине таланта В. Гнеушева, ибо всякий, кто пожил на свете, знает: чем мельче человек, тем крупнее его самолюбие и ненасытнее зависть к чужому успеху.

Поскольку поэт мыслит стихами, он ведёт серьёзный разговор о том, что тщеславие не может стать поэзией, так как оно не видит красоту, а ещё

он уверен, что творчество это ни что иное, как радость. А на виду оно или в тени, особого значения не имеет. В таком отношении к делу и кроется мудрость. Кстати, на сто седьмой странице книги «Сирень в провинциальном городке» опубликовано стихотворение, две заключительные строфы которого я привожу полностью.

Траты в нашей доле
Будут до скончанья.
Потому и в боли
Сохрани молчанье.

Ибо в мире строгом,
В ремесле глубоком,
Что даётся Богом,
То выходит боком.

Полагаю, речь идёт о том, что «за талант расплачиваться нужно», по выражению Ван-Гога. Расплачиваться, то бишь, спокойно воспринимать то, что «выходит боком», ибо и Христу копьём пробили рёбра, когда Он – Распятый – бессильно обвис на кресте. Можно терпеть и роптать, можно терпеть и не роптать; лучше, конечно, второе, так как оно ближе к стоянию в Истине, пребыванию в смирении и радости. В благодарении Бога за всё. Может быть, в силу этого знания поэт Владимир Гнеушев не любит и не терпит крайностей. Он словно знает, что они от сатаны, враждующего с нами. В поэзии он выбирает «золотую середину», идёт «царским путём». Ему было девятнадцать лет, когда он написал своё «программное», если так можно выразиться, стихотворение «Тишина»:

Можно умереть, чтобы свести знакомство с могильными червями, а можно умереть, чтобы воскреснуть и предстать перед святой Троицей.

Стихи Владимира Григорьевича, написанные им в последние годы, это в большинстве своём стихи большого русского поэта, немыслимого без сердечной тяги к Богу.

Я не был никогда самонадеян.
И верую среди рухнувших эпох,
Что если не справляется идея,
То дай нам Бог,
То дай нам, люди, Бог!

Всё так. Истинную картину мира видит лишь Господь. Он Творец нашей человеческой истории. Этот молитвенно-сердечный выплеск Владимира Григорьевича лучше всяких слов убеждает нас в том, что самой сильной стороной его таланта, его исконной сутью является, конечно, тяга к жизни, к её божественному Свету и Любви. В этом смысле он идеалист, а не идолопоклонник, каковыми являются все материалисты, ибо поклоняются «мёртвому божеству» – бессознательному, безличностному и бездушному.

Бывший фронтовик, морской десантник и лейтенант флота поэт Владимир Гнеушев, становясь на сторону добра, обращается к Богу, Творцу всего видимого и невидимого, что лучше всяких слов свидетельствует о нём, как о человеке разумном. Кто-то приходит к Богу, чтобы вечно стоять у подножия Его престола, а кто-то начинает к Нему восходить, совершая духовные подвиги. Но и те, и другие надеются на Его милость.

Сейчас я склонен думать, что и родители Владимира Григорьевича, и он сам были крещены по православному обряду, просто тогда об этом «не распространялись».

Всякое лирическое стихотворение – это сиротинка на приступочке: то ли заметят и возьмут в семью, то ли пройдут мимо, отведут глаза, сделают вид, что не заметили. По всей видимости, это происходит оттого, что исчезает понятие «большой литературы».

Вспоминается наша беседа с поэтом во время одной из встреч сразу после его очередного возвращения из Загедана, где у него была дача, а точнее – прибежище для уединённого творчества. Мы говорили о том, что чувство долга перед словом для настоящего поэта выше его земных долгов, ответственность за свой талант, за «искру Божью» делает второстепенною даже ответственность за свою жизнь.

А сейчас, в постсоветской России, мы сталкиваемся с парадоксом: в литературе, где так много великих имён, а ещё больше «мелких бесов», лучше всего быть в числе тех, кого в тридцатые годы минувшего века власти презрительно именовали «кустарями-одиночками». Сейчас на первый план выходят именно они, сильные духом творцы. Как правило, это поэты. Почему? Причина, полагаю, кроется в том, что поэту нужно лучше знать себя, а прозаику – людей и обстоятельства их жизни. При быстрой смене общественных формаций и связанных с этим коллизий, в эпоху «управляемого хаоса» изучать людей становится куда труднее, нежели себя. Если что и объединяет

труд поэта и прозаика, так это необходимость как можно лучше знать язык, на котором они пишут, и как можно преданнее любить своё Отечество с его историей, народом и его святой верой. Война, объявленная России, ведётся повсеместно, в литературе тоже. И началась она не в наше время, а намного раньше. Ещё во времена святого благоверного князя Александра Невского, когда рыцари тевтонского ордена посягали не на плоть народа, а на его дух. Недаром в самый кульминационный «переломный» период Великой Отечественной войны, когда шла ожесточённейшая битва за Кавказ, председатель Государственного комитета обороны И.В. Сталин на закрытом совещании сказал буквально следующее: «Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе с великим русским народом». (А.И. Вдовин. «Российская нация». С.130.)

Не зря Адольф Гитлер призывал своих единомышленников: «Наша задача – разбить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Сейчас эта фашистская доктрина приобрела своё злое значение ещё и потому, что все средства массовой информации направили свои усилия на то, чтобы число эгоистов, лишённых связей с обществом, пленников «социальных сетей» и виртуального пространства, «Иванов, не помнящих родства» росло в геометрической прогрессии. Глобальный эгоизм и манкуртизм – вот душегубцы наших дней, безумный морок госу-

дарств и наций. Это грядущая смерть человечества. Когда всё подчинено собственному «я», это конец. Вот почему так важно знать труды наших мыслителей, провидцев и поэтов, призывающих русский народ к спасительному единению в лоне Православной Церкви.

Морской офицер Владимир Гнеушев – поэт Русского мира. Он прекрасно понимает, что Родина – это не кучка мародёров, предавших и разграбивших страну, это всё то, что он любит и за что нужно сражаться до конца своей жизни.

«За мной – одна присяга, один флаг...»

У него свой «литературный окоп», свой «огневой рубеж» и своя «линия атаки», о чём лучше самого автора говорят его стихи. Его творчество лишено всего того, что характерно для сегодняшнего дня и его массовой антикультуры, а именно: гнусных исторических наветов, мерзкой пошлости, русофобской «толерантности» и безоглядного холуйства.

Зная неприглядную изнанку жизни, он предпочитал видеть её светлую сторону, что также говорит о жизнелюбии, без которого не может быть и оптимизма. Это был его счастливый опыт. Он не был вертопрахом, вольнодумцем или, скажем, диссидентом, хотя и знался со многими из них. За ним была присяга, военно-морской флот, могила отца в Севастополе, и он был верен им всю свою жизнь. После распада СССР ему, как и многим из нас, стало предельно ясно, что внутренний враг страшнее и опаснее внешнего, как для отдельной личности, так и для государства в целом.

В своём поэтическом творчестве Владимир Гнеушев избегал «плетения словес», не гнался за

внешним эффектом, хотя умел отделять свои стихи и замыкать их «ударной» концовкой.

Душа моя чаечкой вьётся
И негде ей, бедной, присесть.

Эти строки запомнились мне на всю жизнь после первого же их прочтения, равно как не забываются другие, не менее сильные по диктовавшему их чувству.

Всё так же в берег бил прибой,
Волна в порту медуз качала...
Вот и расстались мы с тобой,
А всё не верилось сначала.

Именно такие строки убеждают читателя в том, что поэзия по своей сути сокровенно молитвенна. Это келейная свеча, а не уличный фонарь.

Гнеушев часто бывал в Севастополе.

Будучи моряком и сыном одного из тех, кто пал на поле боя, защищая этот город от фашистов, Владимир Григорьевич воспринимал Севастополь, как святое место. Не здесь ли, где был похоронен его отец Григорий Анисимович, Гнеушев впервые ощутил ту неразрывную связь времён и поколений, которая ни при каких обстоятельствах жизни не должна была прерываться ни в его писательской, ни в человеческой судьбе?

Если камни вопиют, то что говорить о родной крови?

Сеньорита

(отрывок из романа)

Во время гражданской войны в Испании сбит советский летчик. От фалянгистов его спасает девушка, оказавшаяся дочерью русского эмигранта. На родине пилота объявляют предателем, перешедшим на сторону Франко. Так для Дениса Вершинина, сына царского полковника, никогда не видевшего своего отца, начинаются невероятные приключения...

Но надо как-то приспособиться. Ноги пока ещё не твердо держат. А с руками ничего ведь страшного? Будем ими заниматься. Жалко, что свободного пространства маловато, не помашешь как следует. Да и сидя все придется делать. А то грохнешься от слабости на пол, да ещё и фалянгисты как раз в комнате за зеркалом будут! На шум они быстро тайник раскроют.

Даже от пола не поотжимаешься, узковато здесь. Не говоря уже о пробежках!

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

Ладно, тогда уляжемся поудобнее и будем повторять уроки испанского.

Память у Дениса была неплохая. Все слова и выражения, что ему давала Ольга, он запоминал минимум со второго раза. Оставалась проблема произношения. Но тут уже нужен был так называемый «носитель языка», то есть коренной испанец. Ну или сама Ольга, которая жила в стране уже довольно давно.

Но ни того, ни другого у него не имелось. Вот и приходилось, как попугаю, повторять то, что успел запомнить. Надо будет ночью, когда девушка придёт навестить его, потребовать, чтобы давала как можно больше словарного запаса. Жалко ее, конечно, девушки ночью должны спать и видеть красивые сны. Но тут уже никуда не денешься. Язык просто необходим. Ведь ещё придется к своим добираться.

Как там парни, интересно? «Ишачок» его на аэродром не вернулся. Неужели считают погибшим? А что им ещё думать? Верить в чудо, что, дескать, выбросился с парашютом, подобрали добросердечные люди и помогли к своим добратся? Так не верит никто из них (он, кстати, тоже), что подобные чудеса случаются.

Но ведь с ним уже половинка такого чуда произошла? И спасся из подбитого самолёта, и девушка-красавица вовремя на месте оказалась, и укрыли, и накормили, и выхаживают теперь. Осталась второй половинке сбыться – вернуться к своим. Тогда точно в чудеса поверить придётся...

Ему, комсомольцу, красному военлёту? Ты мечтай, но меру-то знать надо! Он даже рассердился на себя. Захотелось с кем-нибудь поспорить, доказать свою правоту.

Но вот только с кем? Никто здесь до ночи не появится. Ольга поесть принесет, горшок ночной. Но ведь с ней и не поспоришь! Это тебе, брат, не комсомольское собрание, где можно себя кулаком в грудь стучать и до хрипоты дискутировать. Попробуй – живо фалангисты прибегут, и весь диспут очень быстро закончится.

Он-то ладно, может быть, и сумеет прорваться, из пистолета стрелять ещё не разучился. А что с Ольгой и её отцом-графом будет?

Он осознал, наконец, что теперь ответственность лежит на нём не только за себя, но и за этих милых мирных людей, которые (чего скрывать) рискуют из-за него не только своим безмятежным существованием, но и жизнями!

Так что сиди комсомолец и военлёт Денис Вершинин в тёмной комнатке за зеркалом и сопи в две дырочки. Нечего тут свою отвагу демонстрировать. Ты хотя бы поправься сначала, ходить научись заново.

Он встал с постели, попробовал присесть и... закусив губу, чтобы не застонать от боли, повалился на одеяло. Лоб мгновенно вспотел.

И куда он в таком состоянии собрался? На какое комсомольское собрание? Лежи и не рыпайся! Слова испанские повторяй.

Он повторял и повторял до тех пор, пока неожиданно не заснул. Правда, перед этим принял микстуру, прописанную доктором. Она, наверное, и сморила.

Проснулся он от прикосновения чужой ладони к щеке. Рука дернулась к пистолету, под подушку.

– Тс-с, тихо! – прошептал в темноте девичий голос, а тонкие пальцы легли на его губы. Ольга!

Так тихо подкралась. Или дверь-зеркало настолько бесшумно открывается?

– Всё пока спокойно, – сказала девушка, присаживаясь на край постели. – Фалангистов сменили на одного нового. Теперь, похоже, у нас постоянный пост здесь будет.

– Какого черта им надо?! – возмутился Денис. – Обыскали, никого не нашли. Ну и валили бы по своим фашистским делам!

– Не всё так просто, мне кажется. Подозревают они что-то.

В голосе девушки слышалась серьёзная озабоченность.

– Видеть, как я тебя привезла, никто вроде бы не мог. Прислуги у нас немного, всего три человека: кухарка, конюх и горничная. Но они о тебе точно не знают. Тем более, что горничная – приходящая. Раз в три дня появляется, уборку делает и прочие мелочи по дому. Конюх так при конюшне и живёт. Там флигель небольшой. У него с кухаркой отдельные комнаты. А близких соседей нет. Тут не принято по чужой земле ходить без разрешения хозяина. Так что они исключаются.

– А доктор? – вспомнил Денис.

– Юрий Владимирович? – рассмеялась Ольга. – Ну что ты! Он милейший человек! Весь какой-то чеховский.

– Какой? – не понял Денис.

– Ну, у писателя Чехова в его рассказах такие встречаются. Провинциальный, в пенсне, с зонтиком в любую погоду. И обращается так: «Ну-с, батенька, давайте посчитаем ваш пульс!»

Смех у неё был тихий, но такой волнующий! Денису хотелось слушать и слушать его.

– Так что ты не беспокойся насчет него. Тем более, он думает, что ты сын того полковника, Вершинина. Ладно, хватит об этом! Я тебе поесть принесла. И все прочее.

Под «прочим», надо полагать, подразумевался ночной горшок. Денис почувствовал, что краснеет. Хорошо, что в комнатке было темно, и девушка этого не увидела.

– И вот ещё что! Я тут полдня просидела, составляя тебе словарик русско-испанский и к нему разговорник с самыми простыми фразами, чтобы словарный запас не лежал мёртвым грузом. Сейчас темно, я свечку захватила, надеюсь, что разберешь мои каракули.

– А как же часовые? – заволновался Денис. – Они ведь могут свет увидеть!

– Не волнуйся, здесь очень хитрые зеркала. Изнутри все видно, но свет наружу не проникает. Я тут иногда пряталась, когда играла. Ну и проверила.

– Интересно, зачем прежним хозяевам вашей финки такой тайник понадобился?

– Ни малейшего представления. Я даже не знаю, кто они были. Поместье покупал наш поверенный.

– Это ещё кто такой?

– Ну, адвокат, который подобными сделками занимается. Принес на выбор несколько предложений с фотографиями. Мы могли бы ещё подумать, но тогда всё так быстро закрутилось, что нам и времени не оставалось, чтобы выбирать и самим ехать смотреть. Нужно срочно было удирать из Франции.

– А почему так срочно?

Ольга вздохнула, потом нехотя сказала:

– Это долгая история. И тяжёлая. Как-нибудь потом расскажу. Да ты ешь, ешь!

Она установила толстую свечу в какой-то хитрой вазочке, чиркнула спичкой. В камерке вдруг стало как-то уютно. Денис развернул узелок, в котором Ольга принесла еду. Кусок пирога с мясом фрукты, кружка. Денис осторожно понюхал содержимое. Девушка рассмеялась.

– Да молоко это, обычное молоко! Вина я не взяла, мало ли как оно на тебя подействует. Здешние крестьяне его вместо воды употребляют. Берут с собой в поле бурдюк, с одного уголка завязанный веревочкой, и когда очень жарко, поднимают его на вытянутых руках над головой и пускают тонкой струйкой себе прямо в горло.

Денис недоверчиво посмотрел на нее.

– И зачем так изгиляться?

– Ну, вино пока летит в рот, немного охлаждается, так приятнее пить.

Пилот покрутил головой. Надо же, до чего додумались! Но потом вспомнил, что в деревнях в крынку с молоком иногда ужа запускают, чтобы холодным оставалось подольше, и промолчал.

Откусывая пирог, оказавшийся очень вкусным и запивая его из кружки, он думал о том, сколько ему ещё сидеть здесь, в этом застенке? Ольга словно прочла его мысли.

– Ты сильно не расстраивайся. Доктор обещал, что скоро у тебя все пройдёт, и ты снова сможешь ходить и даже бегать!

– А летать?

– Ну... и летать, наверное, тоже.

– Мне бы только к своим выбраться! Ты не знаешь, что на фронтах делается?

Девушка отрицательно покачала головой.

– По радио только франкистское вранье, как они отважно наступают, в газетах то же самое. А Мадрид здесь почему-то не ловится.

– Это плохо, – сказал Денис, приканчивая пирог и молоко. – Скорее бы на ноги встать! И – к своим! Меня, небось, уже погибшим считают.

Ольга, подумав немного, сказала:

– Пролетало тут несколько самолётов, но я не успела разглядеть, что у них за знаки на крыльях.

– Это меня разыскивают, Точно тебе говорю!

И сник.

– Что они разглядеть могли? Обломки сгоревшего самолета? Парашют мы ведь забрали. Кстати, спрячь его получше, а то фашисты могут найти!

– Не беспокойся! – рассмеялась Ольга. – Там, где я его положила, ни одна собака не найдет. Ладно, мне уже пора. А ты пока не встаёшь, учи испанский! Поверь мне, очень пригодится!

– Да я и сам знаю, – уныло ответил Денис. – Без языка очень трудно в чужой стране.

– А для меня Испания уже не чужая! Словно здесь и родилась, – вздернула носик девушка. – Всё, мне пора! Держись, авиатор и не унывай!

Зеркало-дверь закрылось за ней, а Денис откинулся на подушку и закрыл глаза. Спать ему не хотелось, просто решил полежать в тишине немного.

Но свеча горела и призывала к новым подвигам в изучении испанского. Он взялся за тетрадь.

В перерывах между зубрёжкой испанских слов и выражений пилот исправно выполнял «велосипед». То есть задирает ноги к потолку и крутит воображаемые педали. Он решил, что таким образом укрепит мышцы. Ольга, когда узнала о его

упражнениях, серьёзно кивнула и согласилась с его предположениями. Она исправно носила ему еду, листки с новыми словами и выносила ночной горшок. Денису было неудобно от этого, но девушка была непреклонна: надо – значит надо!

Так продолжалось ещё три дня, а на четвёртый летчик встал с постели и почувствовал, что ноги его держат довольно крепко. Он думал обрадовать Ольгу такой новостью, но та лишь пренебрежительно махнула рукой.

– Вот когда ходить сможешь, а не просто стоять не падая, попытаемся тебя по улице прогулять. Ночью стражник почти всегда спит на кресле у входных дверей. А мы – через окно. Подходит?

– Поскорее бы уже, – попытался ныть Денис.

– Доктор сказал – как минимум неделю ты должен отлежаться! – серьёзно сказала девушка. – Вот и не спеши!

– Но там же наши воюют, – вякнул пилот.

– Ничего, без твоей помощи пока обойдутся! – не сдалась Ольга. – Чтобы воевать, ты должен быть полностью здоровым!

С этим нельзя было не согласиться. И он «велосипедил» до изнеможения, придумал, как отжиматься от пола, приседал, каждый день увеличивая количество приседаний. Дело, кажется, потихоньку шло на поправку.

И с языком налаживалось. Кое-как, ломая язык, он уже мог вести короткие диалоги с Ольгой. Та просто расцветала, когда ему удавалось связать несколько слов в понятную фразу. «Произношение! – твердила она. – Произношение улучшай! У тебя сейчас каша во рту!»

Ну, он старался, как мог. Она постоянноправляла его.

– Хочу, чтобы ты говорил на настоящем кастельяно!

– А это что за зверь?

– Кастильское наречие испанского. Так говорят в Мадриде. Оно основное в языке. Существует много других. В Астурии или Андалузии одно и то же слово произносится по-разному. А в Каталонии, хотя и говорят по-испански, но основной язык каталанский. Он вообще на испанский не похож. Что-то из французского, что-то из португальского. Я и сама его плохо понимаю. Но каталонцы очень своим языком гордятся и зачастую делают вид, что испанского не понимают. Но если ты заговоришь с ними на каталанском – всё! Ты желанный гость и лучший друг!

– Так может мне этот язык учить, а не испанский? – поинтересовался Денис.

– Каталония всего лишь провинция. А во всей стране, кроме басков говорят на испаньол.

– Какие ещё баски? – поразился Денис.

– Тоже провинция – Баскония. На северо-западе Испании. Там тоже свой язык.

– Как вы тут живёте? – поразился пилот. – Одна страна – и куча разных языков!

– Вот так и живём, – вздохнула Ольга. – Испанский язык объединяет. Мне порой кажется, что и война эта – от разницы в языках.

– Это ты брось! – возмутился Денис. – У вас тут с фашистами воюют, которые к власти рвутся. Вот у нас в Советском Союзе разных языков вообще тьма. Но ведь не воюем же! Потому что фашистов нет.

– Вы своё отвоевали, – отрезала девушка. Больше на эту тему разговаривать она не захотела. Собралась и быстро ушла. А Денис остался хлопать

ушами. Конечно, помещики и цари – не фашисты. Но ведь те ещё гады были, гнобили трудовой народ! Ладно, это он потом как-нибудь Ольге объяснит. А теперь нужно сначала физической подготовкой заняться, а потом языком.

Чтобы развивать плечевой сустав, он резко и широко разводил в стороны руки. Конечно, насколько позволяли стенки узкой каморки. В очередной раз, размахнувшись, он задел пальцами левой руки дощатую стену. Это случилось и раньше, но тут ему показалось, что доска, о которую он ушиб пальцы, как-то подозрительно шелохнулась. Прервав свои занятия, Денис при горящей свечке начал ощупывать подозрительную доску. Огонёк свечи чуть-чуть колыхнулся, будто бы от сквозняка.

Он удвоил внимание и спустя какое-то время понял, что если надавить на эту доску посильнее, а потом сдвинуть её в сторону, открывается узкий проход. Он потрогал соседние доски, они тоже сдвинулись, и появилось отверстие, достаточное для того, чтобы человек его комплекции смог протиснуться.

Странно. Ольга ничего не говорила о каком-то ещё тайнике, имеющемся в доме. А может и сама о нем не знала?

Денис поднёс свечу ближе к проходу, но и без этого почувствовал слабый ветерок, дувший из чёрной неизвестности. Эх, сюда бы фонарик электрический. Такой, трофейный, немецкий, в котором, кроме обычного жёлтого света, можно было, сдвигая фильтры, получить красный или синий луч. А нажимая на кнопку включения, подавать световые сигналы. У кого-то из советских военных советников он такой видел.

Но за неимением фонаря придётся воспользоваться всё той же свечкой. Та-ак, просунем в дырку плечо. Есть! А теперь посмотрим, что же там скрывается?

За дощатой стеной обнаружился проход, нет, скорее коридор, уходящий влево. Ну что, надо это дело обследовать. Авось что-нибудь интересное да найдётся. Ольга сегодня уже не появится, но мы постараемся не шуметь, все-таки фалангисты в доме присутствуют.

Хорошо, что ходить он мог уже вполне уверенно. Перелез через кровать, полностью протиснулся в дыру и, держа перед собой розетку с горящей свечой, отправился на исследование тайн – нет, не Мадридского двора, но местного особняка.

Тайный ход не оказался очень длинным, всего лишь до внешней стены здания. Там имелась дверь, бесшумно открывавшаяся при нажатии небольшого рычага в стене. Денис его и нажал, оказавшись на заднем дворе. Поскольку была ночь, и стражник преспокойно пускал во сне пузыри, развалившись у входной двери в специально притащенном туда кресле, никто появления советского пилота не обнаружил.

Но он и не стал далеко отходить от дома. Подышал ночным воздухом и вернулся, аккуратно прикрыв за собой тайную дверь. Как он понял, если специально не искать, то снаружи этот вход обнаружить было невозможно. Отлично, теперь у него есть возможность незаметно скрыться в случае опасности.

Но знают ли об этом тайнике хозяева финки, вот вопрос! Иначе Ольга предложила бы побег вот так, а не через окно.

Закрыв дверь, Денис осмотрел её внимательнее и обнаружил, что на стене имеется лестница, ведущая куда-то вверх. Простая такая, металлическая, вроде пожарной. Недолго думая, он поставил свечу на пол и полез по ней, перебирая руками ступеньки. Радовало уже то, что проделывал он это без особого напряжения и последствия неудачного прыжка с парашютом не давали о себе знать.

Лестница, судя по всему, привела его на второй этаж здания. Тут имелась небольшая комнатка и снова дверь в стене. Но было слишком темно, чтобы разглядеть её в подробностях и пришлось спускаться вниз, забирать с собой свечу и вновь карабкаться по стене. Вот теперь можно было осмотреться.

Дверь открывалась с помощью нажатия рычажка, как и первая. Но открывать её Денис не спешил, помня, что теперь он может оказаться в каком-нибудь помещении. А вдруг там люди? Конец тайне!

Обнаружив в двери глазок, прикрытый задвижкой, он эту задвижку потихоньку отвёл в сторону и посмотрел – куда же он попал?

Ну, так и есть! Кажется, дверь, как и нижняя, была совсем незаметна снаружи и вела она... в спальню Ольги! Девушка как раз забиралась под одеяло на своей широкой с каким-то навесом постели.

Вот был бы он хорош, вломившись среди ночи в девичий будуар! Ольга, конечно, была не из слабонервных, но и она бы наверняка завизжала от страха, увидев, как из стены появляется человек. Знакомый, естественно, но в полумраке разве это сразу разглядишь?

Ольга потушила свет, и Денису не стало видно ничего. Ну и ладно! Ещё он девиц в постели не разглядывал! Лучше посмотрим, что ещё в этой тайной комнатке имеется.

А кое-что имелось. Например, два стальных ящика, закрытых на всякие замки. Один побольше, продолговатый и второй меньшего размера, квадратный. Интересно, что в них хранится? Жаль, ключей не имеется.

Денис не был большим специалистом по взлому сейфов или открыванию замков. Но кое-какой слесарный опыт всё же имелся. Осмотрев замки, он быстро понял, что открыть их, имея кусочек не толстой проволоки, не составило бы особого труда. Но вот как раз проволоки у него и не было.

Он внимательно осмотрел стены и потолок комнатушки, втайне надеясь, что где-то на гвоздике висит связка ключей, которые подойдут к замкам, но кроме старой табуретки ничего не обнаружил.

Надо было возвращаться в свою каморку за зеркалом. Потом он это всё обдумает, на досуге.

Доски встали на свои места как тут и были. Даже самый придирчивый взгляд не смог бы отличить сдвижные от прочих. Вот и отлично! Теперь вопрос: как разузнать у Ольги, знает ли она о секрете своего дома? Нельзя же ведь так просто спросить: «А что это у вас здесь за стенкой прячется?» Может быть, хозяйева знают о тайнике, но не хотят о нём рассказывать? Ведь кто такой для них Денис? Какой-то сбитый лётчик, хоть и соотечественник, но – советский. То есть из тех, от родителей которых они в своё время бежали из России так, что только пятки сверкали. Ну, не враг в полном смысле этого слова, а, будем честными, чужой. Человек, которо-

го они приютили и спрятали от фашистов только из врожденной добропорядочности. И нечего ему здесь вынюхивать, узнавать секреты и тайны этой семьи. Живут себе люди – и пускай живут в меру сил и мировоззрений. Достаточно уже того, что не лезут в кровавую бойню, развернувшуюся в стране, не становятся ни на одну сторону.

Так что не будем, наверное, ничего у Ольги выспрашивать, сделаем вид, что ничего не происходит. Есть тайник, вот и пусть себе существует. Нам он пока ни к чему. Ходом можно будет воспользоваться только в крайнем случае, когда бежать станет некуда. На том и порешим.

А всё же интересно, что в тех металлических ящиках? Прямо руки чешутся повозиться с замками и заглянуть под стальные крышки. Ладно, хватит, потом как-нибудь. Может быть.

И Денис снова, завалившись на постель, открыл тетрадку, принесенную Ольгой. Сегодня надо выучить десять слов!

Он действительно ничего не сказал о тайнике девушке, уже привычно появившейся у него ночью. Проворчал только:

– Когда ты высыпaeшьсeя? Я хоть днём могу покемарить.

На это она только отмахнулась.

– Я молодая, мне много спать вредно! Давай, показывай, что сегодня выучил!

Дни шли, и Денис всё чаще стал заговаривать о том, что, мол, хватит ему бока пролёживать, к своим надо, летать! Ребята бьются, не жалея сил, а он здоровый лайдак, валяется тут, спит и ест от пуза. Не затем он приехал в далекую Испанию, не на курорт рвался!

Ольга, как могла, успокаивала его, просила подождать, поправиться окончательно.

– Подумай сам, – говорила она. – Тебе в твоём состоянии никто летать не позволит! Будешь сидеть на земле и ждать своих товарищей!

– Летать не позволят – в окопы пойду! – хорохорился парень. – Уж винтовка для меня всегда найдется! Знаешь, как я стреляю? Меня даже значком наградили «Ворошиловский стрелок»!

Пару раз они действительно выбирались ночью через окно и гуляли по окрестностям. Пилот уже достаточно окреп и слабости не чувствовал, даже карабкаясь на холмы. Но этого Денису было мало. Прогулки с девицей при луне! Хе! Курам на смех! Он хотел летать! И сбивать в бою фашистов!

Однажды ночью этот бесконечный спор продолжился. Каким-то словом он нечаянно обидел Ольгу. Она замолчала, опустила голову. Денису показалось, что она плачет и ему стало стыдно. В самом деле, чего он, дурак на неё накинулся? Ведь, по сути, Ольга была права. Ежедневными упражнениями он почти восстановил свою физическую норму. Но – почти.

Внезапно ладонь девушки закрыла его рот. Он дёрнулся и случайно взглянул в зеркало. Твою дивизию! Стражник, который ночью почти всегда спал, сейчас стоял в дверях залы и поводил стволом винтовки, тревожно вглядываясь в темноту.

Увидеть их он, конечно, не мог. А вот услышать... Тот, кто устраивал этот тайник, наверняка хотел, оставаясь незаметным, не только видеть, что происходило в его отсутствие, но и слышать! Они ведь так расшумелись, споря во весь голос, что и стражника разбудили!

Денис мгновенно накрыл ладонью пламя свечи. На всякий случай. В камерке стало темно. Но в призрачном свете, проникавшем сквозь зеркало, пилот видел, как побледнело лицо девушки.

А фалангист всё не уходил, чутко прислушиваясь. Казалось, что даже уши у него шевелятся от напряжения.

Так продолжалось несколько минут, но для Дениса они были равны вечности. Он поднял с постели пистолет. Ольга погрозила ему пальцем: «Нельзя!» Конечно, не хватало ещё пальбу в доме устроить!

Наконец стражник в последний раз обвел стволом комнату и закрыл за собой дверь. Ольга с облегчением выдохнула. Денис сам с удивлением обнаружил, что не дышал всё это время.

– Ой, что теперь будет! – шёпотом сказала девушка.

– Да ничего страшного! – храбро ответил Денис. – Ну почудилось этой собаке что-то со сна, вот и подскочил. Ты молодец, вовремя его заметила!

– Ох, не знаю, – с сомнением протянула Ольга. – Он мог сначала под дверями подслушивать, а потом уже зайти. Мы тоже хороши – разорались, словно на митинге!

– Это я виноват, – смущённо признал Денис. – Совсем тут у вас расслабился, бдительность потерял. Всё потому, что не летаю! В воздухе у пилота голова на все 360 градусов крутиться должна. Чтобы противник в хвост не зашёл.

– И поэтому тебя сбили, – не без яда в голосе прокомментировала девушка.

– Он из-за облака вывалился. А я как раз в тот день без ведущего оказался, – стал оправдываться лётчик.

– Почему?

– Потерял я его, – сознался Денис после недолгого молчания. – Мне потом наверняка бы шею намылили за такое.

– Но получилось ещё хуже, – констатировала Ольга. – Тебя вообще сбили.

– Ну, вот так вышло, – совсем смутился пилот.

– Так, пока этот не вернулся, нужно мне в свою комнату пробираться, – решительно сказала девушка.

– Осторожней, пожалуйста, – попросил Денис. – А может, ещё посидишь? Пока он не заснул окончательно.

– Он, наверное, сейчас дом наш кругом обходит. Вот пока сторожит, я и проберусь. Все, пока.

Она сдвинула зеркало и выскользнула наружу. Денис прикрыл за ней вход и проследил, как она, неслышно ступая босыми ногами, перебежала залу и скрылась за дверью.

Конечно, он знал другой путь, но почему-то не стал рассказывать о нём Ольге. Выходило так, что не знает хозяйка виллы о тайнике. А хозяин? Он вроде бы не должен иметь секретов от родной дочери. Но кто их, дворян, знает?

Спать не хотелось. Он подумал немного и решил, что пришло время ознакомиться с содержимым стальных ящиков на втором этаже. Около свечи как раз лежала металлическая шпилька, которую Ольга случайно обронила, а он незаметно подобрал.

Ещё раз бросил взгляд сквозь зеркало. Вроде бы всё спокойно. Ну, вперёд!

Свеча давала минимум света. Но ему должно было хватить. Денис ещё раз внимательно осмо-

трел замки. Кажется, ничего сложного, обыкновенные висячие. Теперь займемся шпилькой.

Еле слышно щёлкнул замок первого, квадратного ящика. Ничего, Ольга не должна услышать, стена здесь толстая. Да и спит она уже. Перед тем, как заняться замками, он заглянул в глазок. Света в спальне не было, сквозь шторы пробивались только тонкие лучики, отбрасываемые Луной. На постели холмик одеяла. Спит. Вот и славно.

Денис приподнял крышку ящика. Петли, на которых она держалась, оказались хорошо смазаны и даже не скрипнули. Какая-то мешковина. А что под ней? Бумажные рулончики занимают все внутреннее пространство. Бумага плотная, но рвать не стоит, можно просто и аккуратно развернуть колбаску.

Некоторое время Денис просто сидел на полу и хлопал глазами. Даже дышать, кажется, перестал.

В развёрнутом им рулончике оказалась плотная стопка металлических дисков. При ближайшем рассмотрении – золотые монеты! Ровным счётом десять штук. Надо полагать, в остальных то же самое содержимое. И рулончиков с монетами было много. Очень много. Ничего себе – клад!

Золотые испанские реалы ему приходилось однажды видеть. Кто-то из испанских летчиков показывал ему пару штук. Так вот это были именно они! Выходит, что местные графья обладали целым состоянием! Ну, они ведь и так не бедные. И вилла есть, и земли, и виноградники. Впридачу ко всему ещё и золото! Ну не может местный граф не знать о таком сокровище! А значит, это его, и нечего Денису нос совать в чужие тайны! Какое

отношение он имеет к этому золоту? Да никакого! Поэтому следует тщательно закрыть ящик и больше туда носа не совать. Если хозяева узнают, что кто-то копался в их сокровищах, этому кому-то очень не поздоровится! Человеческая жадность пределов не знает. Или сами убьют, или безжалостно сдадут фалангистам, что равносильно тому же убийству. Правильно Денис сделал, что не рассказал Ольге о тайном ходе. Она, конечно, девушка очень хорошая, но вот её папенька...

Черт с ним, с этим золотом! Хотя республике оно очень бы пригодилось. Сколько оружия на него можно купить!

Так, всё, закатываем рулончик, кладём его на место, закрываем крышку и замок.

Теперь посмотрим, что прячут в другом ящике. Тоже золото? Или бумажные купюры?

Оказалось – не то и не другое. Оружие! Аккуратно смазанные и упакованные в промасленную бумагу винтовки, пистолеты «маузер» и патроны. Видимо, к этому арсеналу. Надо же! На целый взвод хватит!

Здесь Денис даже не раздумывал. Все упаковал обратно и закрыл на замок. Вот ничего себе сокровищница!

Вернулся назад в свою каморку за зеркалом, лёг и стал думать.

Куда он попал? Вроде бы обычная финка, поместье. Но с двойным дном. Его подобрали, спрятали от врагов, кормят, лечат, учат языку. В ближайшее время помогут пробраться к своим.

И всё же скрывается здесь какая-то тайна. Кто устроил потайной ход? Кто спрятал там оружие и золото? Сам граф или бывшие хозяева поместья?

Вот это – вряд ли. Денис уже обратил внимание, что ни в ходе, ни на ящиках практически не было пыли. Значит, все это сооружено недавно.

Тут что-то не складывалось. Если тайник устраивался по приказу Рязанцева (ну, не сам же он всё это сооружал?), то почему Дениса спрятали за зеркалом, зная, что тот может обнаружить проход в сокровищницу? Не могли ведь они считать военлёта таким уж тупицей, не способным сдвинуть пару досок?

Он вспомнил, как нашел вход. Случайно ведь, только руками размахивал. Всё равно не сходится. По логике вещей, каждый узник первым делом обыскивает место, куда он попал, в надежде (тщетной, надо сказать) найти какую-нибудь лазейку и убежать. У Дениса такой шанс есть. Тот же граф Монте-Кристо (попалась как-то книжка о нём, прочёл с увлечением) рыл подземный ход. Таким способом убежать ему не удалось, но в конце концов на свободу он вышел. Вернее, выплыл.

В полной мере узником себя Денис не считал, как и люди, приютившие его. Но ведь наверняка могли предположить, что тайник свой он обследует.

Да, не сходится. Ну и чёрт с ним, отложим эти бесполезные раздумья на потом. А теперь займемся испанским, пока свеча не догорела.

Охранник, похоже, не успокоился, и в течение ночи Денис пару раз видел за стеклом узкую полоску света, появлявшуюся, когда фалангист открывал дверь и прислушивался к темноте, царившей в зале. В такие моменты военлёт старался даже не дышать. К утру свеча почти догорела, а голова пилота была забита новыми словами и

фразами языка, который он постепенно начинал понимать.

День прошёл в относительном спокойствии. Правда, заявились фалангисты и вновь учинили обыск всего дома. Видимо, охранник доложил о подозрительном ночном шуме. Но, как и в прошлый раз, фашистам ничего найти не удалось. О том, что существует тайная комната за зеркалом, они, в основном деревенские парни, догадаться не могли. Чуткого фалангиста похвалили за бдительность, отругали за пустые хлопоты. С тем и удалились, оставив теперь на посту двух стражей. Один по-прежнему караулил входную дверь, а второй прогуливался вокруг дома и иногда осматривал некоторые комнаты на первом этаже.

Это создало некоторые трудности. Во-первых, Денису хотелось есть так, что в животе началось некоторое бурчание. А во-вторых, пора было выносить ночной горшок. Он и сам мог бы это сделать, улучив момент, когда стражника не было на той стороне дома, куда выходил тайный вход. Но сделав это, он невольно показал бы Ольге, что знает о секрете виллы. Этого делать ему совсем не хотелось и приходилось терпеть запах, распространяемый ночной вазой. «Ничего, – утешал он себя. – Бывали ситуации и похуже. В землянках на фронте и не такой дух стоит». Но смущало то, что «аромат» почует и Ольга, когда, наконец, придет навестить его.

Девушка появилась где-то после обеда. Нырнув за зеркало, она сморщила носик, но ничего не сказала по этому поводу.

– Сейчас оба фалангиста на кухне. Их кухарка наша кормит. Давай горшок, я быстро!

И действительно, обернулась за одну минуту.

– Вот теперь и поговорить можно. Папенька им там вина выставил несколько бутылок, так что время есть.

Денис скривился.

– Вино – фашистам?

– А что ты хочешь? – возмутилась Ольга. – Надо же как-то их отвлекать, пока я у тебя! Держи, я и тебе поесть принесла. Только без вина. Доктор запретил тебе спиртное на время.

– Обойдусь, – сказал Денис, разворачивая салфетку, в которую были упакованы и завтрак, и обед, и, надо полагать, ужин. Имелась даже чашка холодного томатного супа.

– Это гаспачо, – сообщила Ольга. – Его так и едят холодным, не крути носом. Особенно вкусно в жару. А у тебя здесь явно не холодно. Так что ешь, а я тебе пока новости расскажу.

Она убрала огарок и поставила новую свечу, рядом положила ещё несколько и спички. Пояснила:

– Это на случай, если я ночью прийти не смогу. Чертовы фалангисты так и шныряют! Ты ведь уже видел: теперь второго оставили. Обьедают нас, паразиты! Один спать будет, а второй службу нести. Потом поменяются. Ну, ничего, мы их как-нибудь обдурим!

Денис оторвался от тарелки:

– Что на фронтах делается?

– Ничего не могу сказать. Радио врёт, как обычно. Газета одна только приходит, но и там враньё. Только не начинай пожалуйста опять ныть: к своим хочу! Ещё пару дней – и будем собираться!

– Я и не ною! Да ведь действительно, хватит отлёживаться! Я в полном порядке!

– Доктору виднее. Жалко, что сюда его нельзя пригласить. Но я что-нибудь придумаю!

– Уж придумай, будь так добра, – проворчал Денис, принимаясь за короткие колбаски, напигованные чесноком. Вкусно было необычайно.

– Хорошая у вас кухарка, – похвалил он.

– Хорошая, – согласилась Ольга. – Но Франко поддерживает! То и дело твердит: «Когда уже настоящая власть придет?»

– Смотри, как бы она вас не отравила! – попытался пошутить Денис.

– Это вряд ли, – улыбнулась девушка. – Она первая свои блюда пробует. Так, всё доел? Давай посуду, и я побежала, пока эти вино не допили! Ночью всё-таки постараюсь прийти. Надо же проверить уроки! Ты хоть учишься здесь? Не лодырничаеть?

– Как можно! Я теперь знаю, что язык очень может пригодиться!

– Вот! – кивнула Ольга и скрылась за зеркалом. Денис проводил её взглядом. Красавица ведь! А связалась с таким обормотом, как он. Ну, соотечественник, это понятно. Но ведь тут не только это, он чувствовал. Да и сам того-этого...

Тут он смутился и, чтобы в голову не лезли дурацкие мысли, раскрыл тетрадку с новыми заданиями.

Двое новых фалангистов были помоложе предыдущего. В форме, подтянуты, так и стреляют глазами по сторонам. Как бы не заподозрили чего. Уложить-то он их уложит, недаром чемпионом полка по боксу был. Но очень не хочется подставлять хозяев. А если и стрельба начнётся... Надо быть очень осторожным.

Остаток дня он зубрил испанский, отжимался от пола, «крутил велосипед». Что ещё делать в его положении, как не готовиться к будущим трудностям? В полку его, наверное, уже и забыли. Помянули, как водится, и – опять полеты, схватки с врагами. Жизнь не стоит на месте.

Зато какой будет сюрприз, когда он заявится в расположение! Шею за потерянную машину, конечно, намылят. Ну что же, виноват, не отрицает. Но готов в небо хоть сейчас! И докажет всем, что летать и сбивать не разучился за время своего вынужденного отсутствия. Всё образуется. Лишь бы до своих добраться!

В тайный ход он больше не ходил. Нечего там делать. Ещё наткнешься на настоящего хозяина. Оружие-то ладно, а за золото и убить могут. Помнится, там его многовато было. Кто их знает, этих испанцев. Впрочем, во всей человеческой истории за золото люди друг дружку только так шлёпали. Вот и сделаем вид, что ничего не знаем и ничего не видели.

Но мысли его всё время возвращались к ящикам на втором этаже. Насколько он помнил, в ходу здесь в основном бумажные деньги и мелкие разменные монеты. Но монеты были уж точно не золотыми.

А реалы, которые показывал лёгчик, выпускались аж в прошлом веке! И достались ему в наследство от бабушки. Так что это, по всем признакам, всамделишный клад! Кто-то откопал и спрятал сюда. Но если клад пролежал в земле много лет, бумага в которую были завернуты золотые кругляши должна была обветшать, да и сами монеты – потускнеть. А тут – новенькое всё, словно из-под пресса. Или как там их штампуют. Загадка.

«Да плюнь ты на них!» – скомандовал он сам себе. Не твоё – и ладно! Живи, как жил. Не приста- ло комсомольцу, едва увидев сокровища, только о них и думать! Нечего делать – поотжимайся ещё, чтобы до пота, до дрожи в руках! Ты нужен сейчас здоровый и сильный! Неизвестно ещё, как будешь до своих добираться. Может, и не на роскошном авто Ольги, а пешочком, пешочком. Ночуя в лесах и питаюсь, чем придётся. А как ты хотел, братец? Война ведь кругом, враги в нескольких шагах.

Вот винтовку с патронами было бы неплохо прихватить. И «маузер». «ТТ». конечно, знатный пистолет. Но патронов к нему – всего две обоймы! А к «маузеру» много можно взять. Вот попадёт он в засаду, расстреляет все патроны из «ТТ», как дальше отбиваться будет? Только кулаками? Или дубину подходящую выломает?

А с винтовкой да двумя пистолетами, своим и трофейным, много дел натворить можно! Через любую засаду прорваться!

«Ишь, развоевался! – одёрнул он себя. – Ты сначала из поместья этого выберись. Так, чтобы незаметно было. И через линию фронта пройди. С боем ведь не прорвёшься».

Ну, из поместья его, наверное, Ольга вывезет. Но на дорогах патрули, так что далеко не уедешь. Жалко с ней, конечно, будет расставаться. А придётся. Не тащить же девушку на войну.

Она и сама не захочет. Симпатии симпатиями, но тут у ней дом, отец, привычная жизнь. Зачем менять?

Денис загрустил. Но, впрочем, ненадолго. Вновь взялся за тетрадку, повторяя слова, выведенные аккуратным почерком. Как он заметил,

Ольга не старалась делать упор на военную тематику. В основном это были житейские, бытовые слова и выражения. Ну, правильно. Военных фраз он и на фронте нахватается. А так, чтобы просто побеседовать о жизни, – без тетрадок не обойтись.

Ночью девушка всё же пришла. Денис как раз задремал и не слышал, как она появилась.

Ольга улыбалась.

– Представляешь, эти два урода, отведав папенькиного вина ещё и за ужином, теперь второе кресло притащили в прихожую и благополучно спят, делая вид, что службу несут. Вот приедет их начальник, да застанет – ох и нагорит им!

– Пусть спят, лопухи. Ты обещала меня на прогулку сводить, помнишь?

– Что, прямо сейчас?

– А чего время тянуть? Соскучился я по свежему воздуху. Заодно и проверишь моё состояние, как я ходить могу.

Ольга колебалась недолго.

– Пошли! Только тихо-тихо, на цыпочках.

Пистолет Денис с собой прихватил. И патрон в патронник загнал. Мало ли что...

Они выбрались из каморки, прикрыли за собой зеркало. Здесь было темновато. Девушка поманила его пальцем, и он последовал за ней к двери в дальнем конце зала.

Какое-то подсобное помещение: швабры, ведра. В общем, разный хлам. Имелось и окно. Узкое, из наборного стекла, изображавшего какую-то картинку. Денис вспомнил название: витраж! Раньше он подобного не видел. Сквозь окно на пол падал лунный свет.

Ольга повозилась у окна, раскрыла его и махнула рукой, дескать айда! Оба они были в тапочках, но как-то забыли об этом и спохватились только в последний момент.

– Разувайся! – шепнула Ольга.

Перелезли через подоконник. Вокруг дома шла посыпанная песком дорожка, на которой выделялась цепочка отпечатков крупных башмаков. «Фалангист ходил» – догадался Денис.

Трава за дорожкой была холодной и немного влажной. Приятно, черт побери! Он вдохнул ночной воздух полной грудью, осторожно выдохнул. Как же надоела эта тесная каморка в зазеркалье, как уже хочется на свободу! И в небо!

А небо было огромным, бескрайним, усыпанным звёздами. И луна сияла так, словно её только что вымыли и протерли чистой тряпочкой. В её свете можно было различить каждую травинку.

Девушка молча стояла рядом. Она словно понимала состояние пилота.

Так продолжалось долго, и Денис почувствовал, что ночная прохлада стала забираться ему под одежду. А каково Ольге было в её халате?

– Все, пошли назад, – прошептал он, – а то замёрзнем тут окончательно!

В доме было действительно теплее. Девушка выглянула за дверь. Вроде бы все спокойно. Обувшись, чтобы не оставлять мокрых следов на паркете, они двинулись к зеркалу. Денис шел первым и уже проскользнул в открывшуюся щель, когда напряжённый слух уловил тихий скрип двери. Ольга мгновенно закрыла тайник и повернулась лицом к входящему в зал фалангисту.

Денису всё отлично было видно и слышно.

Фашист что-то сказал, и девушка ответила ему резко и с вызовом. Пилот вдруг понял, что кое-как, но понимает её слова!

– Не спится! – сказала Ольга. – Я в своём доме и могу свободно по нему ходить! Или не так?

– Конечно, сеньорита! – ответил ей фалангист, немного ошеломлённый ее тоном.

– Вы, кажется, охраняете дом? – напористо продолжала девушка. – Вот и занимайтесь своим делом!

Растерянный стражник скрылся за дверью, а Ольга, помахав перед зеркалом рукой, прощаясь, отправилась к себе в спальню. Так и не проверив «домашнее задание» у Дениса.

Чуть позже дверь в прихожую вновь приоткрылась, фалангист окинул подозрительным взглядом зал, никого не обнаружил и успокоился. Наверняка теперь пожалуется своему напарнику на грубость местной сеньориты. Ну и фиг с ним! Тоже ещё, охранники! Нет, здесь что-то нечисто. С чего бы им пост тут устраивать? Что, на фронте людей вдоволь? Конечно, тут место потеплее, и случайная пуля не грозит. Да и винцо к обеду.

Он на ощупь нашел спички на столе, зажжёт свечу. Спать не хочется. Сначала разминка, а потом за испанский возьмемся. Денис порадовался своим успехам. Вот, уже понимает, о чём Ольга с фалангистом разговаривала!

Ещё два дня прошли спокойно. А на третью ночь Ольга пришла сама не своя. Денис встревожился:

– Что случилось?

Она молча протянула ему номер газеты. Ну, газета как газета. На русском языке. Денис развер-

нул двойной лист серой бумаги. Какие-то статьи, фотографии весело улыбающихся людей.

– Ну и что? – Он поднял на девушку непонимающий взгляд. – Какой-то эмигрантский листок. Нам про такое рассказывали.

– Во Франции выходит. Ты на первой странице погляди!

Денис послушно взглянул. Так, какие-то графья, какие-то суаре (это что за зверь?). А в самом низу небольшая заметка. Заголовок «Красные бегут!» Да с восклицательным знаком! И что написано?

«Как сообщает наш корреспондент из Испании, один из красных авиаторов, сын полковника от кавалерии Игоря Викторовича Вершинина, Денис Игоревич, служивший в Красной армии совершил на своем самолёте посадку в восточной части Испании и заявил, что больше не хочет быть подданным Совдепии, а переходит на сторону франкистских войск. Сейчас он отдыхает в одном из поместий соотечественников, любезно предоставивших ему приют. Но как только здоровье позволит, подаст прошение о предоставлении ему испанского гражданства и будет воевать против своих бывших «товарищей» за установление порядка в этой благословенной стране».

Несколько секунд Денис сидел словно оглушённый чем-то тяжёлым. В голове стоял бессмысленный шум. До сознания никак не могло прийти то, что он только что прочёл.

Потом поднял взгляд на Ольгу.

– Что это значит? Откуда эта брехня?

Та сокрушённо пожала плечами.

– Единственный, кто кроме меня и папеньки знал о тебе, – Юрий Владимирович.

– Какой ещё Юрий Владимирович?! – взревел Денис.

– Я же говорила – тот доктор, что тебя осматривал.

– И где эта сука сейчас?

Пилот достал пистолет и лихорадочно проверял его. Выщелкнул обойму, осмотрел патроны.

– Машина у тебя на ходу?

– На ходу. Что ты собираешься делать?

Денис злобно усмехнулся.

– Поеду к этому доктору и пристрелю, как собаку!

– Но может, это не он написал?

Денис оскалился.

– Ты сама только что сказала, что кроме вас троих обо мне никто не знал! Ни ты, ни твой отец такой пасквиль написать не могли! Ведь верно?

Девушка, глядя на него испуганными глазами, кивнула.

– Тогда остается только этот костоправ!

Ольга задумалась.

– Ты представляешь, какой переполох поднимется? Известный доктор, уважаемый человек убит у себя дома! Тут все власти, что называется, на уши встанут!

– Уважаемый? – Денис снова оскалился. – Будет ему уважение! Принеси какую-нибудь одежду! Не в халате же мне ехать!

Ольга молча скрылась за зеркалом. Вернулась она скоро. И не одна. Вместе с ней пришёл сам граф. Раньше он никогда не бывал в этом тайном закутке.

Александр Петрович был не на шутку взволнован.

– Молодой человек! Я понимаю, что вы до глубины души возмущены этой заметкой! Но кто же знал, что Юрий Владимирович окажется столь непорядочным человеком?

– Непорядочным? Да он просто скотина!

Денис просто кипел от бешенства.

– Меня, комсомольца, красного лётчика так оклеветать!

– Ну, предположим, доля правды в этой заметке есть.

Он двумя пальцами отвел в сторону ствол «ТТ» и только тут Денис понял, что пистолет направлен графу прямо в живот.

– Какая, к черту, доля правды? Вы что, с ума сошли?

– Прежде всего, успокойтесь, – сказал Рязанцев мягко. – И давайте подумаем вместе.

– О чём тут думать! – опять едва не взорвался Денис. – Какая правда? Вы что, верите этой писанине?

Он потряс газеткой перед носом графа, но тот даже не отодвинулся.

– Вот послушайте, – мягким тоном начал он. – Да, вы разбились именно на восточном побережье страны. Это раз. Да, мы дали вам приют и прятали от фалангистов. Это два. По всей видимости, вы действительно являетесь сыном царского полковника, и только благодаря неизвестным нам добрым людям в этом, как его, сиротском приюте...

– У нас это называют детским домом! – хмуро поправил Денис.

– Неважно, – отмахнулся граф. – Благодаря им ваша тайна была сохранена, и вы продолжили нормальную жизнь. А представьте, что бы случилось, узнай власти о вашем происхождении?

– У нас сын за отца не ответчик! – буркнул Денис.

– Ещё как ответчик! – загорячился Александр Петрович. – Вы думаете, что если мы живём вдали от родной земли, то совсем уже не представляем, что там происходит? Ошибаетесь! Ни в какое лётное училище вы бы точно не попали! И уж тем более, никто бы и не подумал послать вас в Испанию! Максимум, на что вы могли бы рассчитывать – это должность дворника или лесоруба в тайге.

– У нас любая работа почётна! – вновь буркнул Денис.

– Но неба в таком случае вы не увидели бы как собственных ушей!

Похоже было, что граф начинает горячиться.

– Итак это – тоже частица правды, – загнул Рязанцев третий палец.

– А всё остальное? Вся эта брехня насчёт моего дезертирства? – не сдавался Денис.

– Ну, – развел руками хозяин финки, – это уже действительно на совести нашего доктора. Привиделось старику что-то, выдал желаемое за действительное!

– И что мне теперь делать? – взвыл Денис.

– Вы будете удивлены, но ничего! – улыбнулся граф.

– Как это – ничего? – поразился пилот. – Да у нас за такое морду бьют! А в военное время вообще расстреливают!

– Что вы, батенька! Окститесь! Вы, молодой, уже практически здоровый – будете бить по лицу старика? Или, не дай Бог, даже застрелите его? Нет, не спорю, наказать его как-то нужно. Подумаем, что-нибудь изобретём. Понимаете, – пере-

шёл он уже на совсем доверительный тон, – здесь, в провинции, несмотря на войну, всё равно нравы мирные спокойные. Никто ни в кого не стреляет.

– А фашисты?

– Разве это люди? – пренебрежительно отмахнулся Рязанцев. – Так, быдло, дорвавшееся до власти. Я понимаю, в России нравы несколько другие, тем более после мировой и гражданской войн. Но ведь тоже всё сейчас успокоилось. Ну, почти успокоилось.

Денису отчего-то вспомнились рассказы полушёпотом о том, что вот, ночью приехали, кого-то забрали и больше о них никто не слышал. И не единственный такой случай. Но ведь брали-то врагов! Вредителей! Шпионов! Не так уж всё и спокойно сейчас в Советском Союзе...

Он уже почти пришёл в себя. Пальцы, до этого судорожно сжимавшие рукоятку пистолета, расслабились.

– Так что продолжайте лечиться и ни о чём плохом не думайте, – увещевал граф. – А с доктором мы сами разберёмся.

Ольга на протяжении этого разговора молчала. Ну, понятно, авторитет папеньки непререкаем. Как он сказал, так и будет.

Они ушли, пожелав ему спокойной ночи. И газетёнку эту паскудную с собой унесли. Чтобы его не раздражала, наверное.

Что интересно, ни один из фалангистов за это время в залу не заглянул, хотя разговаривали они довольно громко.

Заснуть этой ночью он так и не смог. Ну, что он сын какого-то там полковника (царского!) – наплевать и забыть! Всё это ещё бабушка надвое

сказала. Мало ли бывает совпадений! Вершинных не то чтобы половина Советского Союза, как, к примеру, Ивановых или Смирновых, но хватает с избытком. Тут граф с докторишкой этим явно лопухнулись.

Но ведь газетка эта, паскудный листок, обязательно попадет в руки КОМУ НАДО! И вот это уже погано. ТАМ могут придумывать чего угодно. Тем более, что он с вылета действительно не вернулся и знать о себе не даёт.

А как тут подашь? Письмо написать: дескать, жив, здоров, только сбили немножко, но как только вернётся, готов будет продолжать борьбу за дело Ленина-Сталина и сбивать фашистских гадов с удвоенными силами!

Написать-то можно. Но вот как переслать? Надо завтра Ольгу озаботить этим. Не может быть, чтобы не было у неё связей каких-нибудь, оказии.

Вот ещё Ольга со своим папенькой... Получается, что пряча здесь его, Дениса, они сами очень сильно подставляются? А если фалангисты устроят действительно серьёзный обыск дома? Со всем тщанием? Обязательно ведь найдут прячущегося русского пилота! И тогда не только ему не повезёт, но и хозяевам финки не поздоровится! Могут и расстрелять. Сейчас, во время войны, это запросто делается. Выведут, поставят к стенке и – огонь! А хозяйство к государству отойдёт в возмещение морального ущерба.

Надо об этом тоже с Ольгой и Александром Петровичем серьёзно поговорить.

Вывод один – как можно быстрее отсюда бежать и пробираться к своим. Ничего, разберутся, какой он там полковничий сын.

Главное, за всю его не такую уж длинную жизнь ни разу никто не упоминал о его родителях! Тогда в детском доме много таких было, что не знали ни отца, ни мать. Дети – и всё! Хотя... один воспитатель, математик, злобный и оттого сухой, как палка (у него и прозвище было – Сучок), в очередной раз разозлившись на какую-то шкоду Дениса, обозвал его «графёнышем», за что и получил короткий и резкий тычок в бок от преподавателя физкультуры Сан Саныча. Этого дети любили и даже обидной клички не дали. Сучок заткнулся и больше обидного слова не повторял, хотя, кажется, Дениса невзлюбил ещё больше.

Со временем это происшествие забылось, а вот сейчас почему-то всплыло в памяти. Видимо, было что-то, какое-то тёмное пятно в прошлом у пацана.

Ну, ладно, потом будем с этим разбираться. Сейчас же нужно думать, как пробраться к своим. Ольга намекала, что у неё есть какой-то хитрый план, но подробностей не выдавала, только заставляла Дениса усерднее налегать на испанский.

Так и быть, месть этому языкатому как его... Картузову! – отложим на потом. Хотя очень хочется по-простому, рабоче-крестьянскому, дать в рыло! Чтобы не сочинял впредь басен. Александр Петрович обещал с ним разобраться. Но что может какой-то граф, да ещё иностранец? На дуэль вызовет? Смешно!

И задерживаться у гостеприимных хозяев тоже не следует. Газетёнка могла попасться на глаза какому-нибудь местному начальнику. Совсем не хочется, чтобы Рязанцевы пострадали.

Пойти посмотреть, чем там Ольга занимается? Ну, во-первых, неудобно подглядывать за девуш-

кой. А во-вторых, спит она, скорее всего. Нечего без дела по тайникам лазить. Тем более, что он так и не выяснил, кому этот тайник принадлежит. Копаться в чужих тайнах Денису не хотелось.

Нет, всё же надо написать своим! Вдруг да получится письмо переправить! Всё-таки душа его была беспокойна после заметки в этой распроклятой газетёнке. Но кому писать? Командирам? До них его сообщение наверняка попадет в руки ЭТИХ, можно не сомневаться. А уж ОНИ сделают свои выводы. Какие – и представить страшно. Имели место прецеденты...

Нет, так нельзя. А вот Саньке Макарову, дружку закадычному, такому же, как он, военлёту, черкнуть стоит. И выспросить у него, что о Денисе думают и говорят ребята и начальство. Тот сумеет всё узнать досконально. Решено! На конверте так и напишем: «Камарада Игнасио, в собственные руки». Под таким именем Санька здесь воюет. Где у нас тетрадка, там ещё чистые листки остались?

Письмо он, конечно, написал. И в подробностях сообщил, что с ним произошло в действительности. Но подумав, не стал указывать, где именно он скрывается. Сообщение могло попасть не в те руки и, страшно подумать, что тогда начнется! Фалангисты прочешут здесь каждый сантиметр и непременно найдут и его укрытие, и тайник с золотом и оружием. Хозяину финки тогда не позавидуешь... Да и его собственная судьба представлялась в достаточно мрачном свете.

Об этом он Ольге рассказал, когда та ночью пришла навестить его. И письмо тоже показал, попросив найти конверт.

– Конверт я тебе, конечно найду, – как-то нерешительно сказала девушка. – Но вот каким образом ты собираешься отправить его адресату? Тем более, как я поняла, адресат этот такой же русский авиатор и находится где-то около Мадрида.

– Ну, – поморщился Денис, – во-первых, не русский, а советский...

– А что, советский перестает быть русским? – с явной порцией яда в голосе перебила его Ольга.

Денис немного смешался.

– Вообще-то, в коммунистическом будущем национальность не станет играть никакой роли, – промямлил он. Ольга отступить не захотела.

– Что, так и будут все говорить: «Мы – советские!»? И китайцы тоже? И африканские негры?

Военлёт тоже не хотел сдаваться.

– Будут! – упрямо тряхнул он головой.

– Та-ак, – зловеще протянула девушка. – Кажется, начинаю понимать. Наций не будет, всё будет общим... И жёны тоже? Правду о вас в газетах пишут, получается...

– Да ничего не получается! – взвился Денис. – Где ты только такого нахваталась, в каких газетах?

– Да в любых! Не знаешь, почему к русским везде относятся с опаской? Так я тебе скажу! Потому что вы – пример для всего мира, как не надо жить!

Денис просто оторопел от таких слов. И не знал, что ответить. Он просто не понимал причины ее гнева. Он ведь только хотел, чтобы Ольга помогла ему переправить письмо другу. Он даже не написал, где именно прячется сейчас. Нельзя было подставлять... Да что там, предавать старого графа и его дочь! Фашисты ни за что их не пожалеют! Именно это он собирался сказать девушке. А она...

Больше не обращая на Ольгу внимания, Денис стал собирать свои вещи. Правда, у него почти ничего и не было. Пистолет, запасная обойма, тетрадка с уроками испанского. Одежда...

– Верни, пожалуйста, мой комбинезон, – попросил он.

– Зачем он тебе? – изумилась девушка.

– Должен же быть как-то одетым.

– Но ведь у тебя есть одежда!

– Не хочу быть ничем вам обязанным. Переодеюсь в комбинезон и уйду. Спасибо, что приютили, но больше не могу оставаться здесь ни минуты. Вы и так сильно рисковали, приютив советского лётчика. Могут быть большие неприятности.

До Ольги наконец дошло, что собирается сделать этот парень. Она мгновенно выхватила из его рук тетрадку.

– Ты никуда не пойдёшь!

– Да, это ты верно сделала. Могут определить по почерку, что писала ты. Оставь её себе, а лучше сожги. Все слова и выражения, что там есть, я уже запомнил. Если понадобится, я теперь смогу кое-как объяснить, узнать дорогу...

– Ты никуда не пойдёшь!

Теперь в голосе девушки звучал испуг, и слышались подступающие слёзы. Денис истолковал это по-своему.

– Не бойся. Если меня схватят, обещаю, что ни за что не выдам вас. Хоть в это поверь...

Больше он ничего не успел сказать, потому что на него сразу обрушились и наконец хлынувшие слезы, и лихорадочным потоком льющиеся слова. А кроме того, его обнимали с такой силой, что не то что вырваться, но даже пошевелиться не было ну никакой возможности...

Они не заснули до самого утра. Точнее, до предутренних сумерек.

– Как я теперь твоему отцу в глаза смотреть буду? – уныло проямлил Денис, сидя на краю постели.

Ольга беспечно отмахнулась.

– Не надо на папеньку смотреть виновато. Я взрослая девушка и сама отвечаю за свои поступки. Как-нибудь разберусь.

– Ну да, разберёшься. Мне ведь жениться на тебе теперь надо...

Она устроилась рядом с ним.

– Это ты как порядочный человек говоришь?

– А что, я до этого был непорядочным? Ну подумай сама: кто ты и кто я? Война кругом, меня сбить могут. Вдовой останешься? Кроме того, я вообще не представляю, как это нам сделать!

– Что именно сделать? – с подозрением спросила Ольга.

– Ну, это... Расписаться, документы какие-то оформить.

– В каком смысле расписаться? – не поняла девушка.

– В самом прямом! Ты хоть и русская, но все равно – иностранная гражданка. Я тут вообще по документам не существую.

– Как это не существуешь? Вот же ты!

– У нас удостоверения личности ещё на пароходе отобрали и оставили только справки с испанскими именами. Помнишь, когда ты меня подобрала, я Мануэлем назвался? Вот теперь я и значусь здесь, как Мануэль. У наших всех тоже эти, как их... А, вспомнил, боевые псевдонимы! Вон, Санька Макаров – Игнасио. Ну, и другие, кто

как. Мы знаем, кого как по-настоящему зовут, а для посторонних и псевдонимов хватит.

– Как у вас всё сложно, – задумчиво сказала Ольга. – Что, и в церкви вас не венчают?

– Окстись, какая церковь! У нас она давно уже отделена от государства! Религия – опиум для народа!

– И детей вы не крестите?

– Ни за что!

– Вот бред-то какой! Чего же ты крестик носишь?

Это было правдой. Крестик у Дениса был. Но он тщательно это скрывал даже от друзей. Не говоря уже о начальстве и комсомольских вожаках. Крестик он хранил, как возможное воспоминание о родителях, которых совершенно не знал.

– Если крестик есть, значит тебя крестили! – безапелляционно заявила девушка. – Ты, наверное, совсем маленьким был, когда крестили. Вот и не помнишь.

Денис задумался. Как ни крути, а Ольга была права. Не мог этот поповский символ просто так появиться у него на шее. Значит, что-то всё же было. В младенчестве. Ну, в конце концов не его в этом вина.

– Так, – засуетилась Ольга. – Мне уходить надо, а то фалангисты проснутся!

Как накаркала! В зал заглянул тот самый уса-тый фашист. С подозрением оглядел помещение, пошевелил усами и вновь скрылся за дверь.

– Вот, – расстроилась девушка. – Как мне теперь в спальню пробираться? Скоро ведь и папенька проснётся!

Денис решился.

– Никуда тебе спешить не надо. Прямо отсюда в спальню попадёшь! Пойдем покажу!

Потайной ход привёл девушку в полнейшее изумление. Оказывается, не всё она знала о своей финке!

Но времени на то, чтобы её успокаивать, у военлёта не было. Тщательно прикрыв за Ольгой дверь, он глянул на ящики с сокровищами и, торопливо вернувшись в свою каморку, занялся тетрадкой с испанскими выражениями. Зарядку сегодня делать ему почему-то не хотелось.

Обед девушка ему доставила уже из своей спальни. Чмокнула в щёку, сунула чистый, непривычно длинный конверт и тут же исчезла, даже ничего не спросив о таинственных ящиках. Денис понял, что все расспросы она оставила на потом. Ещё раз внимательно перечитал своё послание Макарову, убедился, что всё правильно, запечатал конверт, но подписывать не стал. Решил сначала посоветоваться с любимой.

То, что он любит Ольгу, у него никаких сомнений не вызывало. Как говорится – втюрился. Причём по самые уши. И что с этим делать, он совершенно не представлял. Жениться надо – это само собой. Но вот как? Даже в недавнем прошлом своём положении, будучи советским военлётом, помогающим испанским республиканцам, сделать это было весьма затруднительно. Да невозможно, чёрт побери! Не было таких случаев, чтобы советский человек женился на испанке! В данном случае, конечно, не совсем на испанке, но на гражданке Испании, но это ничего не меняет. Кто ему позволит сделать такое? Просто скомандуют: «Отставить жениться!» И всё, ваши не пляшут!

Но выполнить такую команду он не сможет? Нет, конечно. Тогда какой он советский военлёт? Тут предательством Родины попахивает!

Никакого выхода нет. То есть, абсолютно!

Так! А не оставить ли всё это на потом, на когда разъяснится с его текущим положением? Он ведь совсем не представляет ситуацию в полку. А также то, как к нему сейчас относятся товарищи. И – командиры... Они ничего не знают о его судьбе. Если та паршивая газетёнка попала к тем, кому следует, то, скорее всего, его и взаправду считают предателем. А с такими все просто: трибунал и к стенке! Может быть, конечно, разберутся и оправдают. Но это когда ещё будет... Да и будет ли вообще? Сильные сомнения имеются. На памяти Дениса подобного не случалось, однако нетрудно представить, зная нынешнюю международную обстановку. Лучше уж, чтобы он действительно разбился на своем «курносом»! Нет, надо обязательно письмо Саньке отправить! Непонятно, как? Но Ольга обязательно придумает!

Денис валялся на постели, читая «Войну и мир» Толстого, который мало что был графом, так ещё и почти половину романа написал по-французски! Он, наверное, думал, что его читатели все поголовно этот язык знают. Ну, как же, граф! И тосклива эта книжка была до невыносимости! Ольга принесла толстый томик несколько дней назад, велела читать. «Для поднятия общего уровня культуры», как она выразилась. Денис фыркнул, решил про себя, что ни фига такую ерунду читать не будет.

Но со временем не поспоришь. Он, конечно, старался изнурять себя физическими упражнениями, зубрил испанский, но того самого свобод-

ного времени у него оставалось с избытком. Вот и стал он продираться через витиеватый стиль графа-писателя. Многое ему было просто непонятно. Все эти семейные дразги, запутанные отношения между героями были ему скучны, вызывали только зевоту, и если бы не Ольга, он эту белиберду ни за что не взял бы в руки.

Нет, читать он любил и, по сравнению со своими приятелями, авиаторами и техниками, начитан был основательно. Над ним даже посмеивались. Не зло, но все-таки немного обидно. Но с этим ничего поделать было нельзя. Смеются? Пусть себе смеются! А он вместо того, чтобы играть, например, в шахматы, предпочитал уткнуться в растрёпанную книжку какого-нибудь Жаколио или Буссенара и следить за приключениями (выдуманскими, конечно) героев. Там тоже порой встречались бароны или графы, но они хоть по-французски между собой не говорили! Авторы, правда, французы... Ну, так и что? Переведено ведь на русский!

Вот так, продираясь сквозь хитросплетения графского романа, он и провёл весь день. А ночью пришла Ольга.

И была она очень задумчивой. Денис поначалу решил, что это из-за прошлой ночи, но на прямой вопрос девушка покачала головой.

– Тут такая история, – нерешительно начала она. – Встретила я одного человека...

– Кого это ещё? – встрепенулся Денис.

– Я и сама не пойму. Но откуда-то он тебя знает. И то, что ты у нас прячешься, – тоже.

У Дениса всё оборвалось внутри. Ну, вот, нашли его. И что теперь делать? Бежать, немедленно бежать!

Он даже вскочил с кровати, но Ольга подняла ладонь:

– погоди, дай рассказать!

И едва ли не силой усадила его.

– Я поехала на давилъню, надо было кое-что посмотреть там. И у входа встретила его.

– Как он выглядел?

– Странноватый такой дядька, высокий, с узким лицом, лет пятидесяти. одет как городской житель. Но не местный, а вроде француза. Или англичанина.

– Старик?

– Он не кажется стариком. Подтянутый, видно, что мускулистый.

– И что было дальше?

– Говорит он чисто. Начал по-испански, а потом перешёл... на русский!

– Что?

– Вот именно, на русском мы с ним дальше разговаривали.

– О чём?

– Сначала он меня начал успокаивать. Дескать, не хочет нанести вреда ни нам с папенькой, ни нашему неожиданному гостю. То есть тебе. Он тебя даже по имени назвал!

– Кто же это такой? – озадачился Денис. – По имени меня здесь только вы знаете, да в полку. А так мы все под псевдонимами, я тебе рассказывал.

– Не представляю. Но он сказал, что ему необходимо встретиться с тобой.

– Вот так прямо и сказал – встретиться со мной?

– Да. И что от этой встречи зависит наше с тобой будущее.

Денис озадачился ещё больше.

– Так он и про нас с тобой знает?

– Выходит, что так.

– Ничего не понимаю.

– А уж я-то...

Некоторое время они помолчали, потом Денис решительно тряхнул головой.

– Где наша не пропадала! Когда и где назначена встреча? Интересно мне на этого всеведущего посмотреть!

Ольга подняла виноватый взгляд.

– Сейчас. То есть сегодняшней ночью. Он будет ждать недалеко от финки.

– Тогда давай собираться, чтобы время не терять.

Пистолет, проверив и загнав патрон в патронник, он, естественно, взял с собой, сунув сзади под рубашку.

Уже проверенным путём выбрались наружу.

– Куда теперь?

Ольга молча взяла его за руку, повела за собой. Шли тихо и через пять минут оказались на полянке, скрытой в подступающем к финке лесу.

– Подождём здесь.

Садиться на траву Денис не стал, прислонился спиной к дереву, настороженно оглядываясь по сторонам.

И всё же пропустил момент, когда на противоположной стороне поляны возникла темная фигура. Он сжал в ладони рукоять пистолета.

– Не тревожьтесь, Денис Игоревич, – раздался негромкий голос. – Я тоже вооружён, но стрелять не собираюсь. Нам нужно просто поговорить.

Денис сглотнул.

– Кто вы такой?

И понял, что разговаривают они на русском.

– Называйте меня Штефаном. Ну, или Степаном, если вам будет так удобнее.

– И о чём же пойдёт разговор, Штефан?

– Позвольте подойти ближе. Неудобно всё же ночью перекрикиваться. Ещё услышит кто-нибудь.

– Что ж, подходите.

Тёмная фигура приблизилась.

– Ну вот, так лучше. А разговор у нас пойдёт о вас, о вашей дальнейшей судьбе. Ваша подруга, наверное, уже сообщила, о чём я ей успел сказать.

– В общих чертах.

– Хорошо. Вам нельзя дольше оставаться в этом поместье.

– Почему это?

– Местный корреспондент парижской газетки практически выдал ваше местопребывание. И в самом скором времени сюда заявятся или карательные органы фалангистов или дальняя разведка НКВД.

– А что, такая существует? – усомнился Денис.

– К величайшему сожалению. И предателей Родины они очень не жалуют.

– Да с какого хрена я – предатель Родины? – в отчаянии почти выкрикнул Денис. – Случайно попал сюда!

– Тихе, тихе, не надо эмоций! – поднял руки успокаивающим жестом Штефан. – Не забывайте, фалангистская охрана уже здесь. И хотя несёт службу спустя рукава, в любой момент может проснуться. Не все так трагично, молодой человек. Вы же боевой авиатор, хладнокровнее надо быть. Давайте поговорим и всё разложим по полочкам.

Денис вытер внезапно, несмотря на ночную прохладу, вспотевший лоб. Кивнул успокаиваясь.

– Давайте поговорим.

А что ему ещё оставалось?

– Вот и славно, – сказал Штефан. – Прежде всего, расставим точки над «и».

Денис не очень понял, что это значит, но промолчал.

– Итак, для советского командования вы являетесь предателем и перебежчиком. Пока не доказали обратного. Сейчас такие времена, что оказаться и тем и другим в глазах органов – раз плюнуть.

Несмотря на то, что Луна светила достаточно ярко, Денису никак не удавалось рассмотреть лицо Штефана. Ольга стояла рядом и молчала.

А этот таинственный Штефан-Степан продолжал:

– Я предлагаю вам достойный выход из столь затруднительного положения.

Денис не проронил ни слова.

– Это рискованно, но выполнимо. Нужно всего лишь добраться до Барселоны. На автомобиле. Вы ведь водите авто?

– Нет, – разлепил наконец губы Денис.

– Это хуже.

Даже в темноте можно было понять, что лицо Штефана скривилось.

– Придется искать шофёра.

Тут подала голос Ольга.

– Я умею водить автомобиль.

– Прелестно! – обрадовался Штефан. – Как я понимаю, вам все равно пришлось бы ехать вдвоём?

– Да! – уверенно подтвердила Ольга. И Денис неожиданно осознал, что действительно его судь-

ба накрепко связана с судьбой этой необыкновенной девушки.

– Ну, что же, эта проблема решена. Теперь вот ещё что. В Барселону вы поедете не просто так. С вами будет груз. Очень ценный.

– Для кого ценный? – спросил Денис. Он как-то терял связь с реальностью. Таинственный незнакомец, опасная поездка, ценный груз. Авантюрный роман какой-то...

– Не для Франко, успокойтесь. Для республики. И этот груз ни в коем случае не должен попасть в руки фалангистов. Даже ценой ваших жизней, если хотите совсем откровенно.

Да уж, хорошая перспективка, подумал Денис. С другой стороны: а что ему терять? Разве что жизнь Ольги...

– Не пойдёт, – твёрдо сказал он. – Девушка не будет участвовать. Ищите водителя.

– С чего бы это? – уставилась на него Ольга. – Куда ты, туда и я! И не обсуждается!

– Я не могу тобой рисковать, – постаравшись по возможности смягчить тон, сказал Денис. – Как я понимаю, это действительно опасно.

– А для тебя, значит, опасности нет?

– Я военный, это моя работа.

– А я жена военного!

– Ты мне пока не жена!

– Значит, буду!

Штефан молча слушал их перепалку, и Денису показалось, что тот улыбается. Вот же гад! Весело ему!

– Ну вы хоть ей скажите!

– Что я могу сказать? Любимые ругаются – только тешатся!

Похоже было, что этому паразиту действительно нравилась перепалка влюблённых.

– Ладно, – отмахнулся Денис. – Потом поговорим. Так что за груз?

– Об этом вы узнаете в последний момент. Теперь слушайте внимательно...

xxx

Ехать решено было на «Испано-Сюизе» Рязанцевых. Машина представительная, не каждый решится такую остановить. Но и на случай остановки каким-нибудь патрулём Штефан заготовил убедительные документы. Для Ольги и её слуги. То есть Дениса. Тому, с его зачатками испанского, предлагалось изображать немого и только мычать невразумительно. Денис покривился, поругался в душе, но согласился. Действительно, начни он вступать в разговор, его тут же возьмут на мушку. Несмотря на ежедневные уроки испанского, и самостоятельные, и под контролем Ольги, сойти за аборигена у него вряд ли бы вышло.

Но вот что интересно. Граф Александр Петрович, узнав, что дочь собралась ехать в Барселону, совсем не удивился. Молча покивал и ушел к себе в кабинет, прихватив графинчик красного вина. Похоже, он что-то знал о предстоящей авантюре (или по-испански – авентуре) Ольги и смирился заранее. Спрашивать графскую дочь об этом Денис не решился. Не хотелось ему так уж глубоко вникать в родственные отношения. Не протестует бурно отец против отъезда дочери, вот и хорошо.

Он продолжал безвылазно сидеть в потайной комнате за зеркалом, поскольку фалангистскую

стражу никто не отменял. Все заботы по сборам взяла на себя Ольга. Упаковала два аккуратных чемоданчика, скрытно отнесла в автомобиль. Съездила заправиться, собственноручно помыла, не побрезговала. Вообще девушке были несвойственны все эти барские привычки: «На то слуги есть!». Всё, что можно было сделать своими руками, она делать могла. Призналась мимолётно, что и готовить вполне умеет. Это радовало.

Отъезд назначили на утро. Ночью Денис должен был выбраться из дома и дожидаться Ольгу в нескольких километрах по дороге в Барселону. А то как бы он выезжал из поместья? Скорчившись на полу под ковриком? А если стражникам захочется машину досмотреть перед выездом?

Но всё прошло спокойно. Денис, затаившийся в кустах на обочине, ещё издали услышал приглушённый шум мотора, взглядевшись, убедился, что Ольга одна и вышел на дорогу.

– Ну что, мой немой слуга, двинулись? – рассмеялась девушка, когда военлёт сел на соседнее сиденье.

Денис идиотски оскалился и заукал, словно младенец.

– Эй, эй! – испугалась Ольга. – У меня слуга только немой, а не придурок из сумасшедшего дома!

– Не будешь дразниться, – хладнокровно парировал лётчик. – Слугу нашла. А то так и буду рожи корчить всю дорогу.

– Всё, всё, закончили войну! – девушка оторвала руки от руля и помахала ими в воздухе. – Я не собиралась тебя обижать! Просто пошутила.

– Закончили, – согласился Денис. – А что за

груз везём? Ну, про который этот Штефан говорил.

– Ящики погрузили, Те, которые в тайнике стояли.

– С золотом и оружием? – возбудился Денис.

– Именно.

– Н-да... Если нас с ними застукают, то тут конец нашему путешествию и настанет. И нам соответственно.

– Отец со Штефаном их хорошо замаскировали. Там в багажнике потайное отделение имеется. Ни за что не отыщешь, если секрета не знаешь.

– Так Штефан на финке был?

– Оказывается, они с папенькой – старые знакомые. Только вот откуда друг друга знают, не сказали. А я себе в дорогу вот что отжалела!

И она продемонстрировала новенький «маузер», вероятно, один из тех, что были в ящике с оружием.

– Доверили? А стрелять из него ты умеешь?

Денис взял тяжёлую игрушку, покрутил перед носом. Оружие было заряжено.

– Не беспокойся, я только на вид такая мирная. А в действительности – ого-го! – рассмеялась девушка, отобрала пистолет и ловко спрятала его под сиденье. Как будто проделывала это сто раз.

Интересные открываются подробности, подумал Денис. Граф, который хранит таинственные сокровища. Его дочь, умеющая стрелять из «маузера». Ох, не всё я знаю об этой семейке, далеко не всё! Ладно, оставим разборки на потом.

А вокруг расстилалась Испания. Впрочем, ничего особенного в этом пейзаже не было. Ну, поля, ну, виноградники, ну, зеленые холмы. Какие-то

деревушки в отдалении. Почти как в Советском Союзе. Правда, виноградников Денис в Союзе не видел, не в тех широтах жил. А дорога похожа. Не грунтовка, посыпана гравием, но всё же...

Он ни за что не согласился бы на эту поездку. И дело не в том, что она рискованна. Просто не видел в ней смысла. Ну, съездят они в эту Барселону, что-то там отвезут. Если доберутся благополучно. И что? Что дальше? Полная неизвестность. Он так и останется в глазах товарищей и соответствующих органов предателем и перебежчиком.

Но таинственный Штефан дал ему надежду. Груз, который они доставят, послужит укреплению республиканской Испании и приблизит победу над франкистами. А это в какой-то мере реабилитирует его, Дениса. Ведь не просто так отсиживался на графской финке, а в некотором роде сражался, выполнял секретное задание. Легче будет оправдываться перед командованием и опять же представителями органов. Сбили, да. С кем не бывает? Но практически остался в строю, продолжил войну на земле, не сдался. А значит, не предатель, а свой, советский!

Вот такими мыслями он себя успокаивал. Очень уж убедительно говорил Штефан. Но, если честно, заноза в душе оставалась. Всё это пока только слова. А как будет на деле? Вот то-то...

И они продолжали ехать равномерно и плавно, не сбавляя хода, изредка переговариваясь о пустяках и думая о том, как далеко ещё до Барселоны. По расчётам и карте оставалось километров триста, когда их впервые остановил пост фалангистов.

Как и было обговорено, Ольга послушно затормозила и предъявила подошедшему сержанту

их проездные документы. Сержант оказался не занудой, особенно докапываться при виде симпатичной девушки не стал, заглянул в салон, проверил багажник и отпустил с миром, предупредив, что здесь недалеко до линии фронта и как бы им не напороться на рыскающих повсюду бандитов. На что Ольга весело ответила: мол, ехать им осталось всего ничего, и с божьей помощью они доберутся.

Но со следующим постом, буквально через десяток километров, всё так просто не обошлось. Холёный офицерик, этакий истинный испанский идальго, был подозрителен и насторожен. Для начала он объявил, что в зоне боевых действий их бумаги недействительны, затем и вовсе посчитал их фальшивыми. Двое солдат его поста тут же угрожающе направили винтовки на пассажиров автомобиля. А лейтенант полез в багажник.

– Приготовься, – одними губами шепнул Денис Ольге и незаметно под курткой снял пистолет с предохранителя. Патрон в патронник он загнал заранее. Девушка сунула руку под сиденье.

Со стороны багажника внезапно раздался торжествующий рёв офицера. Видимо, нашел тайник, собака!

– Огонь! – скомандовал Денис и первым выстрелил в стоявшего дальше от него фалангиста. Ольга не промедлила и секунды, свалив ближнего солдата. Оставался ещё офицер, но когда Денис выскочил из машины с пистолетом наготове, всё оказалось кончено. Испанский идальго валялся на щебёночном покрытии, всё ещё сжимая в пальцах револьвер, но уже не в состоянии им воспользоваться. Дыра в голове свидетельствовала об

этом с полной достоверностью. Причем, выстрела Денис совершенно не слышал. Он с удивлением уставился на труп. Ну не сам же этот фашист застрелился?!

Оказалось, что да, не сам. С близкого холмика к машине легкой походкой спустился... Штефан! Он прятал под плащом что-то похожее на пистолет, но с длинным стволом и прикладом.

– Хорошо, что я решил подстраховать вас, – сказал Штефан.

– Сами бы справились, – пожал плечами Денис. – И на кой черт вы отправили нас, когда и сами могли бы все прекрасно сделать? Умения вам, я вижу не занимать!

– Но ведь должен был я дать вам шанс на реабилитацию перед своими? А также позаботиться о вашем семейном счастье.

Сомнительные были, конечно, аргументы. Но уж какие есть...

Сейчас, при свете дня, лицо Штефана можно было рассмотреть детально. Высокий, с залысынами, лоб, чёрные, без малейшего следа седины, немного длинноватые волосы, прямой нос и тонкие, в ниточку, губы. Почему-то Денису показалось, что так должен выглядеть анархист! Ещё и этот чёрный кожаный плащ...

Анархистов он в Мадриде видел. Издалека. Но те были сильно навеселе, обвешаны оружием и громкоголосы. Штефан голоса не повышал, спиртным от него не пахло, и странную свою винтовку прятал под плащом. Но всё же было в нем что-то нестандартное, нестроевое. Не был он военным. Хотя, надо признать, с оружием обращался умело.

– Маршрут вам придется несколько изменить,

– сказал Штефан. – Впереди линия фронта. Но она не сплошная, имеются дыры и значительные. Достаньте карту. Сейчас свернете и сельскими дорожками поедете вот так...

– А вы разве не с нами? – спросила подошедшая Ольга. Её, похоже, совсем не удивило неожиданное явление этой таинственной личности. И Денис в который раз дал себе обещание по прибытии в Барселону как следует расспросить девушку обо всех нестыковках этой истории. В дороге проводить дознание не следовало – ещё рассорятся.

– Нет, – ответил Штефан. – Меня здесь не было. Встретимся в Барселоне завтра в полдень на Рамбле. Там кафе есть «Мой ослик и я». До этого ни с какими официальными властями не общайтесь. Снимите номер в отеле «Мимика», это в переулке рядом с Рамблой. Гараж у них имеется, и номера должны быть. С вашими документами въезд в город труда не составит. Республиканцы одновременно и подозрительны, и либеральны. А попросту – разгильдяи! Теперь помогите мне убраться.

Они стащили тела убитых фалангистов в ложбинку неподалёку от дороги, так, чтобы не было видно с дороги. Транспорта у франкистов не имелось, что было странно. Вероятно, казарма или лагерь располагались достаточно близко от места дежурства, и пришли эти гвардейцы сюда пешком.

– А теперь – в автомобиль и ходу! – скомандовал Штефан. Сам же направился в ту сторону, откуда появился незадолго до стрельбы.

Денис и Ольга послушно усадились в «Испано-Сюизу» и, следуя указаниям их «куратора», свернули на узенькую грунтовку, петляющую между холмами.

Как и предсказывал Штефан, линию фронта они пересекли безо всяких затруднений. Вернее, они даже не заметили, как её пересекли. Никаких звуков перестрелок или артиллерийских дуэлей слышно не было. Но внезапно на дороге возник патруль, одетый разнообразно, но имевший на головах смешные пилотки.

– Республиканцы, – сказала Ольга и остановила автомобиль.

Начальник поста, на вид явно из крестьян, повертел в руках предъявленные документы. Читать он, что ли, не умел? Спросил о конечном пункте их поездки, на что Ольга легко соврала, что едет к тётушке в Барселону, та приболела и позвала племянницу помочь по хозяйству.

С тем они и были отпущены. Никакой подозрительности, никакого насилия. Ох, и нравы у них тут!

В Барселоне Ольга бывала, поэтому, попетляв по улочкам, они без труда добрались до центра. По дороге Денис выяснил у подруги, что Рамбла – это такой знаменитый бульвар, где любят прогуливаться жители Барселоны. Здесь заводятся знакомства, заключаются сделки и выпивается огромное количество кофе и вина. Сейчас, в военное время, бульвар, конечно, потерял большую часть своей респектабельности, но всё равно смотрится очень здорово.

Ничего особенно здорового Денис не увидел. Ну, улица как улица, с прогулочным бульваром посередине. Люди шляют, сидят на лавочках у столиков на открытых верандах кафе. Вот и всё.

Притормозив, Ольга спросила у прохожего, где находится отель «Мимика». Улыбалась она при

этом вполне дружелюбно, но прохожий только буркнул что-то невразумительное в ответ и поспешил дальше. То же произошло и со вторым. Странные люди! К ним обращается симпатичная девушка, а они смотрят на нее волком!

Ольга шлепнула себя ладонью по лбу.

– Ох, я балда! Это же Каталония!

Денис недоумённо воззрился на неё.

– И что?

– А то, что не любят здесь испанцев! И язык испанский не любят. Предпочитают разговаривать исключительно на каталонском. Мечтают отделиться от Испании и стать отдельной страной.

– Ну, у нас узбеки говорят по-узбекски, а казахи – по-казахски. Но при этом и русский знают, и отделяться не собираются. Дураки здесь живут какие-то...

– Да не дураки они. Просто вот так сознание повернуто. И испанский они знают. А не хотят говорить – хоть ты тресни! Ладно, не всё потеряно.

Она вышла из автомобиля, обратилась ещё к одному прохожему и... о, чудо, тот, улыбнувшись в ответ, стал ей что-то объяснять, энергично размахивая руками.

Вернулась девушка успокоенной.

– Всё объяснил, даже хотел проводить, но я отшила, сказала, что я со спутником.

– Вот же хлюст! – скривился Денис.

– Успокойся, – поняла его недовольство Ольга.

– Это же Испания. Хотя и Каталония.

Отель действительно располагался недалеко от Рамблы, на тихой улочке. И места свободные в нём были, что казалось удивительным на фоне того, что вокруг гремела гражданская война.

Договорившись с портье о месте в гараже, путешественники поднялись на второй этаж, в свой номер. В коридорах было темно, свет шёл только из окошка в дальней стене. Видимо, в городе экономили электричество. Но вода, даже горячая, в номере была, и Ольга немедленно стала наполнять ванну. Очень ей хотелось смыть дорожную пыль. А Денис отправился осматривать отель и его окрестности.

Для начала поднялся на крышу. Ну, как – крышу... Здесь располагалось уютное кафе под открытым небом на десяток столиков. К сожалению, кафе на данный момент было закрыто. Впрочем, почему – к сожалению? Выпивать Денис совсем не собирался, не курил, да и к кофе относился спокойно. Просто посидел, полюбовался на крыши соседних домов. Да и пошёл восвояси.

Спустился в холл гостиницы, кивнул дружески портье, вышел наружу. Все вокруг тихо, мирно, не слышно ни взрывов, ни выстрелов. Как будто не кипят совсем недалеко отсюда бои, не рвутся в атаку пехотинцы, не рычат танки, не жужжат в небе самолёты. Мирный город.

Он вернулся в номер. Ольга уже освободила ванну и сидела на постели, обернув голову полотенцем. А Денис заморачиваться с наполнением фаянсовой емкости водой не стал, просто полез под душ.

Вечером они решили сходить на разведку да и просто перекусить. Всё здесь, что называется, «вертелось» вокруг Рамблы. На неё выходило больше десятка запутанных улочек и переулков, пересекавшихся на площадках, которых площадями назвать было ну совсем нельзя, настолько они были крохотными.

Вот на одной такой площадке и обнаружился бар «Мой ослик и я». На вывеске действительно был нарисован худосочный осёл и его пузатый хозяин.

– Наверное, это Санчо Панса, – предположила Ольга.

– Кто? – не понял Денис.

– Оруженосец Дона Кихота, – всё так же непонятно пояснила девушка.

Дальше пилот расспрашивать не стал. Ну, Санчо, ну, Дон. Мало ли здесь знаменитых личностей. Испания всё же. В России тоже знаменитостей хватает. К примеру, Разин Степан. Или Емельян Пугачёв. Их именами рестораны не принято называть.

Бар был как бар. Небольшой, уютно выглядящий, со стойкой, обитой листом меди, стеллажом, уставленным разноцветными бутылками за спиной бармена. Однако, по случаю войны, ничего крепкого получить здесь было нельзя, только сухое вино. Впрочем, никого это особенно не беспокоило. Крепкие напитки приносили с собой, не очень думая о запрете. Беспечный народ – испанцы! И каталонцы, разумеется.

Народа в баре было немного, пара дюжин посетителей. Да в углу веселилась компания. Здоровяк в беретке всё время подливал друзьям из объёмистой фляги, а сам, выпивая, закусывал... Денис пригляделся и выпучил глаза от удивления: мужик закусывал коньяк маленькими луковицами, которые доставал из карманов широченных штанов. Уж насколько Денис был незнаком с правилами употребления этого благородного напитка, и то знал, что коньяк луком не закусывают.

Впрочем, это было его собачье дело. А пилот и Ольга зашли сюда разведать обстановку и что-нибудь, наконец, съесть. Ольга заказала паэлью, и им вскорости принесли блюдо риса со всякой мешаниной из кусочков мяса, рыбы, овощей и креветками.

– Обычная местная еда, – успокоила Дениса девушка. – Барселона ведь портовый город, поэтому различные морепродукты здесь очень в ходу.

Пилот покривился, но, попробовав, признал эту паэлью достойной внимания и заработал вилкой. Ольга настояла ещё и на бутылочке красного вина. Денис было заупрямился, но потом махнул рукой. В Испании сухое вино употребляют чаще, чем обычную воду. Ну и нечего выделяться.

Остаток дня прошёл как-то мирно. По улицам они прогуливаться не стали, опасаясь патрулей, вечером только выскочили в ближайшее к отелю кафе – поужинать.

К оговоренному со Штефаном времени в «Ослика...» пришли без опоздания и застали своего знакомца уже там. Выглядел он не слишком радостно. Жестом пригласил за свой столик, кивнул бармену, и тут же появилась всё та же паэлья, теперь с мидиями. И, естественно, вино, но уже белое.

Разговор начал Штефан, не дав им даже доесть.

– Новости у меня для вас совсем неутешительные. В здешних властных кругах разброд и шатания. Каждый тянет одеяло на себя, стремясь стать во главе движения. В таких условиях передавать груз просто некому. Банально разворуют и никакой пользы республиканскому правительству он не принесёт. Поэтому пока придержим. Автомобиль в гараже?

Денис кивнул.

– Вот и пускай там стоит. Не думаю, чтобы кто-нибудь обратил на него внимание. А вы пока живите спокойно, можете погулять, даже на пляж сходить. Вот два пропуска, чтобы не задерживали патрули.

Он протянул через стол два картонных прямоугольника.

– Если остановят – предъявите. Но пистолет лучше носить с собой, скрытно. Сейчас в городе всякого отребья хватает. И анархисты – народ неспокойный.

Из угла бара послышался взрыв хохота. Вчерашний здоровяк опять разливал по стаканам из своей бездонной фляги. И что-то при этом громко говорил. Чуть ли не орал.

Штефан оглянулся, поморщился, но ничего не сказал.

– Знаете его? – поинтересовалась Ольга.

– Американский журналист. Довольно знаменитый, Хемингуэй его фамилия.

– И чего они так ржут? – не удержался Денис.

Штефан покрутил головой, словно не хотел говорить, но потом всё же сообщил:

– А это он так шутит над русскими лётчиками. Дескать, немцы бьют их и в хвост и в гриву, а «сталинские соколы» только кровавые сопли утирают. Асы Геринга их превосходят во всём.

Вот тут Дениса накрыло. С ним нечасто такое случалось, но пару раз всё же, к сожалению, было. Очень не любил он несправедливость. Товарищи эту его особенность знали, за глаза изредка называли «психом» и на рожон старались не лезть. Оставалось только гадать, как он прошёл отбор с таким отрицательным фактом в биографии.

Чтобы какая-то сволочь американская поливала грязью его товарищей и его самого? Причём, совсем незаслуженно? Да эта сука сама хоть раз сидела за штурвалом боевого самолёта? В бой ходила? Как он смеет?

– Вы английский знаете? – отрывисто спросил он Штефана.

– В пределах разумного, – осторожно ответил тот. – А что?

– Мне понадобится ваша помощь, – сказал Денис и встал. – Переводить будете.

– Не стоит, – вякнул было Штефан, но Дениса было уже не остановить. Он направился к столику гуляющей компании. Подошел, положил ладонь на плечо американца.

– На пару слов.

Журналист непонимающе уставился на незнакомца. Успокаивающе отмахнулся, сказал что-то. Штефан, чему-то ухмыляясь, перевёл:

– Отстань, парень, я тебя не знаю. Хочешь выпить?

Денис покрепче ухватился за плечо, рванул и ухитрился развернуть здоровяка к себе лицом.

– Ты плохо говорил о советских летчиках!

Штефан без запинки перевел эти слова на английский.

Лицо американца вытянулось.

– А ты кто такой?

– Я – тот самый советский лётчик. И ты меня оскорбил!

Тут до журналиста дошло.

– Хочешь извинений? Или сразу удовлетворения? Извинений не будет!

– Ты сам сказал. Вставай.

Американец медленно поднялся со стула. И встал в боксёрскую стойку! Женщина, довольно страшенькая на вид, сидевшая за тем же столиком, взволнованно заговорила. Штефан хладнокровно переводил, не переставая усмехаться. Развлекается, зараза!

– Эрнест, оставь это, ты искалечишь парня.

Журналист рыкнул, не поворачивая головы:

– Отвяжись, Марта, наглецов надо учить!

И ударил правой прямо в лицо Денису!

Ну, это ему так показалось, что ударил. Вершинин в боксе кое-что понимал, хотя, конечно, мастером спорта не был. Так, ходил в боксёрскую секцию для общего развития. Но будущего в спорте для себя не видел.

И потому, пригнувшись, легко ушел от неожиданного удара, тут же ответив парой своих.

А вот американец явно такого ответа не ожидал и пропустил оба! Один в печень и второй в челюсть. Причём бил Денис в полную силу. Поэтому скрюченного хама бросило на спину прямо на столик.

Денис отскочил назад, ожидая продолжения схватки. Но продолжения не последовало. Журналисту явно хватило, а его собутыльники не горели желанием отомстить за своего лидера. Они испуганно смотрели на плечистого русского парня и подбирали с пола упавшие стаканы и бутылки. Никто не кричал, не визжал. Растеряны все были до изумления.

Штефан крепко ухватил Дениса за рукав.

– Быстро уходим!

И потащил его к выходу из бара. Ольга бросилась за ними. Денис не сопротивлялся. Виноватым

он себя не чувствовал. Журналист ударил первым! Ну и получил америкашка, что ему причиталось.

Остановились они только на бульваре, присели на скамейку.

– Да, Денис Игоревич, – покрутил головой Штефан. – Это было... впечатляюще! Как вы с такими нервами летать ухитряетесь?

– Сам удивляюсь, – улыбнулся Денис. – Язык распускать не надо! А то: «Сталинские соколы»! «Асы Геринга»! Трепло собачье!

Ольга молчала, но во взгляде её пилот уловил... восхищение! Что было несколько странно, но душу согревало.

Сам же он теперь почувствовал некоторый стыд. Действительно: пилот, железные нервы! Сорвался, как мальчишка! Вот потому и сбили, что эмоции преобладают над разумом! Позор!

– Что теперь будет? – спросил он.

– Ничего особенного, – пожал плечами Штефан. – Утрётся и продолжит пьянствовать и хватать. Но в газетку свою об инциденте, конечно же, не напишет, постыдится. А вам появляться в том баре теперь категорически нельзя. Ещё полезет добавки получать...

– Полезет – получит, – хладнокровно сказал Денис. – Не пойдем мы больше в эту забегаловку, чёрт с ней. Но вот пообедать всё же нужно. Там и съест ничего не успели.

Огненный рубеж: Смыков- Григорополисская

Это случилось на Кубани в самом начале битвы за Кавказ. 14 августа 1942 года в расположении моторизованной дивизии вермахта появился советский офицер с четырьмя шпалами в петлицах. Это был командир первого отдельного стрелкового корпуса Михаил Шаповалов. В стан противника он прибыл добровольно, и не один, а с женой. Артиллеристы, продолжавшие бить по фашистам уже прямой наводкой, видели, как вдалеке пронеслась «эмка» комкора, над которой развевался белый флаг...

Однако речь пойдет не об этом человеке: объяснить его поступок можно, но понять и простить – нет. Поэтому не будем тратить на это время. Беда в том, что тень измены командира на долгие годы отпечаталась на судьбах бойцов и офицеров, воевавших под его началом. Об обороне на рубеже хутора Смыков и

**АНДРЕЙ
КАРТАШЕВ**

Краеведение

станции Григорополисской в августе сорок второго мало кто знал, видимо, вспоминать никому не хотелось. И награды за эти бои многие получили только в 44-м.

А после войны..., точнее в 1967-м маршал Гречко лишь вскользь упомянет в своих мемуарах этот стрелковый корпус: мол, его части были ослаблены, а против них на Майкопском направлении действовали силы двух моторизованных и одной танковой дивизий вермахта. Легко преодолев сопротивление корпуса, противник прорвался к Армавиру. Широкому кругу читателей имя командира корпуса полковника Шаповалова впервые стало известно благодаря исследованиям Эдуарда Пятигорского, который рассказал о его измене и переходе на сторону врага.

Благо сейчас появилась возможность самому погрузиться в изучение тех редких боевых документов, которые писались и дошли до нас, несмотря на катастрофическую обстановку. Есть теперь ещё и возможность полистать воспоминания тех, кто пришёл с огнём и мечом на землю Кавказа «за нефтью», имеется в виду Вильгельм Тике и его «Марш на Кавказ».

Картина событий представилась следующим образом.

Вечером 2 августа, накануне боёв на рубеже Смыков, Григорополисская немецкая тринадцатая танковая дивизия находилась в районе станции Новоалександровской, на железнодорожной ветке, связывавшей Ворошиловск и Кропоткин. Голова колонны другой танковой дивизии стояла восточнее, в Преградном. Именно её части 3 августа ворвались в Ставрополь. А на западе края тан-

ки захватили Расшеватскую и Новоалександровку. Для дальнейшего продвижения к перевалам Кавказа и Черноморскому побережью немцам во что бы то ни стало было необходимо форсировать реку Кубань и выйти на её левый берег. Поэтому от Новоалександровской танковый клин устремился на юг, где в станице Прочноокопской и в Армави-ре берега Кубани соединяли мосты, проходимые для танков.

Юго-восточнее хутора Привольного, ныне это село Раздольное Новоалександровского округа, немецкие танки внезапно оказались посреди советского оборонительного рубежа. Это были позиции корпуса полковника Шаповалова. Немецкий автор писал: мотопехота, сопровождавшая танки, вступила в бой. Позиции советских войск уничтожались огнём с бронетранспортёров. Единый бой рассыпался на множество отдельных очагов. Пока пехота атаковала, танки с крестами прорвались к Прочноокопской и вышли к мосту.

Преградить путь трём немецким дивизиям – одной танковой и двум моторизованным, в числе которых была и знаменитая дивизия СС «Викинг», предстояло первому стрелковому корпусу. Для этого он был переброшен по железной дороге из-под Анапы в район Армавира. В состав корпуса входили всего две стрелковые бригады – 113-я и 139-я. Вместе с корпусом находился 456-й артиллерийский полк из резерва Ставки.

Командование Северо-Кавказским фронтом понимало, что своих сил у корпуса чрезвычайно мало, к тому же не все батальоны прибывали в новый район одновременно. Поэтому Шаповалову было дано право подчинять себе войска, отходяв-

шие в полосе действий корпуса. Пользуясь такими полномочиями, комкор подчинил себе 31-ю стрелковую и 30-ю кавалерийскую дивизии, два батальона 69-го укрепрайона и батальон 136-го запасного стрелкового полка. Однако далеко не все эти силы сражались на указанном рубеже.

30 июля корпус получил приказ на погрузку в эшелоны для занятия обороны по Краснодарскому обводу. Утром 1 августа штаб корпуса прибыл на командный пункт в район станции Кубанской в 18 километрах к северу по железнодорожной ветке от Армавира. К вечеру того же дня на станции Кубанской полностью разгрузилась 139-я стрелковая бригада. Следом 113-я бригада двумя батальонами прибыла в Армавир. Два других её батальона – первый и второй – ещё находились в пути. Они прибыли только 4 августа.

В момент разгрузки первых эшелонов 1 августа был получен приказ занять оборону по левому берегу Кубани. Однако в тот же день в восемь вечера командующий фронтом маршал Будённый приказал корпусу выйти на новый рубеж за реку Кубань и занять его к исходу 4 августа. В штабе корпуса полагали, что встреча с противником произойдёт раньше, именно так оно впоследствии и получилось, поэтому по приказу корпуса бригады должны были занять свои рубежи на сутки раньше – к исходу 3 числа.

Позже в своём докладе о боевых операциях военком корпуса Привалов напишет: если бы бригады заняли оборону по первому приказу фронта на левой стороне Кубани, имея в резерве 40-ю мотострелковую бригаду, то противник не сумел бы

так быстро захватить Армавир. На этом рубеже он понёс бы исключительно большие потери и без подброски новых резервов, не мог бы начать операцию против Майкопа. Наоборот, части корпуса не имели бы таких потерь. Корпус дал бы возможность за это время создать новые резервы из отступавших частей Южного фронта.

Как бы оно могло быть, остается только догадываться.

Выполняя последнее распоряжение командующего фронтом, 3 августа шесть батальонов корпуса заняли оборону на участке от хутора Смыков под нынешним посёлком Солнечнодольском до станицы Григорополисской. Рубеж был выгоден тем, что правым флангом он примыкал к месту впадения реки Русской в реку Егорлык: сегодня здесь Новотроицкое водохранилище; левым крылом он упирался в правый берег Кубани. Бóльшая часть линии обороны шла вдоль небольшой реки Камышевахи, впадающей в Кубань в районе станицы Григорополисской. Фронт обороны корпуса составлял более сорока километров. Прорехи в обороне между отдельными батальонами достигали десятка километров.

На правом фланге рубежа обороны находились третий и четвёртый батальоны 113-й бригады, на левом – 139-я стрелковая бригада.

Правофланговый четвёртый батальон держал оборону на участке хуторов Смыков – Родионов. Вместе с ним находился штаб бригады во главе с командиром полковником Васильевым, военным комиссаром Шевелёвым; рота автоматчиков и сапёрная рота. Сзади, в глубине обороны батальона,

занимал позиции артиллерийский дивизион 76-мм орудий под командованием капитана А. С. Гарина, военком – старший политрук В. Ф. Сидорин, без одной батареи.

Третий стрелковый батальон под руководством командира капитана Абовяна и старшего политрука Франковского с одной батареей 76-мм пушек оборонялся левее – в районе хуторов Родионов, Румяная Балка. Противотанковый дивизион 113-й стрелковой бригады, вооружённый 45-мм орудиями и противотанковыми ружьями, занимал оборону на главном, танкоопасном направлении.

От Румяной Балки до Григорополисской оборонялась 139-я стрелковая бригада. Это как раз её оборонительная линия длиной около 25 километров прошла по реке Камышевахе.

Прибывшие в свои районы все эти подразделения, наспех окопавшись, 3 августа вступили в бой. Основной удар противника принял третий стрелковый батальон 113-й бригады в районе Румяной Балки, отражая три часа непрерывные атаки его танков и пехоты. В этом бою батальон уничтожил пять вражеских танков и большое количество пехоты, но и сам был практически полностью уничтожен.

В этот день танковый корпус генерала Брайта с мотопехотой при поддержке до 30 самолётов нанес удар в стык между бригадами корпуса. Ударом с воздуха была полностью уничтожена материальная часть артиллерийского дивизиона, поддерживавшего стрелков на правом фланге. Прорвавшись через боевые порядки бригад к Прочноокопской переправе, в тот же день противник занял её без боя – советских частей в этом районе не было.

Под командой военкома корпуса бригадного комиссара Привалова к хутору Красная Поляна, расположенному на левом берегу Кубани, напротив станицы Прочноокопской, для защиты переправы был брошен сводный отряд из числа связистов корпуса, ставший на время боёв обычным стрелковым подразделением.

Весь день 3 августа части корпуса вели бой с превосходящими силами противника. К северу, ниже по течению Кубани, у станицы Григорополисской четвёртый батальон 139-й бригады сражался против полка пехоты и сорока танков. Ближе к вечеру остатки его бойцов отошли через переправу у Григорополисской. Вслед за ним на надувных лодках форсировали реку и немцы, захватив плацдарм на левом берегу Кубани.

Навести переправу через реку в районе Григорополисской со стороны села Новомихайловского для советских войск было поручено специальному понтонно-мостовому батальону. Но единственный буксирный катер был вмиг опрокинут течением и затонул на большой глубине вместе с юным мотористом. Вытащить катер не удалось, да и не до этого было. Подразделения немецких войск из дивизии «Викинг», оказавшиеся на противоположном берегу Кубани в селе Новомихайловка, открыли по понтонёрам плотный пулемётно-миномётный огонь. Батальон, не имея приказа на отход, оборонялся несколько дней. Распоряжение на наводку переправы поступило с запозданием: советские войска даже не подходили к переправе, а двигались другими маршрутами. Будучи один на один с врагом, в этих боях батальон понёс большие потери в личном составе и технике. Уже в первый день

был тяжело ранен в голову командир батальона. Командование батальоном принял начальник штаба капитан Смирнов, ставший впоследствии Героем Советского Союза.

Ожесточённые бои на левом берегу Кубани, на плацдарме в районе села Новомихайловского продолжались. Советская артиллерия совершала мощные огневые налёты на артиллерийские позиции дивизии «Викинг». Корректирование огня советских батарей велось с немецкой стороны, с правого берега Кубани. Немцы были в недоумении, но после прочёсывания местности тайна была раскрыта: два советских офицера корректировали огонь с церковной колокольни в Григорополисской. В ответ на требование сдаться они ответили выстрелами из личного оружия и погибли в бою.

В отличие от переправы у Григорополисской мосты через Кубань в Прочноокопской и Армавире имели более важное значение для обеих сторон. Поэтому эпицентр боевых действий сложился именно там.

К утру 4 августа корпус с подчинёнными ему соединениями и частями получил задачу: оборонять город Армавир и левый берег реки Кубань вплоть до Отрадо-Ольгинского. Для этого обеим бригадам корпуса и тридцатой кавалерийской дивизии, действовавшим на правом берегу, надлежало переправиться через реку. Но противник, продолжавший наступать, не давал возможности приблизиться к воде. К девяти часам утра, уничтожив только что подошедший первый батальон 113-й бригады, враг вышел на переправу через Кубань в районе Прочноокопской и Красной Поляны. Семь

танков прошли по мосту на левый берег реки. Однако силами второго батальона, тоже только прибывшего и занявшего оборону на левом берегу у хутора Красная Поляна, танки противника были отрезаны от пехоты. Три танка остались подбитыми на переправе, два возвратились в Прочноокопскую, ещё два остались на левом берегу Кубани, где вблизи моста заняли круговую оборону и продолжали вести бой.

Советским бойцам удалось отеснить противника к реке и приблизиться к переправе на расстояние 150–200 метров от моста. Однако ночью с 4 на 5 августа противник подбросил подкрепление и стал теснить советскую оборону. После этого по наведённому понтонному мосту немцы переправили значительную группу танков и мотопехоты, которым удалось окончательно прорвать оборону и выйти на северную и западную окраины Армавира. Той же ночью штаб корпуса покинул Армавир и переместился на запасной командный пункт в хутор Кочергин, на 25 километров к западу от Армавира.

Весь день 4 августа основные силы корпуса продолжали находиться на правом берегу Кубани и фронтом в обратную сторону вели бой на рубеже станицы Каменобродская и хуторов Церковный, Покровский за овладение станицей Прочноокопской. Уничтожив противника в Прочноокопской, части корпуса должны были переправиться через Кубань и занять оборону на её левом берегу. Сложность боя состояла в том, что, действуя фронтом на юг, корпус часть сил вынужден был выделять в арьергард для прикрытия себя с севера. Несмотря на все усилия, отбить Прочноокопскую у врага не удалось.

В это время на территории Ставропольского края в районе станицы Каменобродской и хутора Румяная Балка, южнее и юго-западнее нынешнего Солнечнодольска, продолжали вести бои подразделения 113-й бригады.

Правофланговый четвёртый стрелковый батальон со штабом 113-й бригады, а вместе с ними артдивизион, рота автоматчиков и сапёрная рота бригады, получив приказ на отход за Кубань, 4 августа попытались отойти к реке. Однако пробиться к берегу не удалось: впереди на Армавир шли немецкие танки и мотопехота. И колонна советских войск повернула на юго-восток. 5 августа эти силы вступили в бой у Сенгилеевского озера под Ворошиловском, а затем в ворошиловском лесу в районе Богословки, что ныне Балахоновское. В этих боях погибли вся артиллерия и большинство личного состава.

В списке боевых потерь четвёртого батальона 113-й бригады за август сорок второго значится почти 180 рядовых и младших командиров, подавляющее большинство из них погибли или пропали без вести 4 августа.

Эти остатки войск 113-й бригады вышли в Кабардино-Балкарию, где пополнили ряды второй гвардейской стрелковой дивизии. Командир бригады полковник Васильев стал в ней заместителем комдива.

Горстка бойцов и командиров первого и второго батальонов 113-й бригады отошла за Кубань. Здесь они слились с такими же потрёпанными в боях подразделениями 139-й бригады. Так завершился боевой путь 113-й отдельной стрелковой бригады первого формирования. Но её боевое знамя сохранилось и было передано Дальневосточному

фронту, где вновь начала формироваться бригада с таким же наименованием.

Что касается 139-й бригады, то после получения приказа об отходе на левый берег Кубани её части стали с боем прорываться к переправе. В районе станицы Новокубанской им удалось захватить паром, и 5 августа 139-я стрелковая бригада переправилась через Кубань. На левом берегу бойцы бригады соединились с остатками своего четвёртого батальона и заняли рубеж обороны по левому берегу Кубани в районе Армавира.

Бои носили исключительно упорный и кровопролитный характер, батальоны 139-й бригады отбили за день по несколько атак танков и мотопехоты, действовавших при поддержке авиации. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм. Когда же был получен приказ на отход на новый рубеж в район села Пушкинское, командир бригады уже не мог связаться с первым батальоном. Трижды посылались связные, но батальон так и не нашли. Как потом сообщил секретарь парткомиссии 139-й бригады батальонный комиссар Лубин, этот батальон, не имея приказа на отход, два дня оборонял Армавир, понёс большие потери, израсходовал почти все боеприпасы и только после этого оставил город и стал пробиваться к своим.

К 8 августа в составе первого корпуса фактически оставалось два батальона с артиллерией, всего 1650 человек. Однако в этот день штаб корпуса был отрезан от остатков своих войск, которые были подчинены соседней стрелковой дивизии. А с 10 августа первый отдельный стрелковый корпус фактически перестал существовать, хотя его штаб и батальон связи сохранились почти полностью.

Именно в этой ситуации командир корпуса полковник Шаповалов и решил перейти на сторону врага.

Военный комиссар корпуса Привалов в своем докладе отметил: «На общем фоне массового героизма, проявленного бойцами и командирами, особенно омерзительно предательство Шаповалова, хотя оно совершилось, когда корпус фактически уже не существовал. Но эта измена принесла большой политический и военный вред всему фронту».

Сам Никифор Иванович Привалов во время этих боёв регулярно бывал в боевых порядках частей, оценивал их готовность к бою, контролировал правильность понимания командирами поставленных задач. После выхода из окружения он служил в должности заместителя командира кавалерийской дивизии, войну окончил в качестве заместителя командира Донского гвардейского кавалерийского корпуса по политической части. Был награждён многими правительственными наградами.

Начальник штаба корпуса полковник Леонид Архипович Добров после расформирования корпуса был направлен в Военную академию, позже с понижением назначен начальником штаба дивизии и в этой должности воевал до конца войны. За годы службы награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа».

Командир 139-й бригады подполковник Петр Михайлович Татарчевский после расформирования бригады стал командиром морской стрелковой бригады, оборонял Туапсе, был ранен и контужен. В сорок третьем назначен заместителем

командира дивизии, а через год уже командовал дивизией, правда, звание генерала так и не получил. Награжден многими орденами и медалями.

Заместитель командира корпуса по тылу подполковник Василий Михайлович Гамзин, когда 3 августа танки противника с автоматчиками прорвались к Прочноокопской переправе, возглавлял отряд из семидесяти человек. Проявляя исключительный героизм, личный состав отряда удерживал переправу под ураганным огнем миномётов, автоматчиков и танков противника. Имея только несколько противотанковых ружей, отряд подбил семь танков противника. За бой 3 августа Василий Гамзин удостоен ордена Красного Знамени. Войну окончил в должности заместителя командира корпуса по тылу.

С целью задержания противника командир третьего стрелкового батальона 139-й бригады майор Каданчик, будущий Герой Советского Союза, 4 августа приказал взорвать переправу через Кубань в районе города Армавира у совхоза «Хуторок». Задачу выполнила группа из трёх бойцов, которую возглавлял лейтенант Садовой. Под сильным обстрелом с воздуха и земли переправа была взорвана. Лейтенант получил ранение, но противник был задержан на двое суток. После окончания войны за этот подвиг Иван Иванович Садовой был награждён орденом Отечественной войны второй степени.

Ордена Отечественной войны второй степени за бои на Кубани в начале августа сорок второго был удостоен и начальник артснабжения первого корпуса майор Гомонидов, обеспечивавший своевременную доставку боеприпасов на передовые позиции. Орденом Красной Звезды награждён

начальник химической службы корпуса подполковник Архангельский. Выполняя боевое задание, в бою у станицы Прочноокопской он был ранен в ногу осколком мины. Оба офицера после полученных ранений служили в тылу, а свои награды получили в 1944-м.

Медалью «За боевые заслуги» был отмечен кассир корпуса Петр Ефимович Соллогуб. Он проследовал пешком вместе с частью около 250 километров через перевалы Кавказа до Адлера. Все деньги, документы, печати и другое имущество он благополучно доставил и сдал в полевую контору госбанка.

Эти факты свидетельствуют о том, что личный состав первого отдельного стрелкового корпуса действовал очень достойно.

А как воевали в составе корпуса те формирования, которые подчинил себе Шаповалов, и что за силу они представляли? Есть возможность узнать и об этом.

О действиях тридцатой кавалерийской дивизии полковника Головского известно то, что после боев на Дону, к утру 2 августа двумя полками она заняла оборону северо-восточнее Армавира на рубеже Смыков, Привольный, Фельдмаршальский, Григорополисская протяжённостью более пятидесяти километров. И если на флангах рубеж как бы повторял линию обороны первого корпуса, то в центральной части он проходил севернее его рубежа на семь – восемь километров. То есть кавалеристы находились в первом эшелоне обороны, а части корпуса – во втором. В течение 3–5 августа тридцатая дивизия в составе двух полков сдерживала напор крупных сил пехоты и танков противника, чем обеспечивала отвод советских войск с

Дона за Кубань. Переправившись сама на левый берег 5 августа, дивизия вела бои с прорвавшимся противником в районе села Новомихайловского. Впоследствии эта дивизия защищала восточные рубежи Ставрополья, освобождала Ставропольский край и с боями прошла до Праги.

Тридцать первая стрелковая дивизия до начала описываемых событий участвовала в обороне Ростова. После тяжёлых боев потерявшие управление части дивизии отходили в район села Средний Егорлык Ростовской области. 30 июля, не успев занять оборону, они попали под сосредоточенный удар танков, мотопехоты и штурмовой авиации противника, после чего стали отходить на Армавир. Согласно журналу боевых действий, со 2 по 7 августа дивизия доукомплектовывалась в районе Кужорская, Майкоп, после чего обороняла административный центр Адыгейской автономной области. Командир дивизии генерал Озимин, будущий Герой Советского Союза, 9 августа был отстранен от должности и находился под следствием за потерю управления войсками. Поэтому дивизия не представляла собой боевого соединения, способного оказать действенную помощь первому корпусу в обороне порученного рубежа. В боевых документах о ней сказано, что 5 августа дивизия в составе 150 (!) штыков оборонялась в районе села Вольное, что на правом берегу Кубани южнее Армавира.

Части 69-го укрепрайона с 16 июля отходили из Ростова на Армавир, где с 3 по 7 августа обороняли город, обеспечивая переправу отходивших советских войск за Кубань. Разрезанные на две группы части укрепрайона отошли в разных направлениях: одна из них прорвалась под Майкопом и по-

полнила ряды 18-й армии, вторая отходила через Санчарский перевал на Сухуми и перешла в подчинение 56-й армии.

Артиллерийский полк резерва главного командования под номером 456, сражавшийся до этого в Крыму и прибывший на Кубань вместе с корпусом из-под Новороссийска, в связи с понесёнными потерями 12 сентября был расформирован.

Оценивая действия советских войск на правом берегу Кубани в первых числах августа сорок второго года, понимаешь, что главная задача по прикрытию отходивших за Кубань войск в целом-то была выполнена. И бойцы, и командиры, обеспечивавшие их отход, проявили стойкость и мужество. Ни один рубеж не был оставлен без приказа. Выжившие в этих боях продолжали достойно сражаться на фронтах Великой Отечественной войны, а такие командиры, как Озимов, Смирнов, Каданчик стали Героями Советского Союза. И действительно, был прав комиссар Привалов в том, что на этом фоне предательство командира корпуса было крайне недостойным поступком.

«Я – КРОВИНКА БОЛЬШОГО НАРОДА...»

(казачья тема в поэзии
Владимира Бутенко)

1

Легко ли в наше время быть
достойным продолжателем тра-
диций казачьего фольклора и
при этом оставаться не только
самобытным, но и современным
поэтом? Наверняка это под силу
только казаку по крови, который
имеет право гордо сказать: «Я –
степняк»,

<...> У которого руки в мозолях,
Вкус земли познававший
Не в книгах,
а потом, хребтом...

Я – порыв скакуна,
Я – стремительный сполох на зорях,
Когда, мнится,

казак

Быстрой шашкой
Махнул за бугром.
Я – цветенье садов

и дома,

И деревья, и пашни.
Я несущ на плечах

не мешок,

А Истории груз.

(В. Бутенко. «Атаманит июнь!..»)

**ТАТЬЯНА
ПЕСТРЯКОВА**

**Литературо-
ведение**

В этом он весь – донской казак и ставропольский прозаик и поэт Владимир Бутенко, с молоком матери впитавший в себя казачий дух и щедро делящийся им с нами, читателями:

<...> Ты строгими и чистыми глазами
Мир сущий научила понимать.
И правды зов, и радости степные,
И хрупкость душ,
И смелых дел размах –
Ты мне вручила целую Россию,
Живую песнь на праведных устах!
(Матери)

На первый взгляд может показаться, что поэтическое творчество В.Бутенко не вписывается в жанровые рамки казачьей лирики. В его авторском багаже собрана и гражданско-патриотическая, и пейзажная, и любовная лирика. И это – далеко не казачий фольклор с его определённой тематикой и своеобразной летописной точностью; не казачьи думы; не лирические, не исторические и не военно-бытовые песни и баллады с их протяжностью или, наоборот, молодецкой удалью. У Бутенко лирические стихи – это скорее поэтическое осмысление быта, истории, традиций и черт казачьей души.

2

«Ах, Россия, Россия! Горстки хат над рекой...»

Поэтические рассказы о станичной жизни встречаются и у других ставропольских поэтов.

по-своему оригинально описывает уклад жизни и традиции степных поселений, что, согласитесь, не часто встретишь в современной усреднённой поэзии.

В. Бутенко, в отличие от своих собратьев по перу, художественное пространство в своей лирике – хутора, бескрайние степные просторы, реки и озёра, да и саму матушку Природу вводит в повествование не в качестве уже привычного нам пейзажного фона, а в качестве полноправных действующих лиц, со своими характерами и сюжетными линиями. Так, для автора казачья станица с её жизненным укладом и вековыми традициями – его «дом родной... / Приют весёлых снов и детства», его «нетленное наследство»:

<...> И не сойду я никогда
с родного милого крыльца <...>
(Родительский дом)

А ещё, казачья станица в представлении автора – его «малая родина», опора и надежда России:

Ах, Россия, Россия!
Горстки хат над рекой.
Огоньки хуторские
В тишине обложной.
(Россия)

И ведь не случайно у поэта душа болит за наши хутора, за их будущее. «Грустно видеть, – говорит автор, – как на наших глазах исчезают саманные хатки с камышовыми крышами и базами на задах, уступая место каменным кладкам с черепичными настилами и гаражами во дворах».

Но что поделывать – прогресс есть прогресс. Не миновал он и нашу ставропольскую глубинку. Станица, по мнению В. Бутенко, – это живой, сложный и динамично развивающийся организм. Как образно и как точно описывает её поэт. Поражает разнообразие поэтического словаря автора, раскрывающего удивительный мир станичной жизни. Перед нами предстаёт его любимая станица, которая, помня «казацкие вёрсты», горит «хуторским доброглазым окном», а в проулке мерцает «бобыльный свет».

В стихах В.Бутенко одни станичники по давно заведённым обычаям «чаёвничают, всматриваясь в «хуторские мерцающие огни» и «неизбывно щедрые рассветы», вслушиваясь в «говорок лозняка» и в «скоморошьи прибаски». А в наступившее «лихометное время» они «вострили шашки», вставая на защиту своей Родины.

Здесь, в станице, на виду у читателей проходит и взросление самого лирического героя: «...И, как песню, судьбу / На глазах у людей / без затей / продолжать», – пишет автор в стихотворении «А в Россию опять прилетят журавли...».

Вот он – мальчик, который беспечно «бродил / По стерне, / По тропинкам, / В панамочке белой». И ведь с какой трогательностью поэт вспоминает своё босоное детство:

<...> И ватагой дружной всей
Летели мы в станицу, казачата,
И руки пахли пороховом и мятой,
И так хотелось
к маме поскорей.

(Казачата)

А вот он – уже станичный разудалый музыкант, заводила на праздниках и свадьбах:

<...> А ну, играй! Играй, Володя!
И я до судорог в руке
Играл в кипучем хороводе,
Играл при всём честном народе, –
С душой его накоротке.

(Хуторские свадьбы)

А это – умудрённый жизненным опытом отец семейства, прошедший свои «казацкие вёрсты»:

<...> Нынче с полем родным
Я один на один.
Пропылённый.
Усталый.

Уже поседелый.

(«Ястребиное поле...»)

Со станицей связана не только жизнь и судьба самого лирического героя, но и его «пращура боевого, славянского славного князя», который:

<...> Тесня хазар на юг,
 он грозно мчался в сечи,
И жизнью рисковал, и сам сплеча рубил!
Он из шелома пил синь покорённых речек
 (На Чограе)

Здесь, в станице, живут и другие герои стихотворений Бутенко, например, любящий посидеть на завалинке старый казак, перед глазами которого «пережитое проплывает мимо»:

<...> Сидит старик, улыбку затая,
И сельсовет, как память, охраняет.
(Пора сирени)

А ещё он «охраняет», передавая по наследству историческую память, народную мудрость и казачьи наказы, как это делает и сам Вл. Бутенко в своих стихотворениях.

2

«Казачьему роду нет переводу»

Если ставропольского поэта В. Ходарева смело можно назвать поэтическим историографом ставропольского казачества, то В. Бутенко – певцом казачьей души. В своей лирике он формирует образ казака – труженика, семьянина, защитника Отечества и гражданина, используя для этого известные народные поговорки, бережно облекая их в стихотворные формы. И получается это у него живо, красочно и весьма оригинально – есть на чём казачат воспитывать. Судите сами.

Поговорка «казаки от казаков ведутся» в авторском пересказе звучит так:

<...> Нет, вовек не избыть
Тягу отчих корней!
(«Ястребиное поле...»)

«На родной земле хоть умри, но с неё не сходи!» – говорится у казаков о патриотизме и любви к Родине, передающихся от поколения к поколению. А это – уже у В. Бутенко:

и агрессивна. И противостоять ей тоже нужно решительно и широкомасштабно. Противостоять не на словах, а на деле.

– Мы не можем отступать в этом вопросе, сдавая свои позиции одну за другой, – говорит Бутенко своими стихами. – Мы должны чётко понимать, что:

<...> На Земле людей пусть многим-много,
Но как мало верных только нам.
И припомню вдруг слова простые,
Углядев приютные огни:
И степная осень, и Россия
На планете всё-таки – одни!

(Степная осень)

Одного лишь призыва к уважительному отношению к своим корням и к прошлому своего народа, согласитесь, недостаточно. Здесь необходима комплексная система организации воспитания подрастающего поколения россиян, основанная на учёбе, труде, семейных традициях и исторической памяти. И опыт, накопленный в этом вопросе казачеством, может оказаться как нельзя кстати.

Я – об открытии, в том числе и на Ставрополье, казачьих лицеев и профильных классов. О подключении к воспитательному процессу, помимо семьи и школы, ещё и казачьих общественных объединений. О возрождении народных традиций, таких, как ритуал посвящения в казаки, проведение Дня казачки, фольклорных рок-фестивалей казачьей песни, ставших такими популярными у современной молодёжи.

Но вернёмся к казачьим традициям. «Дух есть – казак есть», – говорится у казаков. Об этой черте характера своих земляков пишет и Бутенко:

Сыны казачьи!

На ветрах эпохи
Нас обжигали пули и клинки.
Косили нас расстрельные сполохи
И били в грудь иудины штыки.
Но дух казачий – волен и бессмертен!
Он породнён со степью и зарёй.
И всем врагам достойно мы ответим, –
Не в силе бог, а в правде лишь святой.

(«Сыны казачьи!..»)

О смелости казаков ходят легенды. Не зря ведь в народе говорится: «Ходи прямо, гляди смело» и «Правды и пуля боится». Разбираясь в истоках казачьей отваги, В. Бутенко с гордостью заявляет:

<...> припадая к земле,
Пил студёную влагу.
И сердечко
напористого родника
Билось в лад моему,
пробуждая отвагу.

(«Ястребиное поле...»)

А кто из нас не знает о казачьем братстве, способном победить любое лихолетье, о готовности казаков пожертвовать собой ради общего дела? Об этом даже поговорки сложены: «Казак за казака горой стоит» и «Собором чёрта победим». Опираясь на народную мудрость, поэт дальше развивает эту тему:

<...> В белом храме – чёрная змея.
Кровью, кровью кроется земля!
Но не станем бить поклоны, –
Так гутарю я, Миронов!
Казачи – единая семья.
Ну, а коль подметят черти,
Родные,
 брехне не верьте.
И поставьте свечку за меня...

(Память командарма Миронова)

А какой казак без веры? Она – стержень его
жизни, его путеводная звезда:

<...> Сыны казачьи!
Верная иконам,
Пусть в ратный час не подведёт рука.
(«Сыны казачьи!..»)

Поэт убеждён, что в наше «лихометное» время,
которое царит повсеместно, «лжесвидетельствуя
и греша, только вера сможет спасти Россию, ко-
торая по его образному выражению «и радость, и
жалость, / Мой алтарь и бродячья сума».

<...> Может быть у церковной ограды,
Наш последний
российский рубеж...
(«У ограды высокого храма...»)

Только вера, по мнению, В. Бутенко, сможет
пробудить нас, которые «вконец сердцами осла-
бели! / Подвластны суете, зашорены в мечтах».
Вера и непобедимая русская душа, впитавшая в
себя многовековую мудрость:

<...> Та душа, что светла ожиданьем добра,
Щедрой русской мечтой и заветной строкой.
Что от чуждого зла истлевала дотла,
Но всему вопреки воскресала живой!

*(«А в Россию опять
прилетят журавли...»)*

С этими словами поэта согласен и наш земляк
В. Ходарев, написавший «Духовный гимн казаче-
ства»:

«Слава Богу, что мы – казаки!» –
Вот молитва казачья святая.
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края к краю.
Слава Богу, что мы – казаки!
<...> Мы с молитвою этой воскреснем!

Вчитываясь в стихотворные строки В. Бутенко и всё больше узнавая о казачьих традициях и обычаях, начинаешь понимать: а ведь это именно те основополагающие идеи, которые ведут к сплочению народа ради общей цели, делая его единой нацией. Я – о духовности, вере, казачьем братстве, стремлении к созиданию. Чем вам не возможный прототип национальной идеи, которую современной России ещё предстоит обрести, чтобы стать стабильной, могучей и процветающей державой? И заметьте, это не навязываемые сверху моральные принципы, не красивые и правильные слова, так любимые нашим чиновничеством, а выработанная многими поколениями народная мудрость, правда самой жизни.

Носителем и хранителем этой народной мудрости является крепкая и надёжная казачья семья,

уникальное в своём роде явление, сохранившееся до наших дней: «Муж – полтину, жена – холстину, всё в одно место складут, так и хорошо живут». Вот и В. Бутенко, вспомнив известную казачью поговорку: «Казак на чужой земле воюет, а жена дома горюет», перефразирует её в стихотворной форме:

Мужской удел – сражаться и терпеть,
Идти вперёд сквозь годы и ненастья.
И – возвратиться по крутой тропе
К любимой, постигая цену счастья.
<...> Пристало ей судьбой повелевать,
Растить детей, очаг хранить нетленно <...>
*(«Мужской удел –
сражаться и терпеть...»)*

Испокон веков на примере собственных семей казаки стремились воспитывать в детях чувство долга перед своим родом и Отечеством, уважение к старшему поколению и своим ближним, умение жить в гармонии с самим собой и с природой, достойно преодолевать трудности, ценить семейное счастье, дружбу, мир и порядок. Так воспитывали и самого поэта. «И это отнюдь не устаревшие прописные истины, – утверждает В. Бутенко. – Это «моё нетленное наследство» (стихотворение «Родительский дом»). И вряд ли его способны поколебать навязываемые нам сомнительные прозападные культурные и этические нормы и принципы».

И уж если речь зашла о культуре и этике, то, как здесь не вспомнить о казачьих песнях, таких искренних и берущих за душу. О песнях – кладях народной мудрости и традиций. Об этом даже

Без весёлой улыбки ребячьей
И без поля,

где начал свой путь...

(«Я уеду в станичное лето...»)

В русской поэзии найдётся немало стихотворных признаний в любви к степному раздолью. Однако у В. Бутенко степь – это не просто красивые бескрайние просторы, а прародитель казачьей вольности, его родной дом, частица его души. Какими только эпитетами не награждает степь автор, описывая её характер, схожий с характером казака. Но это не расхожие, уже ставшие привычными для нас прилагательные, типа былинная, богатырская, вольная, мирная, враждебная, тревожная. Это – и «станичный простор» и «ястребиное поле» в одноимённом стихотворении, и поле, где «пыльца полыни выюжит под ногами».

«Нынче с полем родным / Я один на один», – восклицает автор в стихотворении «Ястребиное поле...». – И где бы я ни жил, мне снится по ночам «До-олгий крик кочетов / в сиротеющей сини». Каково? Эта авторская придумка – «до-олгий крик» – позволяет читателям не только видеть воображаемые картины степных просторов, рисуемых поэтом, но и слышать многоголосье степной природы. Помните, как у ставропольского поэта И. Кашпурова: «... а вы потеряли, друзья мои, многое, / Ни разу не слушав поющую степь» с её «флейтами полыни», ковылями, «словно скрипками» и ветром, что «десятой симфонией мечется, которой Бетховен создать не успел» (стихотворение «Поющая степь»).

Степь в поэзии Бутенко формирует образ «казака» – вольного, смелого и отважного человека, который чтит «свободу всей кровью / степняцкого сына»:

<...> Но дух казачий – волен и бессмертен!
Он породнён со степью и зарёй <...>
(«Сыны казачьи!..»)

Не случайно в казачьих семьях от поколения к поколению передаётся поговорка: «Казачья доля – чистое поле, да вольная воля».

А какой вольный казак без своего верного товарища – коня? Недаром же говорится: «Подо мной добрый конь, надо мной – Господь Бог». Редко какая казачья песня обходится без его упоминания. Помните: «... конь мой вороной разыгрался, расплясался, разрезвился подо мной» (казачья народная песня «Ой, то не вечер»)? Или: «Верный мой товарищ – конь горячий вороной» (казачья походная песня «Полно вам снежочки»). А это строки из другого походного запева:

Даю коня тебе лихого,
Он верный друг был у меня.
Он твоего отца родного
Носил в огонь и из огня.
Конь боевой всего дороже,
И ты, сынок, им дорожи...

(Казачья народная песня
«Конь боевой с походным вьюком»)

У Бутенко конь – «боевой, преданный и бескорыстный товарищ», проходит особой сюжет-

ной линией, по философски глубокой и немного грустной:

<...> Не за призраком смутным в погоне,
Не в охоте за коркой ржаной, –
Просто так подойдут ко мне кони
И обступят печальной гурьбой.
(«Я уеду в станичное лето...»)

Для автора мчащийся «конь с гривой огневой» – это символ казачьей Руси, символ связи поколений, их объединяющее начало: «Здесь горячил коня, мятежный, что зарница, / Мой пращур боевой»...

А ещё – символ преданности, верности и любви – тех качеств, которые так ценятся казаками:

<...> Да, понимают лошади людей –
Язык сердец един на белом свете.
(Проводы)

И ведь неслучайно гутарят донские казаки: «У коня душа человечья».

– Без лошадей, – восклицает поэт, – «нам показалось: / степь осиротела». И в другом стихотворении, говоря о птицах, продолжает:

<...> Вот так и нам бы жить без масок,
Без суеты и злой молвы.
<...> Не лгать, не ведать про беду.
Птенцов растить.
Петь – как придётся...
И мчать с разгона на звезду!
(«Я помню озеро степное...»)

4

«Исповедальная русская красота...»

Особой сюжетной линией в поэзии В. Бутенко проходит тема Природы. Этот «заповедно-хрупкий мир» для него служит жизненным компасом, беспристрастным судьёй и мудрым советчиком. И в этой связи знаковым является обращение поэта к родному «мудрому» Дону, который «нам – батя и судья» («Памяти командарма Миронова»):

В сердце врежется горечь стрелой,
Что неправедно, мелко живём.

Что случилось с душой?

Что с ней случилось?

Отчего в наш продуманный век,

Обретя не покой, а усталость,

Рубит корни свои человек?

Да неужто надорваны жилы

И отвага былая во мне?

Укрепи дух и стих, берег милый,
закали, как в огне,

в тишине!

(«Я уеду в станичное лето...»)

Пожалуй, мало найдётся современных поэтов, которые бы так глубоко и образно чувствовали природу. В. Бутенко из их числа. Только человек, искренне влюблённый в наш край, мог написать такие проникновенные строки:

Пахнет переспелой ежевикой,

Полынцом и вяжущим листом.

И слышны пронзительные крики
Птичьих стай над зыбистым прудом.
(*Степная осень*)

Его без преувеличения можно назвать певцом казачьей души, которой есть где разгуляться в степных просторах. Читаешь его стихи, и перед тобой, как в калейдоскопе, проходит череда природных красот, удивительных в любое время года. И ты понимаешь, что это не природа от сезона к сезону меняет свой пейзаж, а казачья душа поэта то плачет и смеётся, то грустит и радуется:

Он отошёл гремучий ледолом,
Степные вьюги канули далече.
И сызнава в посёлке полевым
Сиренью манит нас желанный вечер.
Бобыльный свет в проулочке дрожит,
То ль чей-то шорох, то ли плеск колодца...
И где-то там,
на доньшке души,
Как родничок, казачья песня бьётся.
(*Пора сирени*)

О неразрывной связи казачьей души с родной природой неоднократно упоминается и самим автором:

<...> Душа шальная от свободы,
Не замечает тяжкий грех.
Она в тенетах ослепленья,
Чужда смиренью и добру, –

Так дождь безумствует осенний,
Так вьюга злее поутру.
(«Ничто бесследно не проходит...»)

Недаром душевный подъём и эмоциональные порывы у поэта ассоциируются с осенью:

<...> Свою взбалмашной листвою
Отколоколит осень споро.
И над горячей головой
Начнёт возню буранов свора.

А далее строки уже о душевной гармонии и умиротворённости:

<...> Но в прорезь наледи окна
Стремительно впорхнёт синица –
Колодезная тишина
С небес морозных заструится.
И радостно слетит смешок,
И радужно заблещут дали.
И захрустит в руке снежок,
Как эхо схлынувшей печали.
(«Навстречу жизненной тщете...»)

Мудрость и святость души поэт сравнивает со «светоносным» августом, протягивающим «нити / От сердец к сердцам, волнуя кровь», с августом, «предвестником радостных открытий»:

<...> Ты невозмутим и хладнокровен,
В шапке сена и с усами ржи.
Вновь даёшь исток любви и слову,
Хлебосольством освещаешь жизнь.

Самый русский месяц,
самый светлый!
И недаром в мудрый свой приход
Желтопрядье ты вплетаешь в ветви,
Осаждаешь мглу прудовых вод.

(Август)

В произведениях поэта множество образных выражений и неологизмов. В. Бутенко талантливо развивает традиции, заложенные И. Кашпуровым, в строках которого обращают на себя внимание и «сивые бугры», и «вихры полыни сивые», и «росы алмазный высверк», и солнце «тяжёлое иссиние-медное», и холодная тень, которая «заогнитися вдали», и «воля ястребиная». Однако фразеологизмы В. Бутенко сформированы по большей части на основе этнических мотивов, казачьей разговорной речи и их фольклорных традиций. Автор обладает уникальной особенностью чувствовать самобытное слово, живой язык жизни: мягкий и сочный, образный и певучий. Он не только мастерски использует народную речь, но и даёт возможность читателю ощутить её красноречивость, многоцветность и разнообразие звуковых оттенков.

Какими только эпитетами не награждает поэт матушку-природу. Озёрная вода у него такая «яснолика», а тишина такая «закатная вдумчивая», что так и хочется «раствориться... в низинных делянах». А ещё любо казаку встречать «хлебоносные зори», «неизбывно щедрые рассветы», всматриваясь в «срывистые дали», растворяться в степном «заполье» и «затонно глубоких глазах» любимой.

А какие пейзажные картины времён года рисует автор! Вот он пишет о «полынной струне», о

том, что в степи разливалась «необузданная ярь», а на небе была «скибочкой дыни – луна». Поэта восхищает «шапка сена», «усы ржи», «желтопрядь», вплетаемое в ветви, и «бахромчатая шубка» ольхи, которая «по-бальному пушиста и легка».

Июнь у В. Бутенко «атаманит», в «лиховые» зимы «колоколит вьюга». Осень «гулеванит», с её «непогодиной крутой», «просевным» дождём, «слезливым льдом»), «продувными далями» и «колючей водой». А весна покоряет своим «гремучим ледоломом», «шатристыми грушами» и «выщелком соловья, «крутогорбым месяцем» и «краснопогодьем».

Уникальная авторская лексикография и разноплановая тематика стихотворений В. Бутенко погружает нас в своеобразный мир казачьей жизни, такой патриархально традиционной и вместе с тем такой современной. И ты ловишь себя на мысли, что прикоснулся к многовековой народной мудрости и как будто бы наяву ощутил дыхание родной ставропольской степи. Перефразируя пронзительные строки автора: «Я в ладони беру, / как гнездо, / Мой родительский хутор» (стихотворение «Атаманит июнь...»), мне так и хочется продолжить, но уже от себя: «Читая Ваши стихи, я как живой воды напилась. И в ладонях держала казачью душу, такую любящую, такую сильную и, вместе с тем, такую трепетную».

Ставропольская сцена в лучах истории

(главы из книги)

О театральном ямах и зигзагах

Театральные сезоны начала 80-х годов девятнадцатого века были очень неровными по своему творческому уровню: зачастую средние или просто плохие труппы безуспешно сменяли одна другую. Латая дыры в бюджете, отцы города в 1880 году решением Думы упразднили театральную дирекцию, то есть все расходы по содержанию здания были возложены на антрепренёров, экономивших на всём, в том числе и на зарплате актёров, которых они просто-напросто обворовывали.

Ставропольские актёры, по опыту театров других городов тогдашней России, пытаясь избавиться от гнета антрепренеров, создавали «товарищество актёров», которое, увы, не оправдывало надежд, на него возлагавшихся. На деле оказывалось, что «това-

**ВЛАДИМИР
ЛЫЧАГИН**

Краеведение

ришество», в сущности, та же антреприза, ни в чём не ответственная перед труппой и тоже нечистая на руку.

Можно привести для примера тогдашней актёрской и театральной жизни в Ставрополе работу труппы антрепренёра госпожи Н. Петухович. Она привезла в город слабую труппу и преподнесла зрителям самый заурядный репертуар, на который публика сразу отреагировала отказом посещать театр. Антрепренёр перестала выплачивать даже частично жалование артистам.

Голодающие актёры пытались сыграть несколько спектаклей самосто ятельно, но Н. Петухович повесила на здании замки. Дело перешло к мировому судье, который решил его в пользу актеров. Юморист ставропольских «Губернских ведомостей» мрачно пророчил театру:

Труппа будет трупом театральным,
Дефицит в кармане ощущая,
И завоют голосом печальным
Все актёры, снова голодая.

Один из городских театралов – С. Тутаюк выступил в газете «Северный Кавказ» с большой статьёй, где, в частности, писал: «Мы в течение последних лет лишены хорошего театра благодаря тому обстоятельству, что антреприза, преследуя личную корыстную цель, царствует в театре. Среди нашей публики рождаются толки о совершенном уничтожении частной антрепризы и учреждении той дирекции, которая возвела бы наш театр на прежнюю немалую высоту».

Горожане живо откликнулись на статью, и в 1885 году было создано новое паевое товарищество, независимое от городской Думы, во главе с купцом С. Леонидовым. Новое товарищество назна-

чило дирекцию, которая привела в порядок запущенное здание театра: скамьи на галерее заменили креслами, изготовили новый занавес и декорации, пополнили костюмерную. В театр возвратились любимые ставропольцами артисты: М. Аграмов, Т. Рунич-Михайлова и многие другие. Дело пошло на лад. Народ понял, что театр – искусство дорогое и содержать его надо всем миром.

Невольно напрашиваются аналогии с сегодняшним днём: театр-юбиляр может оказаться в «эпоху карантинной изоляции» в плачевном состоянии и без помощи сторонней ему не обойтись.

ТЬфу, тьфу, тьфу, конечно...

Местные газеты «Губернские ведомости» и «Северный Кавказ» широко освещали театральную жизнь города. Публиковались сообщения о гастролях, бенефисах, списки трупп, рецензии, которые, надо отдать им должное, были грамотными, требовательными и живонаписанными.

С 1890-го по 1894 год в городе с переменным успехом работала труппа К. Лавровской-Долинской, в репертуаре театра широко были представлены И. Крылов, И. Потапенко, А. Дюма, А. Островский. Гастролировали именитые артисты императорской сцены: А. Варламов, П. Васильева, трагик, актеры большого творческого диапазона В. Долматов, Г. Федотова, М. Петипа и многие другие.

Театр в городе не может жить без определённой культурной почвы, которая взращивает умного, думающего зрителя, любящего искусство. В девяностые годы XIX века в Ставрополе менялась к лучшему культурная среда: было открыто пять бесплатных библиотек. В 1896 году по инициативе композитора и дирижера В. Беневского, поэта К. Хетагурова, купца и музыканта М. Волобуева был создан «Кружок изящных искусств», в котором были широко представлены поэзия, камер-

ная музыка, живопись художника В. Смирнова и других. Деятельность кружка оказывала большое влияние на умонастроения горожан, формировала высокий художественный вкус.

К. Хетагуров закончил Ставропольскую горскую гимназию, затем, после учёбы в Петербургской академии художеств, не по своей воле возвратился в Ставрополь. Здесь он сначала работал секретарём, затем редактором газеты «Северный Кавказ», в которой напечатал свое единственное драматическое сочинение – пьесу «Дуня», увидевшую свет рампы только в 1901 году в Пятигорске.

К. Хетагуров был театралом, активно участвующим в жизни ставропольского театра. Позже история рассудит так, что в наши дни в Ставрополе спектакль по произведениям Хетагурова (в том числе и его пьесу «Дуня») поставил режиссер В. Гурьев в театре-студии «Слово».

В 1896 году в Ставрополе состоялись длительные гастроли оперной труппы с участием известного в то время певца О. Камеонского. Дирижёром оперы был В. Сук, впоследствии известный советский дирижер. Летом продолжали работать малороссийские труппы...

Век девятнадцатый благополучно завершал своё мирное шествие, на пороге был бурный двадцатый век.

Суровые времена, суровые нравы

Двадцатый век принес Ставрополью научно-технический прогресс, заметное оживление экономических, духовных и культурных запросов общества.

В 1897 году купец С. Иванов, хозяин здания ставропольского театра, построил довольно мощную по тем временам электростанцию в районе

нынешних городских электрических сетей. В домах богатых горожан, в общественных местах и на улицах появилось электрическое освещение. В театре также керосиновые лампы были заменены электрическими.

В этом же году после долгих споров и согласований в Петербурге к Ставрополю была проложена Ростовско-Кавказская железнодорожная однопутка. А два года спустя архитекторами М. Бржезицким и С. Лазаревым построен красивый железнодорожный вокзал. При отступлении в 1943 году фашисты вокзал взорвали, после чего он был перестроен в нынешнем его виде архитектором Н. Чекмотаевым.

Мало кто знает, что в городе Ставрополе до революции было два железнодорожных вокзала. Второй вокзал обслуживал Туапсинско-Армавирскую железную дорогу (или, как её тогда называли, «Царскую») и находился на Туапсинке, ныне улице Баумана. Он сохранился до сих пор, там сейчас жилой дом. Сегодняшний район Туапсинка получил название от этой железной дороги и вокзала. Эта очень удобная железная дорога далее шла на Элисту, просуществовала она с 1910 по 1917 год. В лихолетье Гражданской войны она была разрушена и не восстановлена. Величественные останки виадуков дороги можно видеть до сих пор по пути в Краснодар.

Культурная жизнь в Ставрополе, в том числе и театральная, в эти годы развивается в нескольких направлениях. В 1899 году в Ставрополе создано Общество любителей драматического искусства, которое открыло свой театр в помещении народного дома и установило цены для зрителей ниже обычных. Этот фактически стационарный театр стал серьёзным конкурентом для гастролирующих трупп. В репертуаре у него были популярные,

главным образом, классические пьесы, чаще всего ставили А. Островского.

В 1904 году в Ставрополе учреждено отделение Императорского русского музыкального общества, которое возглавил И. Попов, человек энергичный, с хорошим музыкальным образованием. В городе стали регулярно проводиться симфонические концерты, квартетные собрания, успешно гастролировала итальянская опера Гонзалеса. Летом приглашенный из Таганрога симфонический оркестр давал концерты в Бабиной роще. Эта традиция сохранилась до наших дней, посетители двух городских парков с удовольствием слушают духовую и симфоническую музыку. От деятельности этого общества берет начало история нашей нынешней Ставропольской госфилармонии, как, впрочем, в целом и классическое профессиональное музыкальное образование в крае.

В 1905 году в здании торговых рядов на Александровской площади стараниями энтузиастов Г. Н. Пправе и Г. К. Прозрителева был официально открыт музей Северного Кавказа краеведческого профиля.

Надо отметить, что в Ставропольской губернии сложились к этому времени два культурных центра: в столице региона и на Кавказских Минеральных Водах, со своим специфическим курортным колоритом. Центры между собой конкурировали и перетягивали друг у друга наиболее успешные в кассовом отношении артистические силы.

Заметным было влияние на интеллектуальную и культурную жизнь Ставрополя деятельности таких писателей и общественных деятелей российского масштаба, как Я. Абрамов и И. Сургучев. Но театр по-прежнему занимал в ней ведущее положение.

В городе подолгу гастролировали самые известные актеры тогдашней театральной России: П. Орленев, известный «герой-неврастеник», сыгравший в Ставрополе царя Фёдора, Раскольников, Дмитрия Карамазова. Хорошо приняла театральная публика гастроли другого знаменитого артиста – М. Дальского, сыгравшего на ставропольской сцене такие разные по своему характеру роли, как Гамлет, Чацкий, Плюшкин, Ноздрев. Он обладал идеальными внешними данными для героических ролей, красивым сильным голосом, став ропопольские дамы были от него в восторге. Заметный эмоциональный след оставили у театралов гастроли братьев Рафаила и Роберта Адельгеймов и многих других звёзд.

На ставропольскую сцену, не без свирепых цензурных запретов, пришла драматургия А. Чехова, М. Горького. Удачные сезоны сменялись провальными. Ставропольский театральный газетный хроникер сетовал:

«Наша публика не может серьёзно относиться к театру. Какой бы хорошей драма ни была, обязательно окончит сезон с дефицитом, или, в лучшем случае, антрепренёр еле-еле сведёт концы с концами. Другое дело оперетка: этот род искусства находит у нас особенно любезное гостеприимство... Веселые канканские мотивы раздаются теперь всюду». Но в финале статьи он возмущённо воскликнул: «Нельзя же, однако, воспитывать молодежь на оперетте!..» Видно, автор оперетту недолюбливал.

В это время до Ставрополя докатились бурные события первой русской революции. Ставропольская губерния была объявлена на положении «чрезвычайной и усиленной охраны» с августа 1906 года и до Февральской революции 1917 года. Ставропольским губернатором был назначен су-

ровый Б. Янушевич, бывший тамбовский, где он прославился массовой поркой бунтующих крестьян. По прибытии в Ставрополь он с большим рвением взялся за управление вверенной ему губернии. Заработали военно-полевые суды, под строгий полицейский надзор была поставлена деятельность типографий, клубов, попечительств и многих других организаций.

Властное ужесточение коснулось и жизни ставропольского театра. Горожане были отвлечены предвыборными собраниями в первую Государственную Думу, бурно и с большим трудом была избрана городская Дума, зрителям было не до театра.

Репортёр с грустью подвёл итоги сезона 1906 года: «Нынешний сезон, и без того крайне тяжёлый, доведен до крайности убыточности и напряженности... Сценический мир был вправе рассчитывать, что со стороны властей он встретит готовность всеми зависящими мерами поддерживать потрясенную деятельность театра так, чтобы всякого рода механические и предупредительные препятствия тяжёлыми гирями не висели на обессиленных театральных предприятиях, но этого не произошло».

Далее история ставропольского театра между двух революций носила на себе общероссийские бурные политические, экономические, культурные отпечатки.

Театр между двух революций

Первые два десятилетия истории двадцатого века, вплоть до революции, для ставропольского театра были вписаны в общую картину провинциальной театральной жизни России.

Быт провинциального актёра начала XX века

мало чем отличался от жизни его собрата начала XIX. Рабочий день у актёра был больше, чем у кого-либо. Репетиции начинались в 10 часов утра и заканчивались в 16 часов, вечерние начинались в 19 часов и заканчивались около полуночи, после окончания спектакля. Ввиду спешности и ответственности постановки какой-либо пьесы антрепренёр просил остаться на 1–3 часа после спектакля. Таким образом, получалось 16 часов занятого времени и 8 часов – на отдых, на подготовку новых и репетиции старых ролей.

«Положение театра в провинции было чрезвычайно печальное, – писал известный актер и режиссер И. Певцов, много поколесивший по тогдашней провинции, – обычно в сезон должно было идти 180 спектаклей, и на эти 180 спектаклей, чтобы заполнить репертуар, нужно было найти не менее 160 названий пьес. А это означало по одной с дробью репетиции на каждую пьесу. При такой постановке дела нужно было соблюдать в работе только одно условие: не сталкиваться лбами на сцене».

В провинциальном театре вплоть до революции сохранился тип актёра-гастролёра, для которого создается весь спектакль, он солировал, ему подыгрывали... Понятие актёрского ансамбля пришло позже. В Ставрополе в эти годы гастролировали известнейшие актёры: Н. Россов, П. Скуратов, В. Комиссаржевская и другие.

1 октября 1910 года открылся новый, хорошо обустроенный театр «Пассаж», построенный братьями Меснянкиными. На открытие первого сезона в новом театре пригласили популярную труппу И. Судьбина с хорошим репертуаром из пьес А. Чехова, А. Островского, Г. Ибсена, М. Метерлинка и других. Как сами спектакли, так и новое здание, конечно, вызвали большой интерес у ставро-

польских зрителей. Однако продолжали работать летний театр Пахалова и «общедоступная драма» в народном доме, выбор у зрителя был большой.

Заметное оживление в культурную жизнь Ставрополя вносили выступления симфонического оркестра коммерческого клуба. За четыре месяца сезона 1914 года, к примеру, был дан 91 концерт, исполнялась русская и зарубежная музыка всех жанров, в том числе произведения Чайковского, Глазунова, Моцарта, Гайдна и других. Дирижировал Э. Валек, выступали известные инструменталисты того времени Ю. Эрденко, Я. Гонс, Я. Разек и другие.

Начало Первой мировой войны перевернуло сложившийся привычный уклад жизни Ставрополя. Все дорожало, с прилавков магазинов исчезали самые необходимые продукты питания и одежда. 21 июля 1916 года в Ставрополе отчаявшиеся рабочие и домохозяйки, штурмовали лавки и магазины. Властями было схвачено и посажено в тюрьму около 400 человек, по преимуществу солдаток. Официальным распоряжением губернатора С. Оболенского в городе было введено осадное положение.

Театр, понятно, тоже переживал сложное время. Однако наряду с традиционными фарсами и комедиями, большинство из которых представляли собой всякого рода солдатские лубки с куплетами и плясками, в репертуаре появляются патриотические по своей сути пьесы «Война» М. Арцибашева, «Богатыри» С. Гарина, его же «Германская шпионка». Идут также пьесы Найденова, Чирикова, Сургучева, Потапенко и других. Успехом в это время пользовалась труппа Л. Снегова, которая ставила спектакли для детей, что было редкостью.

Накануне революционного переворота в театре «Пассаж» гипнотизёров сменяли скрипачи, оперные певцы, с успехом прошли концерты Ф. Шаля-

пина, отдохавшего в Кисловодске и приехавшего с выступлением в Ставрополь. Работали украинские труппы В. Гайдамаки и Л. Косынкина, в летнем театре – русская труппа И. Покровского, где также с успехом прошли гастроли известного артиста И. Певцова.

Этому привычному театральному житью-бытью положил конец Красный октябрь. 31 декабря 1917 года в Ставрополе открылось губернское народное собрание. Оно подавляющим большинством голосов приняло постановление: «Организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и признать в России законной властью – Советскую власть».

Россия, входя в кровавую Гражданскую войну, вступила в эпоху мучительного слома привычного уклада жизни.

Будущее российского театра пророчески определили ещё 19 июня 1897 года К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко, два российских театральных гения, в многочасовой встрече в московском ресторане «Славянский базар», суть которой они сформулировали в нескольких предложениях: «Мы протестовали против старой манеры игры... против ложного пафоса, декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условностей постановки, декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, против ничтожного репертуара тогдашних театров» – и открыли в 1898 году Московский Художественный театр.

Идеи реформаторов русской сцены были усвоены в провинции далеко не сразу и не везде. Этому будут посвящены следующие страницы уже советской театральной истории Ставрополья и театра-юбилея.

Дизайн и вёрстка: Е.А. Вотинцева
Корректор: Е.Л. Ясинская

Подписано в печать 22.08.2022 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,00. Уч. изд. л. 8,26.
Заказ № 703. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-Принт».
650021, г. Кемерово, ул. Стахановская, 1-я, 39а.